

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

63

ИИМК

К 15 (5)

ИИМК

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

63

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удадьцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

*А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова,
А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров*

І. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Проф. И Н Ъ Д А

(Китай)

ДОСТИЖЕНИЯ КИТАЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЗА 4 ГОДА

В ходе строительства, начавшегося со времени освобождения Китая, в различных местах обнаружены многочисленные остатки древности. Центральное Народное Правительство, придавая большое значение изучению нашей родины, оказывает всемерную помощь в деле раскопок и научного исследования памятников материальной культуры. В течение четырех лет (1950—1953) напряженной работы китайские археологи достигли довольно больших успехов. Ниже вкратце будет рассказано о некоторых выдающихся открытиях этих лет.

Археологи, занимающиеся изучением палеолита, продолжали раскопки в пещерах Чжоукоудяня, где ранее были найдены остатки синантропа. В последние годы здесь обнаружены зубы синантропа, окаменевшие кости животных и каменные орудия. Открыта стоянка с палеолитическими орудиями в с. Динцунь уезда Фэньян (провинция Шаньси). Об археологии палеолита подробно рассказал в своем докладе, текст которого уже опубликован, проф. Пэй Вэнь-чжун¹. Поэтому здесь я не буду останавливаться на материалах этой эпохи.

І. ОТКРЫТИЯ И ОБОБЩАЮЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ НЕОЛИТА

В течение последних четырех лет было открыто множество неолитических стоянок не только в Северном, Западном и Северо-восточном Китае, но и в довольно мало ранее изученных археологически районах Восточного, Южного и Юго-западного Китая. В общей сложности открыто свыше 150 стоянок. Хотя иногда раскопки производились недостаточно тщательно и материалы, полученные в последние годы, еще не подвергались систематическому исследованию, предварительный анализ их, осуществленный на основе более чем двадцатилетнего опыта исследовательской работы китайских археологов, дает полную возможность наметить контуры первобытного общества Китая в эпоху неолита.

В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что в Китае в эпоху неолита в основном были распространены следующие культуры:

1. Неолитическая культура, памятники которой известны в районах, расположенных севернее Великой стены (рис. 1). Важнейшей особенностью

¹ Пэй Вэнь-чжун. Изучение ископаемого человека и палеолитические культуры в Китае. СЭ, 1954, № 3, стр. 38—41.

этой культуры является то, что среди относящихся к ней материалов большое место занимают мелкие обитые каменные орудия и оружие, в подавляющем большинстве представленное треугольными наконечниками стрел. В некоторых местах найдены и глиняные сосуды, относящиеся к типу гребенчатой керамики. Район распространения этой неолитической культуры очень обширен: от провинций северо-востока Китая он тянется на запад до самого Синьцзяна.

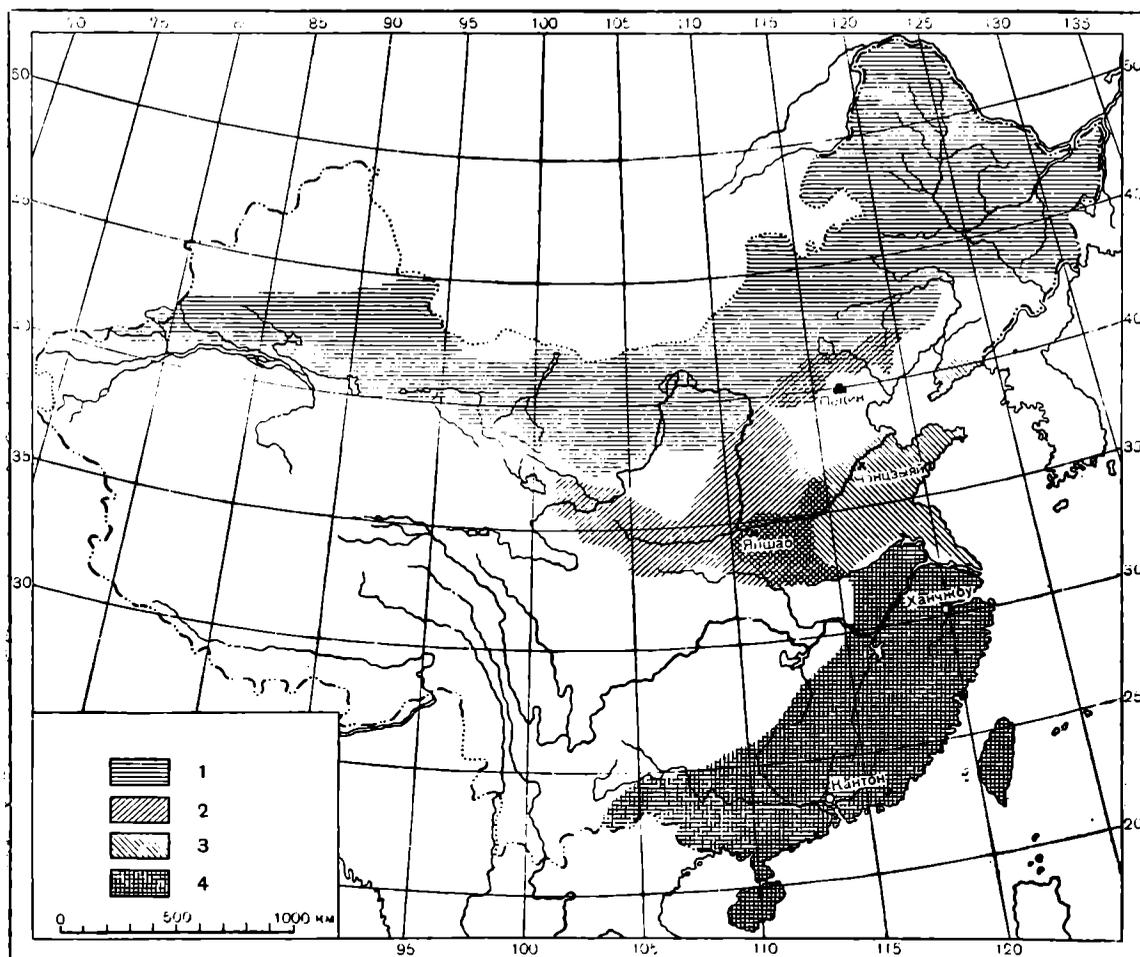

Рис. 1. Карта распространения неолитических культур Китая.

1 — микролитическая культура; 2 — культура Яншао; 3 — культура Луншань; 4 — культура керамики с вдавленным орнаментом.

2. Неолитическая культура Яншао. Главной особенностью ее является керамика, снаружи большей частью отполированная и выкрашенная в красный цвет. На красной поверхности сосудов нанесены разноцветные полосы. Керамике сопутствуют полированные и обитые каменные топоры и ножи. Эту культуру некоторые археологи называют «культурой расписной керамики». Она охватывала в основном северные и западные районы провинции Хэнань, а также провинции Шаньси, Шэньси, Ганьсу и Цинхай (рис. 2 — 1, 2).

3. Неолитическая культура Луншань. Для этой культуры характерна черная, отполированная до блеска керамика, которой сопутствуют полированные каменные орудия. На некоторых стоянках найдены также изделия из раковин. Эту культуру археологи называют «культурой черной керамики». До настоящего времени относящиеся к ней стоянки открыты в районах восточного морского побережья Китая, нижнего течения Хуанхэ и Янцзы, бассейна Хуайхэ и полуострова Ляодун (рис. 2 — 3, 4).

4. В Китае открыта еще одна неолитическая культура, для которой характерны сосуды из твердой глины, украшенные вдавленным геометрическим орнаментом. Керамике сопутствуют обитые и полированные каменные орудия. Эту культуру китайские археологи должны подвергнуть дальнейшему изучению. Выяснение особенностей открытых в разных местах материалов даст возможность более тщательно изучить китайский поздний

Рис. 2. Керамика китайского неолита.

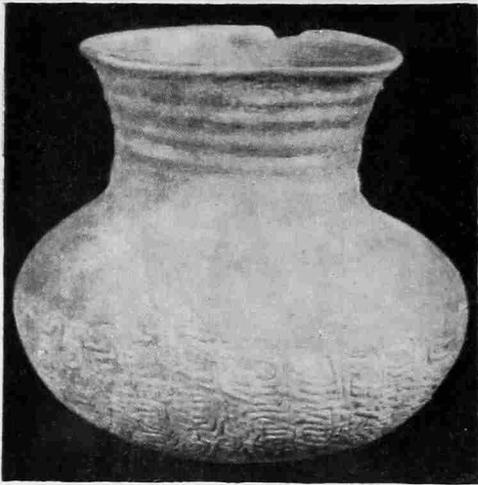
1—2 — сосуды, найденные в Юндэнь (провинция Ганьсу), относящиеся к культуре Яншао;
3—4 — сосуды, относящиеся к культуре Луншань.

неолит. Согласно собранным находкам, территория распространения этой культуры охватывала районы к югу от Янцзы и по юго-восточному морскому побережью Китая (рис. 3).

Кроме того, на юго-западе Китая открыты стоянки с неолитическими орудиями, отличающимися от найденных в других районах. Китайские археологи планируют проведение здесь систематических раскопок и исследований. Сравнение неолитических памятников этих районов с другими неолитическими культурами Китая поможет выяснить взаимоотношения первобытных коллективов (местом расселения которых был Юго-западный Китай) с первобытными коллективами других территорий Китая (рис. 1)¹.

¹ На приведенной карте неолитических культур Китая недостаточно исследованные стоянки опущены.

Что можно сказать на основании имеющихся материалов о хронологической последовательности названных выше культур? Культура Яншао относится к эпохе в общем более ранней, чем луншаньская. С полной уверенностью можно сказать, что в северной Хэнани остатки яншаоской культуры предшествуют луншаньским. Культура «твердой» керамики юго-восточного морского побережья Китая в общем датируется эпохой более поздней, чем луншаньская. Микролитическая культура районов к северу от Великой стены примитивнее культуры Яншао; поэтому, если исходить из степени общественного развития, она должна быть помещена раньше последней. Однако до сих пор мы не можем точно определить, какая из этих культур предшествовала другой, так как вполне возможно, что примитивная культура одного района существовала одновременно с более высоко развитой культурой другого района; может быть, она относится даже к более поздней эпохе, чем обогнавшая ее культура.

1

2

Рис. 3. Сосуды с вдавленным орнаментом, относящиеся к эпохе неолита.

1 — из Миньцина (провинция Фуцзянь); 2 — из Деяна (провинция Цзянсу).

В отношении определения хронологических рамок культуры Яншао и Луншань китайскими археологами в прошлом была проделана некоторая работа. Но непрерывно накапливающийся новый материал заставляет пересмотреть прежние выводы и вновь тщательно продумать этот важный вопрос.

В некоторых неолитических стоянках, примыкающих с севера к Великой стене, наряду с микролитическим инвентарем находят полированные каменные орудия и черепки расписной керамики. Это говорит о взаимном влиянии микролитической культуры и яншаоской.

Возникла ли после слияния культур Яншао и Луншань в районе их соприкосновения какая-то особая культура? Этот вопрос в настоящее время поставлен перед китайскими археологами. Тщательно изучая материалы неолита средней и южной частей Хэнани, исследуя, в какой мере было действительное слия-

ние этих двух культур, археологи приближаются к разрешению поставленной проблемы.

Итак, на обширных пространствах Китая, в разнообразных природных условиях, определивших различный характер хозяйственной жизни, естественно развились в эпоху неолита такие различные культуры, как микролитическая к северу от Великой стены, яншаоская в бассейне Хуанхэ, луншаньская восточного морского побережья Китая и, наконец, культура «твердой» керамики районов к югу от Янцзы. В определенных районах и в определенных природных условиях эти культуры могли в течение длительного времени самостоятельно развиваться и достигать зрелости. Но вполне возможно и то, что в районах соприкосновения различных культур они в известные периоды взаимно влияли друг на друга, причем каждая

из них впитывала некоторые элементы другой, что ускорило процесс их развития.

Под влиянием интенсивных взаимных сношений, стимулировавших постепенное развитие, эти культуры достигли этапа бронзового века и стали культурами различных районов и племен древнего Китая этого периода.

II. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В АРХЕОЛОГИИ ЭПОХИ ИНЬ

Огромное количество памятников эпохи Инь было найдено у с. Сяотунь, недалеко от Аньяна (провинция Хэнань), во время раскопок, производившихся с 1928 г. по 1937 г. В 1950 г. недалеко от с. Сяотунь Институтом археологии Академии наук Китая были организованы раскопки, в процессе

Рис. 4. Черепа и кости в могиле, вскрытой около большой гробницы, раскопанной в окрестностях Аньяна (провинция Хэнань).

которых вскрыта большая гробница. Хотя она оказалась ограбленной, но все же тщательные и систематические раскопки дали богатые результаты. Бросается в глаза расположение костяков, сопровождавших основное захоронение. В верхнем помещении гробницы в два ряда лежали неповрежденные костяки. Рядом с некоторыми из них обнаружены различные предметы. По краям гробницы археологи нашли свыше 30 черепов, а недалеко от нее раскопали 17 могил, расположенных в 4 ряда. В каждую из могил уложено в несколько слоев по 10 обезглавленных скелетов. Немного дальше от гробницы археологи вскрыли еще 7 могил, в большинстве которых лежали обезглавленные скелеты и отрубленные конечности. Повидимому, в этих могилах хоронили тех, кто сопровождал захороненного в гробнице (рис. 4). Прекрасная отделка положенных в гробницу предметов и большое число костяков, сопровождавших основное захоронение, убедительно доказывает, что здесь погребен человек, занимавший в иньском обществе достаточно высокое положение, а это значит, что классовое расслоение в это время уже достигло известного этапа.

В настоящее время раскапываются иньское поселение и могилы в предместьях Чжэнчжоу (провинция Хэнань). Если судить по уже достигнутым результатам, поселение не было разрушено и сохранилось в довольно хорошем состоянии. Под иньским культурным слоем обнаружены слои с материалами луншаньской культуры. Повидимому, удастся определить последовательность в расположении иньских культурных наслоений, что может иметь большое значение для изучения этапов развития иньской

культуры. В поселении найдены гадательные кости и черепашьи щиты, наличие которых является важнейшей отличительной чертой иньских памятников, раскопанных у Аньяна.

В с. Люлигэ уезда Хойсянь (провинция Хэнань) в течение 1950—1951 гг. раскопано более 50 иньских могил с очень интересным инвентарем (рис. 5) и относящийся к той же эпохе зольник (хойкан). Открыто иньское поселение и в предместье города Цзинань (провинция Шаньдун).

Таким образом, теперь иньские поселения найдены уже не только в окрестностях Аньяна, но и в Чжэнчжоу, в уезде Хойсянь и в предместье Цзинаня. Следовательно, у нас есть новые сведения о географическом распространении иньского народа; научно поставленные раскопки в этих местах и систематическое всестороннее изучение их результатов должны дополнить и обогатить наше представление об истории иньского общества.

Рис. 5. Бронзовый сосуд из иньской могилы в с. Люлигэ уезда Хойсянь (провинция Хэнань). $\frac{1}{4}$ н. в.

III. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В АРХЕОЛОГИИ ПЕРИОДА ЧЖАНЬГО

Могилы, относящиеся к периоду Чжаньго, открыты во многих местах в довольно значительном количестве. Некоторые из них уже раскопаны и изучены. Ниже мы коротко осветим важнейшие открытия в этой области.

Раскопки могил периода Чжаньго, осуществленные в уезде Хойсянь (провинция Хэнань) дали множество глиняных, бронзовых и нефритовых сосудов. Часть бронзовых сосудов инкрустирована золотом и серебром. В двух сосудах было найдено жертвенное мясо. Следует отметить необычайно тонко отделанные предметы из бронзы: кувшины (рис. 6—1), изображения людей, украшенную золотом и нефритом поясную пряжку (рис. 7) и изображения лошадиных голов с золотой и серебряной инкрустацией, кото-

рыми заканчивались дышла. Здесь же была вскрыта яма с колесницами и со скелетами лошадей. Хотя деревянные части колесниц истлели, но оставленные в земле отпечатки позволяют восстановить их конструкцию и общий вид. Еще важнее найденные здесь железные орудия производства периода Чжаньго. Среди них есть заступы и лемехи (рис. 6—3). Эти находки представляют исключительную ценность для исследователей, занимающихся вопросами развития производства и хозяйственной жизни этого периода.

Раскопки гробниц периода Чжаньго производились также в предместьях столицы провинции Хунань — Чанша. Вскрытая здесь в июле 1953 г. гробница ранее была ограблена, помещение ее разрушено, предметы, находившиеся в нем, разграблены. Все же раскопки дали немало ценных материалов. К прямоугольному залу вел наклонный ход. Стены зала были покрыты довольно толстым слоем водонепроницаемой белой глины, предохранявшей саркофаги и гробы от гниения. Этим и объясняется их сравнительно хорошая сохранность. Покойник лежал в двух (помещенных один в другой) больших гробах и в двух саркофагах, сделанных из крепкого дерева. На поверхности дна внутреннего гроба вырезан свернувшийся дракон. Резное изображение длиной 1,8 м, шириной 0,45 м и глубиной 0,04 м выполнено очень тонко, полно движения и жизни. Между внутренним и внешним саркофагами найдены глиняная посуда, остатки бронзовых сосу-

дов, поясные пряжки и обоюдоострые мечи из бронзы, погребальные статуэтки, гребни, секиры и обоюдоострые мечи из дерева, железные заступы и бамбуковые дощечки для письма. На погребальных статуэтках, разрисованных черной тушью, — длинные до пят халаты с косо вырезан-

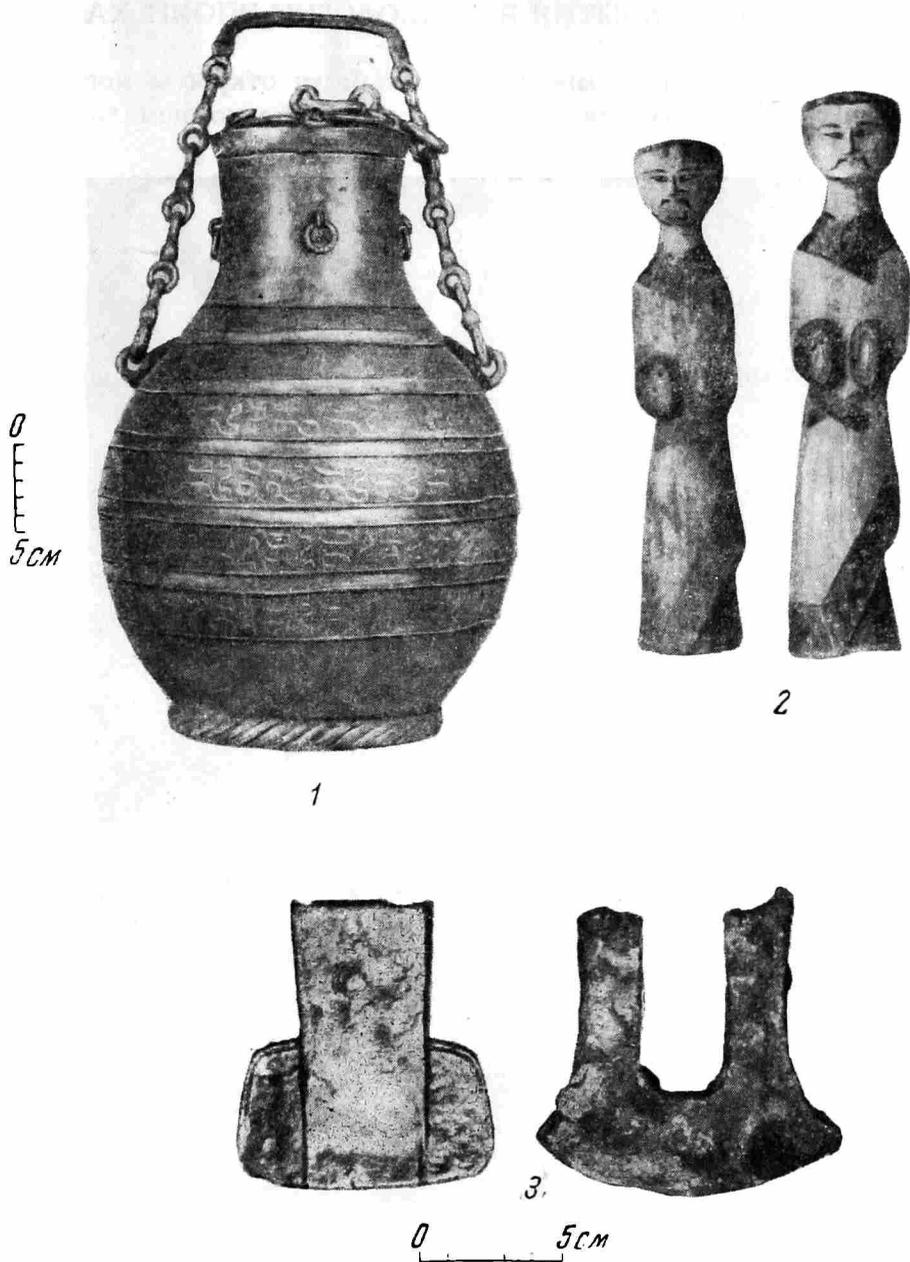

Рис. 6. Находки, относящиеся к периоду Чжаньго.

1 — бронзовый кувшин из погребения (с. Чжаогу, уезд Хойсянь, провинция Хэнань); 2 — деревянные погребальные статуэтки из раскопок в предместьях Чанша; 3 — железные орудия из могил, вскрытых в с. Гувэй уезда Хойсянь.

ными воротниками и большими рукавами (рис. 6—2). Бамбуковых дощечек для письма найдено довольно много. Они прямоугольной формы, в длину достигают 22 см, в ширину — 1,2 см. На некоторых из них есть надписи, сделанные черной тушью. Самая длинная надпись состоит из 21 иероглифа. Эти находки представляют большую ценность для ученых, исследующих историю и культуру древнекитайского общества периода Чжаньго (рис. 8).

Немало могил, относящихся к этому периоду, обнаружено и в других местах. Некоторые из находок могут быть также привлечены при изучении социальной истории этого времени. Но самыми выдающимися открытиями являются те, что описаны выше.

IV. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В АРХЕОЛОГИИ ЭПОХИ ХАНЬ

В ходе строительства во многих местах были открыты могилы, относящиеся к эпохе Хань. В некоторых из них найдено немало материалов,

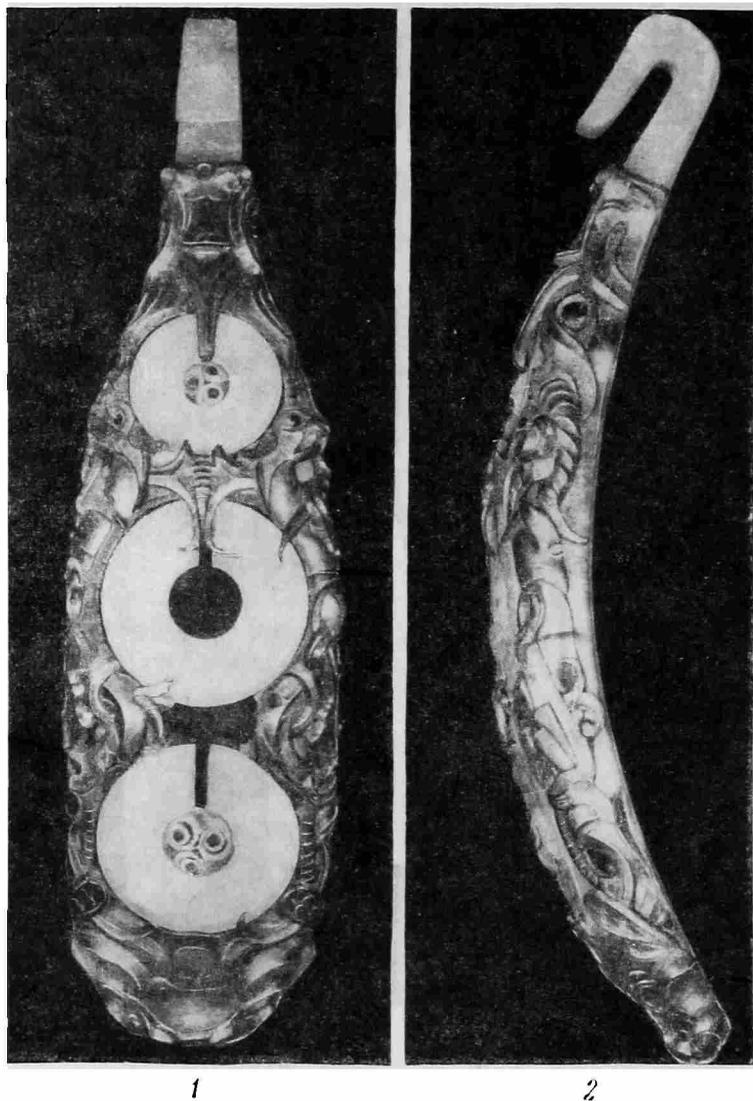

Рис. 7. Бронзовая поясная пряжка, украшенная золотом и нефритом (период Чжаньго).
Найдена при раскопках одной из могил в уезде Хойсянь провинции Хэнань.

1 — вид спереди; 2 — вид сбоку.

весьма ценных для ученых, занимающихся историей этой эпохи. Ниже будут коротко освещены важнейшие открытия в этой области.

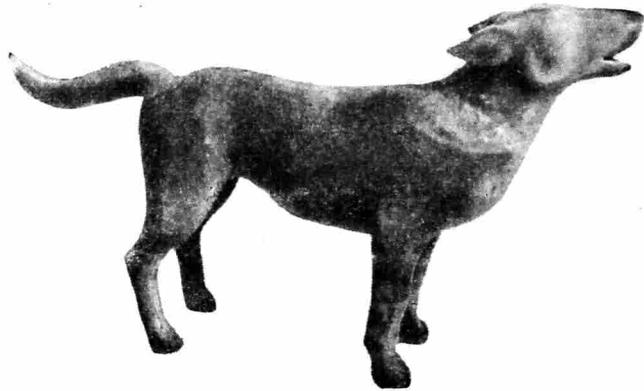
В предместьях Лояна (провинция Хэнань) раскопано свыше 260 могил, в которых найдено свыше 10 000 различных предметов. Среди них глиняные кувшины, бутылки, жаровни, модели колодцев и амбаров из глины; немало бронзовых зеркал и мелких монет, часть которых относится ко времени правления Ван Мана (9—22 гг. н. э.). Хотя такого рода предметы находили и раньше, но большое количество материала дает возможность, расположив его в хронологическом порядке, проследить изменения

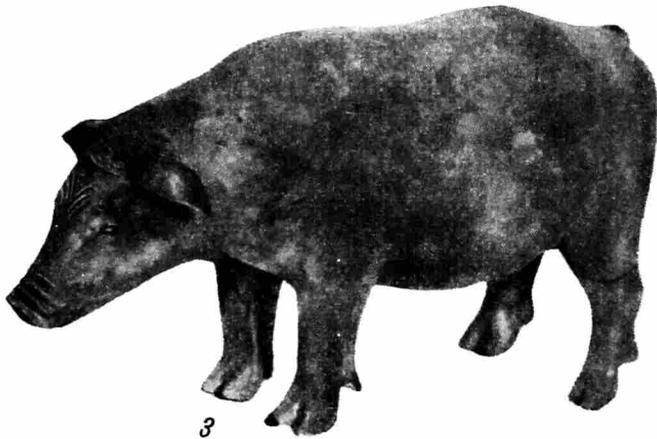
Рис. 8. Бамбуковые дощечки для письма (период Чжаньго), найденные при раскопках могил в предместьях Чанша.

1

2

3

Рис. 9. Фигурки эпохи Хань.

1 — глиняная модель заплываемого поля, обнаруженная в могиле (провинция С.чуань); 2 — фигурка собаки, найденная в могиле (провинция Хэнань); 3 — фигурка свиньи из погребения (провинция Хэнань).
1, 2 — $\frac{1}{2}$ н. в., 3 — $\frac{2}{3}$ н. в.

в формах вещей и погребений, происшедшие почти за 4 века, начиная с правления У-ди и кончая правлением Сянь-ди (140 г. до н. э.—220 г. н. э.); отсюда можно сделать некоторые выводы и о развитии общественной и хозяйственной жизни. Так, благодаря тому, что в глиняных моделях амбаров сохранились злаки, мы можем изучить состояние сельскохозяйственного производства и историю возделывания различных сельскохозяйственных культур в отдельных районах. Например, среди остатков злаков обнаружены зерна сортов риса, гребующих при обработке затопления; в настоящее время в окрестностях Лояна этих сортов риса не сажают. Глиняные модели колодцев, предназначенных для орошения, имеют форму эллипса. На обоих концах веревки прикреплено по бадье, так что, когда одна из них поднимается с водой, другая, пустая, опускается, что экономит много сил.

Большое число могил, относящихся к эпохе Хань, открыто в Сычуани при строительстве железной дороги Чэнду—Чунцин. На квадратных кирпичах, которыми выложены многие могилы, сохранились цветные рисунки, изображающие дома, людей, животных и птиц. Найденные вещи в подавляющем большинстве представляют собой образцы предметов, с которыми приходилось иметь дело людям того времени в повседневной жизни. Есть сделанные из глины изображения колесниц и лошадей, хижин, колодцев, очагов; фигурки рабов и рабынь, певцов и музыкантов, домашних животных, рыб и лягушек, модели полей и садов. Встречаются сосуды из золота и серебра, предметы домашнего обихода и оружие. Самая интересная находка — глиняная модель затопляемого поля (рис. 9—1). На нем стоят 5 человек. У одного из них на плече кувшин, а в правой руке — корзина; он как будто несет пищу. У другого на животе висит барабан, в который он бьет обеими руками. Два человека с согнутыми спинами, судя по движению — работники; наконец, еще один человек в длинном халате стоит, сложив руки и наблюдая за всем; это, очевидно, надсмотрщик помещика. В канаве, расположенной у края поля, находятся лягушки и лещи. Группа живо рассказывает нам о сельском хозяйстве эпохи Хань.

В относящихся к той же эпохе гробницах, раскопанных в предместьях Чанша, найдены лаковые сосуды, деревянные погребальные фигурки, модели лодки и колесницы.

Обнаруженные гробницы дали ценный конкретный материал, свидетельствующий об общественной жизни эпохи Хань. Новые данные помогут более обстоятельно изучить социальный строй, классовую структуру, сельскохозяйственное производство и жизнь сельскохозяйственного населения этой эпохи. Для тех, кто изучает социальную историю Китая, собранные материалы представляют большую ценность.

Достижения китайских археологов за последние 4 года не ограничиваются тем, о чем рассказано выше. Был сделан ряд открытий и в области археологии эпох Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий, Суй, Тан, Сун, Юань и Мин (420—1644 гг.).

Колоссальное строительство, разворачивающееся в нашей стране, способствовало тому, что во многих местах были найдены памятники древности. Но из-за того, что археологов гораздо меньше, чем нужно, многое не удалось пока обработать и издать.

Перевод с китайского В. А. Рубина

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

АНДРОНОВСКИЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРКИ
ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Среди большой коллекции терракот Отдела советского Востока Государственного Эрмитажа, собранной Н. И. Веселовским в 1885 г. во время его раскопок на городище Афрасиаб¹, а частью составленной из покупок у коллекционеров Самарканда², есть одна, резко выделяющаяся среди терракотовых фигурок из Афрасиаба³. Она имеет вид продолговатого брусочка и отличается прежде всего по материалу. Фигурка вырезана из пористого туфового, довольно мягкого, серого известняка⁴. На одном конце брусочка каким-то металлическим орудием с тонким лезвием и острым концом выгравировано лицо человека: тонкие черточки бровей, глаза (вырезанные острием снизу вверх, так что они особенно углублены в верхней части), нос и рот, нанесенные поперечными пропилами, четко очерченный подбородок (рис. 10—2, 4). На голове изображен мягко облегающий головной убор, выступающий над лбом вперед. За исключением небольшого, отесанного возвышения на месте живота, никаких других деталей туловища нет. Обратная сторона гладко стесана полукругом. Особенно хорошо заглажены верх и бока. Фигурка сохранилась полностью, так как снизу бруска имеются естественные выбоины поверхности камня⁵. Уже первоначальный осмотр позволил заключить, что по своим стилистическим особенностям эта скульптура не находит ничего общего с известными афрасиабскими и другими среднеазиатскими и восточнотуркестанскими терракотами, но ближайшим образом напоминает андроновские каменные изваяния⁶ и изображения, выгравированные на костяных пластинках⁷ из Хакасско-Минусинской котловины.

По стилистическим признакам фигурка входит в одну группу с андроновскими изображениями. Общим для них всех является изображение в верх-

¹ С 8 апреля по 14 августа 1885 г. См. Архив ЛОИИМК, д. № 20, лл. 144 и 188.

² В частности, у самаркандского купца Мирзы Бухарина и, быть может, у коллекционеров Ташкентского оазиса, когда Н. И. Веселовский проезжал через Ташкент и Фергану. Точное происхождение фигурки установить не удалось.

³ Ср. С. Тревер. *Terracotas from Afrasiab*. М.—Л., 1934.

⁴ Хранится в Отделе советского Востока Государственного Эрмитажа (инв. № А-298). Выражаю глубокую благодарность сотруднице отдела Е. А. Мончадской, во многом содействовавшей моему знакомству с коллекцией.

⁵ Высота ее — 10 см, ширина — 4,3 см, толщина — до 3 см.

⁶ М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, 1950, рис. 3—6 и 9, 11, 12; М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1929, табл. V, рис. 40, 43; табл. VIII, рис. 71.

⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. VIII, рис. 3 и 4.

ней части удлиненного предмета, — круглого или плоского, — только головы человека (повидимому, женщины, что иногда устанавливается твердо). На многих показаны зачесанные назад волосы, нередко виден головной убор, выступающий над лбом. Лицо передано лишь в общих чертах, чаще —

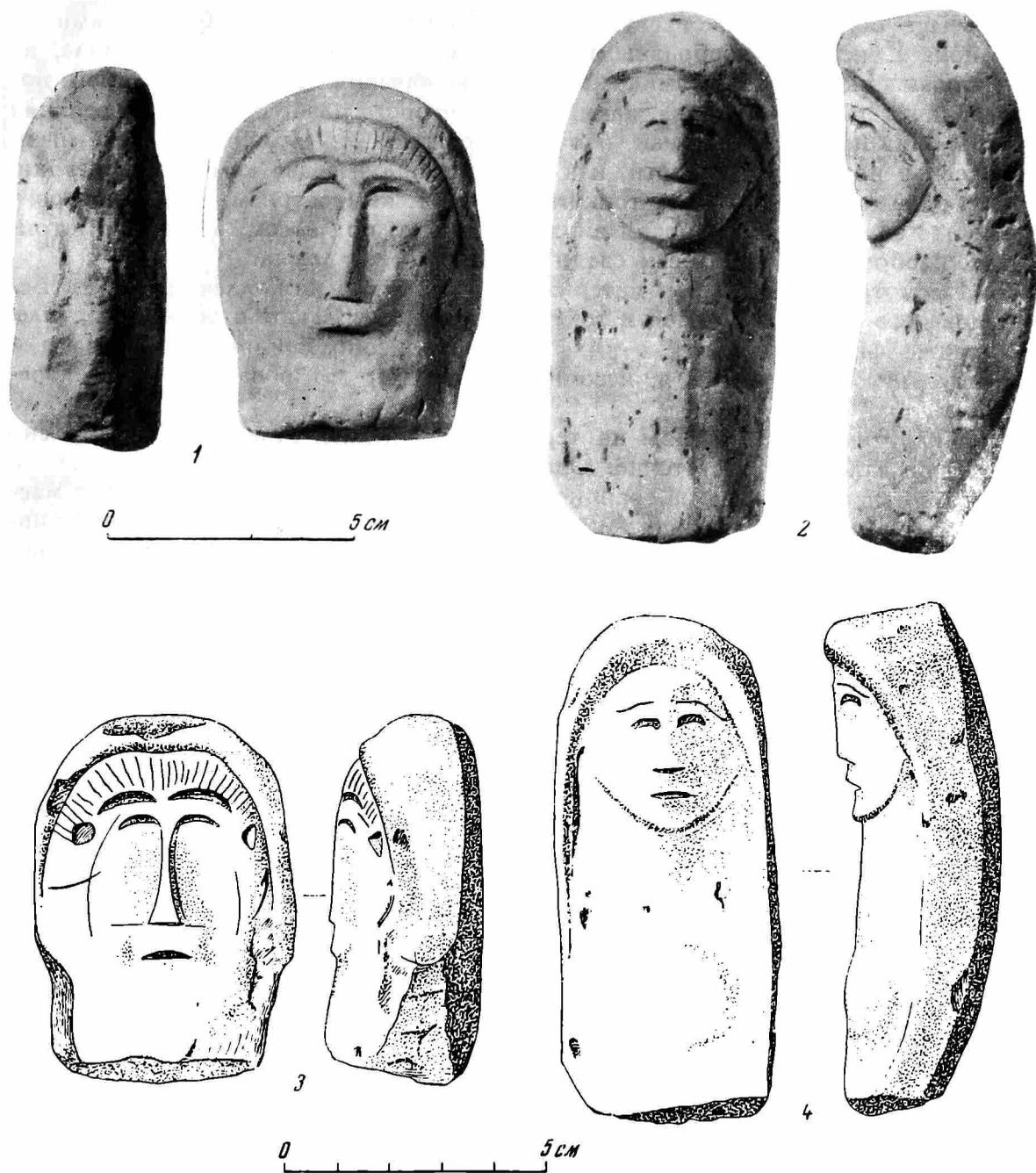

Рис. 10. Среднеазиатские фигурки из коллекции Н. И. Веселовского.
1, 2 — фотоснимки; 3, 4 — прорисовка (1, 3 — фигурка из глины; 2, 4 — фигурка из камня).

с длинным прямым носом и острым подбородком. Иногда на андроновских изваяниях выделялся выпуклый живот.

Описанная фигурка андроновского времени — не случайность для Средней Азии, где, надо полагать, аналогичные скульптуры были в то время достаточно широко распространены, что хорошо подтверждается второй скульптурой из коллекции Н. И. Веселовского.

Это головка из хорошо обожженной красной глины с небольшой примесью кварцевого песка (рис. 10 — 1, 3)¹. Несмотря на свойства материала, головка не вылеплена и не оттиснута штампом, как большинство терракот Афрасиаба, а вырезана до обжига из твердой, высушенной на солнце глиняной заготовки. Выступающий над лбом головной убор² облегает удлиненное лицо. На лбу нарезками показаны волосы, зачесанные назад, что еще более сближает скульптуру с андроновскими изображениями из района Енисея. Лунообразными вырезками переданы не только глаза, но и брови. На висках — ямки неясного назначения. Длинный прямой нос ограничен распилом так же, как и рот, у которого изображена лишь верхняя губа. Низ предмета обломан, и очень вероятно, что туловище так же изгибалось в недостающей части, как и у описанной выше каменной фигурки.

Головка вырезана тоже тонким металлическим острием, следы которого хорошо сохранились по бокам внизу, на щеках, под носом, а также в штрихах, изображающих волосы; сзади она просто заглажена.

Несмотря на разницу в материале, обе фигурки из коллекции Н. И. Веселовского сделаны в одной и той же технике, совпадают в деталях и стиле, а также физиономически, с андроновскими изображениями из Хакасско-Минусинской котловины и, несомненно, должны датироваться тем же временем.

Культуры эпохи бронзы на территории Средней Азии изучены до сих пор еще далеко не достаточно. Однако следует указать, что Средняя Азия в это время находилась на границе двух основных больших культурных массивов: южных культур типа Анау, с земледелием, основанным на примитивном орошении, с оседлыми поселениями, для которых характерна расписная керамика, и северных культур полуседлых скотоводческих и отчасти, возможно, земледельческих племен с материальной культурой, ближайшим образом родственной андроновской культуре Казахстана, районы распространения которой непосредственно примыкали с севера к интересующей нас территории.

При этом культурные взаимодействия приводили к взаимопроникновению тех или иных элементов в чужеродную среду. В частности, в материале культуры Анау III, среди преобладающего количества обычной расписной керамики, обнаружены фрагменты сосудов, весьма близких к андроновским и по технике изготовления, и по орнаменту³. Стоянки с подобной керамикой широко известны на юге Туркмении⁴. Обломки близких горшковидных сосудов найдены в старом русле Аму-Дарьи, так называемом Келифском Узбое⁵. И, наконец, аналогична андроновской и по формам, и по орнаменту посуда тазабагъябской культуры Хорезма⁶. В Южно-Казахстанской области, непосредственно примыкающей к Восточному Узбекистану, недавно открыты несомненные андроновские могильники. Судя по керамике из могильника на северном склоне Кара-тау, здесь выявились погребения как более раннего (для андроновской культуры) федоровского этапа, так и более позднего — алакульского⁷. По случайной находке двух типично андроновских сосудов и

¹ Хранится в Отделе советского Востока Государственного Эрмитажа (инв. № А-593). Высота фигурки — 7 см, ширина — 5 см, толщина — 3 см.

² Верх его чуть обит.

³ R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. Washington, 1905. v. I, табл. 15, рис. 7 и 9.

⁴ Разведки М. В. Воеводского и сборы А. Н. Формозова в 37 км к северу от Ашхабада по дороге к серному заводу. (Хранится в ГИМ).

⁵ С. А. Ершов. Археологическая коллекция с Келифского Узбоя. Изв. Академии наук Туркм. ССР, 1951, вып. 3, стр. 89.

⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

⁷ Сузакский район, урочище Тау-Тары близ пос. Баба-Ата. Сообщено автором раскопок 1953 г. — Е. И. Агеевой.

на южном склоне Кара-Тау¹, можно полагать, что андроновская культура была распространена здесь и дальше на юг. Находки обломков посуды при строительстве Ташкентского канала (на левом берегу р. Чирчика) позволили А. И. Тереножкину заключить, что сосуды эти по своим формам, технике изготовления и по орнаментации в основных чертах близки андроновским². Позднее, в своей диссертации, он, привлекая широкий круг дополнительных материалов, указал, что культура бронзового века в Чаче (область орошения рр. Чирчика и Ангрена) связана с андроновской культурой Казахстана и может определяться «в качестве варианта этой культуры»³. Далее на восток несомненный вариант андроновской культуры обнаружен в Южной Киргизии в долине р. Арпа (Тянь-Шань)⁴.

Таким образом, приведенный обзор сведений, — конечно, еще далеко не полных, — о распространении в Средней Азии культур, или весьма близких андроновской, или даже являющихся локальными вариантами этой культуры, — не позволяет сомневаться в местном происхождении описанных выше андроновских фигурок. Они существовали здесь во II тысячелетии до н. э. наряду с керамикой андроновского типа, аналогичными андроновским бронзовыми кинжалами, ножами, вислообушными топорами, шильями⁵, браслетами специфичной для Казахстана и Средней Азии формы со спи-ралями на концах⁶ и т. д.

Следует также остановиться и на территории распространения андроновских изваяний и изображений человека. После находки в 1945 г. С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой в раннеандроновском погребении в г. Абакане двух костяных пластинок с изумительными выгравированными на них головками женщин⁷, которые сразу же позволили определить время многих каменных изваяний Хакасско-Минусинской котловины (указанных нами выше)⁸, — создалось впечатление, что подобные изображения людей на кости и камне являлись специфичной локальной особенностью андроновской культуры Хакасско-Минусинской котловины. И действительно, следует признать, что в андроновское время лишь для этого района характерно наличие больших монументов в виде каменных столбов или плит с изображением в верхней части лица человека. Нигде в других районах распространения андроновской культуры, от Алтая и до Южного Урала, от Западной Сибири и до Средней Азии, такие монументы не обнаружены, что уже ныне не может считаться лишь результатом необследованности этих районов. Очевидно, их здесь и не было.

¹ Каратасский район, Южно-Казахстанской области, пос. Ленинское. Сообщено Е. И. Агеевой.

² А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. Узбекского филиала Академии наук СССР, 1940, № 9, стр. 31.

³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач (автореферат кандидатской диссертации). КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 152, 153.

⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 19—22 и рис. 7.

⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 152, 153, рис. 70—1, 2 и табл. XV (сводная).

⁶ М. Э. Воронец. Браслеты бронзовой эпохи. Материалы по археологии Узбекистана, т. I, Ташкент, 1948, стр. 65.

⁷ С. В. Киселев. Указ. соч., табл. VIII, рис. 3, 4.

⁸ Я не могу согласиться с мнением М. П. Грязнова, который причисляет теперь к андроновским и все карасукские каменные изваяния (М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы...). Представляется, что выделенные им переходные типы могут служить лишь доказательством связи карасукских изваяний с предшествующими андроновскими. Упускается при этом вероятность переиспользования андроновских изваяний в карасукское время, когда их видоизменяли, внося новые и уничтожая старые черты. Примером последнего может служить знаменитая аскыская Хуртуях-тас, выпуклый живот которой был позднее плоско стесан и на нем изображена типично карасукская личина. Таким же образом и у уйбатской Хыс-тас, видимо, было отесано лицо и затем, позднее, нанесены на него карасукские черты (М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 11 и 12).

Однако на территории Хакасии, среди случайных находок, есть небольшие каменные фигурки, безусловно, андроновского времени. Укажем таштыпскую миниатюрную фигурку длиной 4,25 см, вырезанную из мягкого агальматолита (рис. 11—1)¹. Все ее черты — удлиненное лицо с острым подбородком, зачесанные назад волосы, серьги характерной формы и даже размеры, — почти целиком совпадают с характерными чертами лиц, изображенных на абаканских костяных пластинках. Укажем также бейскую скульптуру (длиной 33 см) — выбитое на одном конце плоского изогнутого валуна характерное для андроновских изваяний лицо с длинным, прямым носом (рис. 11—2)².

Таким образом, андроновские изображения человека из Хакасско-Минусинской котловины, имеющие бесспорную стилистическую общность, подразделяются на три типа: 1) большие каменные монументы, известные только для этого района; 2) небольшие пестикообразные фигурки из камня; 3) изображения на плоскости чуть изогнутых костяных пластинок, по размерам сближающиеся с фигурками второго типа.

Для остальной территории распространения андроновской культуры, очевидно, был характерен второй тип небольших скульптур. К нему относятся не только публикуемые нами среднеазиатские фигурки, но и другие из числа случайных находок в разных районах, — например, пестикообразный из темного мягкого камня столбик с головкой человека на верхнем конце; длина его — 17,8 см; он происходит из Семипалатинской области Восточного Казахстана и ныне хранится в Государственном Эрмитаже (рис. 12)³.

Нижняя, почти цилиндрическая часть отполирована, повидимому, от длительного употребления. Самый низ слегка скруглен и заглажен. Вверху, на узкой стороне, объемно выдается лицо человека с нависшим над лбом, далеко выступающим вперед головным убором. Изображенное лицо европеоидно; у него довольно грубые черты — покатый лоб, сильно выступающие надбровья, прямой, расширенный книзу нос, широкий рот и прямоугольный подбородок. Глаза переданы углублениями. Андроновское происхождение изваяния особенно очевидно при сравнении с так называемой «бабой» из Асочакова улуса (Хакасская автономная область), у которой совершенно те же черты лица и такой же нависающий головной убор (1 тип)⁴.

Кроме Средней Азии и Казахстана, фигурки андроновского времени найдены в южных районах Западной Сибири, прилегающих к Казахстану, где проходила, до сих пор еще точно не выясненная, северная граница расселения андроновских племен. А. М. Тальгрэн, публикуя в 1938 г. упомянутую таштыпскую фигурку из Хакасии, издал и очень близкую ей по форме, стилю и размерам фигурку из обожженной глины, происходящую из Тю-

¹ Найдена в р. Таштып близ устья; приобретена И. Р. Аспелиным в 1887 г. и хранится в музее г. Хельсинки (№ 2599). Опубликована впервые: Н. Appelgren-Kivalo. *Alt-altaische Kunstdenkmäler*. Helsingfors, 1931, рис. 242; ср. А. М. Тальгрэн. *Some north- Eurasian sculptures*. ESA, XII, Helsinki, 1938, рис. 27, стр. 132.

² Найдена у Бейской займки на правом берегу р. Бейки, притока Уйбата. Хранится в Минусинском музее. Впервые издана А. М. Тальгрэном (указ. соч., рис. 25); ср. М. П. Грязнов. *Минусинские каменные бабы...*, стр. 137, рис. 5.

³ Государственный Эрмитаж, отдел истории первобытной культуры, инв. № 1645-1. Дар В. П. Никитина, перу которого принадлежит «Памятники древности Каркалинского уезда» (ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, новая серия, СПб., 1896, стр. 211—218) и «Краткое описание памятников древности Семипалатинской области» (ИАК, вып. 2, СПб., 1902, стр. 103—111). Впервые датировка этой фигурки андроновским временем установлена М. П. Грязновым, поместившим ее в андроновскую витрину выставки Эрмитажа. Приношу глубокую благодарность М. П. Грязнову за помощь в работе.

⁴ Хранится в музее краеведения в г. Абакане. См. М. П. Грязнов. *Минусинские каменные бабы...*, стр. 141, рис. 9; ср. Н. Appelgren-Kivalo. *Указ. соч.*, рис. 221.

менского округа (рис. 11 — 3)¹. Это совершенно подобная таштыпской пестикообразная, сужающаяся книзу миниатюрная фигурка; в верхней части схематично изображено лицо человека; показанные резьбой брови, рельефный прямой нос, глаза и рот, переданные углублениями, были нанесены на отвердевшую глину до обжига.

Следовательно, и в Западной Сибири, и в Средней Азии у андроновских племен, наряду с каменными, были распространены и глиняные фигурки, о чем мы до сих пор не имели никаких данных.

По всей вероятности, андроновскими являются и антропоморфные небольшие каменные скульптуры из Западной Сибири, недавно опубликованные В. И. Мошинской². Во всяком случае скульптура с двумя головками на цилиндрическом стержне, найденная в долине р. Ир³, и по технике изготовления, и стилистически входит в ту же группу пестикообразных андроновских фигурок, которую мы описали выше. В связи с этим правильнее не в бронзовых личинах середины и конца I тысячелетия до н. э. искать аналогии туйской и ирской скульптурам для определения их возраста, как это делает В. И. Мошинская, а прежде всего в таштыпской, бейской и семипалатинской фигурках андроновской эпохи, которые не менее реалистичны, чем скульптуры из Западной Сибири. В. И. Мошинская напрасно так решительно противопоставляет реалистическую круглую скульптуру из Прииртышья андроновской, которая якобы является лишь «схематическим примитивом»⁴;

при этом она ссылается на М. П. Грязнова, который, действительно, писал о нереальном и примитивном изображении головы человека в «андоновской» скульптуре⁵, имея в виду прежде всего карасукские личины, а не подлинно андроновские изваяния, которые он выделяет в группу ранних

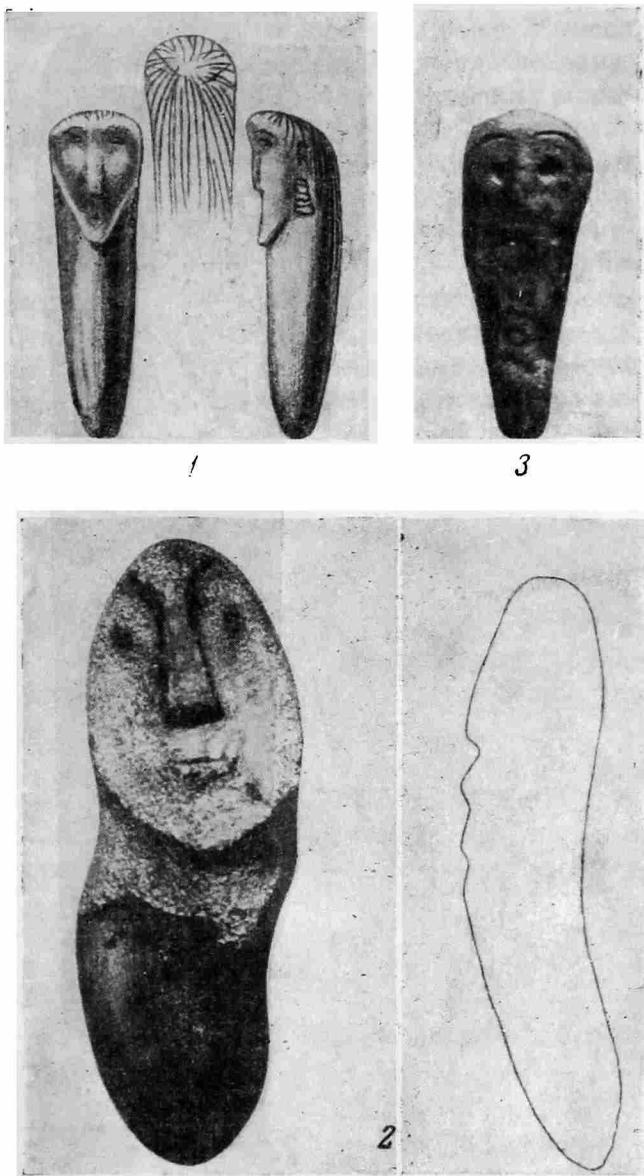

Рис. 11. Каменные и глиняная фигурки.

1 — таштыпская; 2 — бейская; 3 — тюменская (1, 2 — камень; 3 — глина).

¹ А. М. Tallgren. Указ. соч., рис. 28. Найдена на р. Балдинке, впадающей в Тобол возле Чернореченского завода, и подарена И. Я. Словоцовым музеею Томского университета, где и хранится.

² В. И. Мошинская. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья. КСИИМК, XLIII, 1952, рис. 17а и 17б.

³ Правый приток Ишима в 90 км ниже г. Ишима. Скульптура хранится в Омском музее; см. В. И. Мошинская. Указ. соч., рис. 176 — 1.

⁴ В. И. Мошинская. Указ. соч., стр. 50.

⁵ М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы..., стр. 131, 142 и сл.

скульптур. Карасукские же изваяния он без достаточного основания считает андроновскими и относит к позднеандроновскому времени.

При современном состоянии наших знаний представляется несомненным, что в Хакасско-Минусинской котловине в эпоху бронзы каменные изваяния изготовлялись и в андроновское, и в карасукское время, причем те и другие

Рис. 12. Каменная фигурка из Семипалатинской области.

достаточно четко обособляются друг от друга. Если андроновские изваяния всегда имеют вполне реальные черты, то на карасукских, наоборот, представлены в той или иной степени схематизированные личины типа китайского Тао-те¹, или же морда дракона дальневосточной мифологии, тело которого обычно тянется от личины вверх по плите монумента². Все это, как справедливо указал С. В. Киселев³, — черты, привнесенные в Хакасско-Минусинскую котловину с востока той частью карасукского населения, которая имела дальневосточное происхождение.

Однако карасукские каменные изваяния появились благодаря тому, что до них здесь существовали андроновские; эту традицию пришельцы восприняли от оставшегося и смешавшегося с ними старого населения. Изваяния

¹ М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы..., рис. 1—2, рис. 2—4 и др.

² Там же, рис. 1—4, 5, рис. 2—3, и др.

³ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 165—172.

при этом были видоизменены, выработаны новые типы, однако на синкретическое их происхождение указывают черты андроновской девы-матери, сохранившиеся и в карасукской скульптуре¹. В этом смысле карасукские изваяния генетически восходят к андроновским, что наглядно выражается в выявленных М. П. Грязновым переходных формах.

Такую точку зрения подтверждают теперь и находки тех андроновских фигурок, которые были распространены к западу и юго-западу от Енисея на всей остальной территории расселения андроновских племен, где не обнаружено ни одной скульптуры карасукского типа, так как собственно карасукская культура эпохи поздней бронзы существовала лишь в пределах Хакасско-Минусинской котловины. Публикуемые в настоящей работе сведения о новых районах распространения андроновских антропоморфных фигурок, являющихся, по всей вероятности, изображением божеств, — преимущественно какого-то особо почитаемого женского божества, — расширяют наши представления об андроновской эпохе в целом и, в частности, обогащают новым материалом для изучения идеологии андроновских племен. Надо надеяться, что в недалеком будущем аналогичные фигурки будут выявлены не только среди случайных находок, но и непосредственно в комплексах андроновских памятников.

•

---

¹ М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы..., рис. 1—3, рис. 13 и др.

Л. И. ТАРАСЮК

ИМЕНА ЦАРЕЙ МАЛОЙ СКИФИИ
НА МОНЕТАХ ИЗ ДОБРУДЖИ

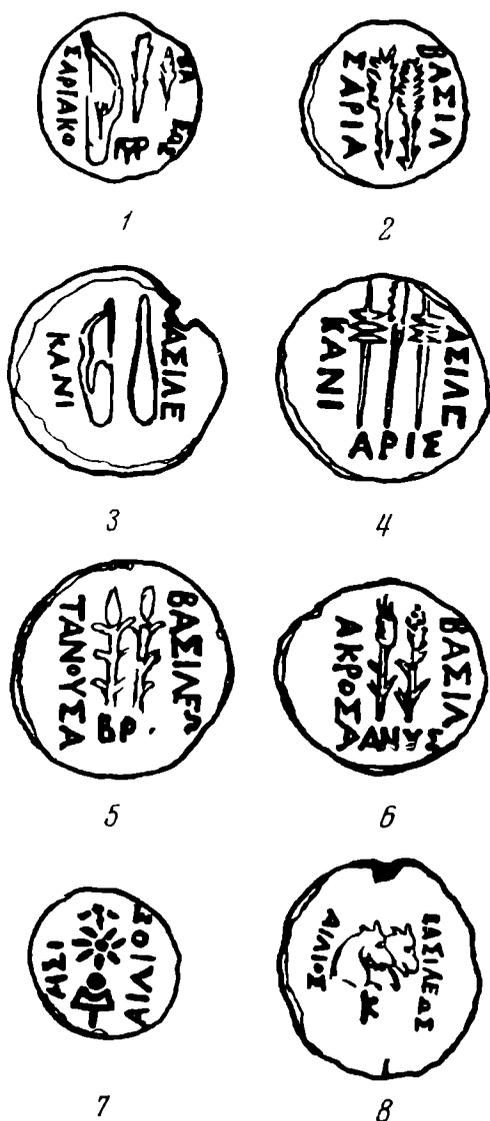

Рис. 13. Монеты с именами царей Малой Скифии (оборотные стороны, н.в.).

1, 2 — Сариак; 3, 4 — Канит; 5 — Танусак; 6 — Акросак; 7, 8 — Айлис (7 — серебро; 2—8 — медь).

На протяжении почти двухсот лет внимание нумизматов и историков время от времени привлекает сравнительно немногочисленная серия монет, находимых на территории нынешней Добруджи. На оборотных сторонах этих монет, наряду с различными изображениями, монограммами и царским титулом, стоят имена: ΧΑΡΑΣΠΟΥ, ΣΑΡΙΑΚΟ[Υ], ΚΑΝΙΤΟΥ, ΤΑΝΟΥΣΑ, ΑΚΡ ΟΣΑ, ΑΙΛΙΟΣ (рис. 13).

За это время определились две основные точки зрения на этническую принадлежность царей, чьи имена отражены в монетных легендах. Ряд исследователей, в том числе и выдающийся русский нумизмат А. В. Орешников, приписывал эти монеты гетским царям¹, другие ученые рассматривали их как скифские, причем следует отметить, что за последние пятьдесят лет чаще высказывалось второе мнение².

¹ D. E. Tacchella. Acrosandre, roi des Gètes? RN, 4-me sér., t. IV, 1900, стр. 397—401; его же. Cinq rois des Gètes. RN, 4-me sér., t. VII, 1903, стр. 31—39; Н. А. Мушмов. Античные монеты на Балканский полуостров. София, 1912, стр. 343, 344; А. В. Орешников. Экскурсы в область древней нумизматики черноморского побережья. ИС, III, 1915, стр. 1—22; его же. Этюды по нумизматике черноморского побережья. ИРАИМК, I, 1921, стр. 218 и сл.

² K. Regling. Charaspes. «Corolla numismatica». Oxford, 1906, стр. 259—265; E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 118, 119; W. Knechtel. O nouă monetă a regelui scit Kanites. BSNR, XIV, 1915, стр. 25—34; Т. В. Блаватская. Греки и скифы в Западном Причерноморье. ВДИ, 1948, № 1, стр. 206—213; V. Sanagache. Monetele Scitilor din Dobrogea. SCIV, I, 1950, стр. 213.

Если не считать единичного исключения, данные языкознания до сих пор совсем не привлекались к чтению указанных монетных легенд¹. Между тем анализ стоящих на этих монетах имен может принести по меньшей мере двойную пользу: во-первых, содействовать подтверждению скифской этнической принадлежности царей Малой Скифии, а это имеет немаловажное значение для более широких проблем, связанных с историей Западного и Северного Причерноморья; во-вторых, устранить разночтения и неправильное чтение царских имен.

Попыткой хотя бы в какой-то мере способствовать разрешению этих двух задач мы и ограничимся в данной статье.

* * *

Из царских имен, читаемых на монетах интересующей нас серии, только имя *Харасп*² обратило на себя внимание исследователей своим, бесспорно, иранским происхождением. Начиная с Э. Бабелона, который провел ряд убедительных параллелей со сходными иранскими именами³, это признавалось как лингвистами, так и нумизматами⁴. В «Словаре скифских основ», составленном В. И. Абаевым, имеются примеры и собственно скифских имен, в которые входят составные элементы имени *Χαράσπης*, т. е. *Χαρ* (= *χατ* — в первоначальном значении „серый“, затем — „осел“) и *-ασπης* (= *асра* — „лошадь“, „конь“) ⁵. Имя это, очевидно, означало «сероконный» (буквально «серый конь») или „[имеющий] серых коней“, либо „[имеющий] мулов“.

Таким образом, несомненно, что имя этого царя вполне удовлетворительно объясняется древнеиранскими основами и находит многочисленные аналогии в скифских именах.

Кроме имени «Харасп», известны и другие, которые тоже целесообразно подвергнуть лингвистическому анализу. До недавнего времени одно из них читалось *Сария*, так как на монетах оно поместилось не полностью (*ΣΑΡΙΑ*), как и царский титул — *ΒΑΣΙΛ[ΕΥΣ]*⁶. В 1935 г. опубликована серебряная монета этого царя, являющаяся пока что единственным известным экземпляром серебряных монет царей Малой Скифии⁷. Легенды этой монеты позволили впервые установить, что в более полном виде имя царя

¹ В труде Т. В. Блаватской «Западнопонтийские города в VII—I веках до н. э.» (М., 1952, стр. 144) ошибочно указывается на то, что А. В. Орешников по корням имен определил племенную принадлежность ряда царей как скифскую. В действительности А. В. Орешников в своих работах не задавался целью подобного исследования имен и к тому же придерживался того мнения, что цари Малой Скифии принадлежали к гетской династии (см. А. В. Орешников. Этюды..., стр. 218 и сл.).

² Вследствие не совсем удовлетворительной сохранности монетной легенды, это имя некоторыми нумизматами читалось *ΑΡΑΣΠΟΥ* (D. E. Tacchella. Cinq rois des Gètes, стр. 32, табл. V, 5; Н. А. Мушмов. Указ. соч., стр. 343, примечание; № 5813, табл. XXXVIII, 21). Правильное чтение *ΧΑΡΑΣΠΟΥ*, предложенное Э. Бабелоном, было подтверждено К. Реглингом в статье «Characres», цитированной выше.

³ E. Babelon. Numismatique grecque. BN, 3-me, sér., t. I, 1883, стр. 146, 147; его же. Rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène. Paris, 1890, стр. СХСII и 211.

⁴ F. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, стр. 126 (*Hārāsp*) и 170 (*Χαράσπης*); К. Regling. Указ. соч., стр. 263, прим. 5; здесь автор сопоставил, подобно Э. Бабелону, только имя *Χαράσπης* с другими именами иранского происхождения. По недоразумению, вероятно, Т. Д. Златковская в своем труде «Мезия в I—II веках нашей эры» (М., 1951, стр. 11) отмечает, что К. Реглинг исследовал также корни имен царей Канита и Акросы.

⁵ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. I, М.—Л., 1949, стр. 159 (*Χαράξηνος*), 188 (*Χαράξτος*, *Χάρξ*), 157—159 (*Ἀσπῆκος*, *Asparuk*, *Ἀσπανδακος*, *Βέρξσπος* и т. д.). О большом значении слова *асра* как «определителя» для иранских языков см. стр. 196.

⁶ См., например, А. Н. Мушмов. Указ. соч., табл. XXXVIII, 14, 15.

⁷ F. Moissil. Monnaies inédites des rois scythes de Dobrudja. CNA, 1935. № 103—104, стр. 155; V. Canarache. Указ. соч., стр. 250, № 37, табл. VIII.

писалось ΣΑΡΙΑΚΟ[Υ] (рис. 13—1), а в именительном падеже, следовательно, Σαρίακος. Сходные имена *Saria*, *Sariaster* дает Ф. Юсти¹; у В. И. Абаева перечислено много скифских имен, в состав которых входит слово *sara* — „голова“², составляющее основу и рассматриваемого царского имени³. Суффикс же *-ak* (*-ακος*, *-ακης*) является вообще наиболее распространенным окончанием скифских собственных имен⁴.

Необходимо подчеркнуть и следующий факт: на значительном числе монет Сариака и Канита в именах царей отсутствует последний слог⁵. Только на одной серебряной монете Сариака можно прочесть полное имя царя, на остальных же, в лучшем случае, стоит ΣΑ⁶. Характерно и то, что на монетном поле двух экземпляров после второй альфы остается достаточно места хотя бы для вертикальной палочки каппы, однако следов этой буквы нет (рис. 13—2)⁷. Поэтому, зная теперь полное имя Сариака, естественно сделать вывод, что при изготовлении штемпелей для бронзовых монет граверы намеренно сокращали царское имя, отбрасывая в нем три последние буквы. Эта своеобразная экономия труда вполне объяснима, если учесть, что штемпеля для бронзовых монет изготовлялись вообще менее тщательно, чем для серебряных.

Еще показательнее в этом отношении монеты Канита. Последний слог имени царя (-ΤΟΥ) отсутствует на большинстве монет⁸, причем ряд экземпляров дает возможность установить, что эти три буквы также умышленно опущены при изготовлении штемпелей. Так, по меньшей мере на пяти монетах после ΚΑΝΙ остается свободное пространство, не использованное все же для помещения конечной части имени (рис. 13—3 и 4)⁹.

На основании этих данных необходимо прийти к выводу, что подобное сокращение царских имен, без сомнения понятное для населения Малой Скифии, было в ходу у граверов, которые часто отбрасывали последние три буквы, составлявшие конечный слог имени царя. Это заключение, наряду с фактом распространенности окончания *-ακος* (*-ak*) и слова *-σακης* (*sāka*) в скифских собственных именах, позволяет хотя бы в порядке предположения восстановить еще два царских имени, которые до сих пор известны лишь по бронзовым монетам, дающим неполную форму имен.

Такова монета с легендой ΒΑΣΙΛΕΩ[Σ] ΤΑΝΟΥΣΑ.. (рис. 13—5)¹⁰. Судя по отчетливо видимому титулу, можно с уверенностью сказать, что имя царя также должно стоять, как обычно, в родительном падеже. Но в приведенном виде имя не отвечает, разумеется, ни одной форме этого падежа; очевидно, окончание имени отсутствует. В самом деле, при рассмотрении мо-

¹ F. Justi. Указ. соч., стр. 288.

² В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 180 и сл.

³ Как любезно указал мне В. И. Абаев, имя Σαρίακος могло значить «головастый», подобно другим именам с этой же основой (ср. также греч. Κεφάλων). Возможно, что оно имело также значение «верховный», «главный».

⁴ В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 221—225.

⁵ На монетах Хараспа, известных только в одном типе, имя царя вышло полностью (ΧΑΙΛΑ:ΠΟΥ) благодаря тому, что буквы легенды вплотную примыкают друг к другу (см. K. Regling. Указ. соч., фотографии на стр. 259). Монеты с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΙΛΙΟΥΣ дают полную форму имени и титула благодаря опять-таки тесному расположению букв и большому размеру монетного кружка (см. V. Sappagache. Указ. соч., табл. VII, 33, 34).

⁶ V. Sappagache. Указ. соч., табл. VIII, 37, 39—41. На двух монетах (№ 36 и 43) уместилось только ΣΑΡΙ вследствие небольшой величины монетного кружка.

⁷ Там же, табл. VIII, 39, 40.

⁸ Там же, табл. I—V, 2, 6, 10—12, 13a, 14—16, 18—22, 24.

⁹ Там же, табл. I, 2; табл. III, 10—12; табл. V, 20. То же самое можно сказать и об окончании *-ΩΣ* царского титула, явно опущенном резчиком штемпеля (особенно хорошо это видно на экземплярах — табл. III, 12 и табл. V, 20).

¹⁰ Там же, табл. VI, 26.

неты становится ясным, что, несмотря на стремление гравера к экономии места путем тесного расположения букв, он сумел поместить на штемпеле лишь по семи букв в каждом слове легенды. Однако после второй альфы имени все же остается незаполненное монетное поле, на котором могла бы уместиться хотя бы часть следующей буквы, если бы она была выгравирована на штемпеле.

Учитывая, что ΤΑΝΟΥΣΑ... , несомненно, является незаконченной формой имени, следует признать, что резчик штемпеля прибегнул к обычному сокращению, т. е. отбросил три буквы последнего слога имени подобно тому, как это делалось при гравировке штемпелей для монет Сариака и Канита. Можно с большой долей вероятности предположить, что полностью это имя писалось бы в легенде ΤΑΝΟΥΣΑΚΟΥ, от именительного падежа Τανουσσάκης (-ας, -ος). Помимо такого, весьма характерного для скифских собственных имен окончания, в пользу предлагаемого восстановления говорит еще и то, что дополненное буквами κος имя приобретает определенное смысловое значение: *tanu* означало по-скифски „тело“, ¹ *sāka* — „олень“ или „скиф“, — как тотемическое название племени: „принадлежащий к тотему оленя“². Таким образом, имя Τανουσσάκης представляет собой сложное слово, состоящее из двух основ, ибо -σακης имеет здесь вполне понятный смысл, а не является простым суффиксом — показателем собственного имени. Известны и другие сложные по структуре скифские имена, включающие в качестве второй основы слово *sāka*: Μουγίσσακος = *mug* — *sag* ← *muka* — *sāka* — „к породе оленьей [принадлежащий]“, т. е. „оленьей породы“³; Ῥαχούσακος = *raxwāy* — *sāka* — „пронзающий оленя“⁴; Τάξακος = *taka* — *sāka* — „быстрый олень“⁵.

Из приведенных имен Μουγίσσακος является наиболее близкой аналогией к имени Τανουσσάκης: оба они образованы из двух именных основ, причем вторая основа — *sāka* — служит определением для первой⁶. Перевести имя Τανουσσάκης можно выражением оленетель (буквально „оленье тело“) или „(имеющий) тело оленя“ (сака, скифа). Очевидно, что семантика рассмотренного царского имени не может вызывать сомнений в наличии ярко выраженной скифской специфики.

Аналогичную структуру имело, вероятно, имя и другого царя, которого принято называть Акросом⁷. Легенды его на монетах также не уместились целиком. Экземпляры с наиболее полно переданными надписями позволяют прочесть лишь ΒΑΣΙΛΕ[ΩΣ] ΑΚΡΟΣΑ ...⁸, причем на двух монетах

¹ В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 184.

² Там же, стр. 179 и сл.

³ Там же, стр. 173, 179, 235.

⁴ Там же, стр. 178 и сл.

⁵ Там же, стр. 179, 184. Употребление слова *sāka* в качестве второй основы встречается и в других древнеиранских именах: Βαγασακης, Ῥοσάκης, Πεττσακας, *Podosaces*, Ῥοισακης (F. Justi. Указ. соч., стр. 59, 236, 251, 254, 262).

⁶ Такое расположение определения и определяемого, как показал В. И. Абаев (указ. соч., стр. 231—238), было характерно для скифских сложных слов. В качестве параллельного примера на стр. 238 приводится древнеперсидское имя Τανουξάρκης = *tanu-vazarka* — «тело великое (имеющий)», интересное для нас как сходной структурой, так и использованием в нем той же основы *tanu*.

⁷ Д. Е. Таккелла, впервые издавший монеты этого царя (в статье «Acrosandre, roi des Gètes?») принял монограмму ΑΝΔΡ за продолжение имени ΑΚΡΟΣΑ, восстановив его как ΑΚΡΟΣΑΝΔΡ[ΟΥ]. К. Реглинг (указ. соч., стр. 216 и сл.), повидимому, сначала согласился с таким чтением. Б. Пик, знакомый с монетами еще до их опубликования, читал имя ΑΚΡΟΣΑ, а ΑΝΔΡ рассматривал как обычное сокращение имени магистрата (В. Piek, *Thrakische Münzbilder*. JDAI, XIII, 1898, стр. 159, прим. 77). Это правильное разделение стало впоследствии общепринятым (см., например, А. В. Орешников. Эскурсы..., стр. 10 и сл.; V. Sanjarsche. Указ. соч., стр. 246).

⁸ А. Н. Мушмов. Указ. соч., табл. XXXIX, 5; V. Sanjarsche. Указ. соч., табл. VII, 29 и 31.

после второй альфы остается незаполненное место, которое в предыдущих примерах свидетельствовало о намеренном сокращении имени резчиком (рис. 13—6)¹. Монеты царей Сариака и Канита совершенно определенно, а Танусака — предположительно, показывают, что обычным приемом сокращения было отбрасывание трех последних букв имени, образующих его последний слог. Поэтому, учитывая, что и ΑΚΡΟΣΑ не может быть формой родительного падежа, в данном случае также вполне уместно прибегнуть к восстановлению, примененному к сходному имени ΤΑΝΟΥΣΑ[κης]. Читаемая легенда ΑΚΡΟΣΑ является, вероятнее всего, сокращением формы родительного падежа ΑΚΡΟΣΑΚΟΥ (от Ἀκροσάκης, -ας, -ος).

Это имя тоже представляет собой сложное слово *akro—sāka*, в котором понятное значение имеет вторая его половина. Что же касается Ἀκρο-, то эта часть имени поддается объяснению посредством иранских основ лишь при некоторых допущениях. Может быть, здесь кроется слово *ugra* „сильный“, „мощный“, использованное, например, в имени Ἀσπουργος-*aspa-ugra* „имеющий сильных коней“². Если принять это предположение, то имя *ugra-sāka* можно было бы перевести словами „сильный сак“ (олень, скиф). Другим, более близким по звучанию к Ἀκρο—словом является авестийское *agra* ‘первый’, ‘высший’ (по времени, рангу и т. д.)³. Сложное слово *agra-sāka* могло бы, очевидно, означать „высший сак“, „верховный сак“, „первый из саков“ (скифов). Имя с подобным значением вполне могло быть дано при рождении наследнику царя как показатель его будущего места в скифском обществе.

В порядке гипотезы можно также предположить, что по-скифски имя Ἀκροσάκης произносилось *āpra—sāka*. Ἀπρα- (*āpra*) значило на скифском языке „водная глубь“ (*āp* „вода“ + суффикс *ra*)⁴. Это слово вошло в название Днепра: Δάναπρις = скифск. *dān—āpr* „глубокая река“⁵, „глубоководная река“. В то же время Днепр, крупнейшую реку Скифии, скифы называли и просто *āpra* „глубокая“, как показывает имя Ἀρπόξις по-скифски *āpra—xšaya*, т. е. „владыка Днепра“⁶. Имя же Ἀκρασάκης следует перевести „днепровский сак“ (олень, скиф), „сак [с берегов] Днепра“. Учитывая, что скифы пришли в Добруджу из Приднестровья, нетрудно увязать имя, данное при рождении этому царю, с воспоминаниями представителей царской династии Малой Скифии о родине их предков.

Вполне возможно, что греческое население прибрежных городов переосмыслило непонятную часть имени царя, не искажая, а лишь слегка изменив его звучание. Произнося Ἀκροσάκης вместо одной из предполагаемых форм (*ugra-sāka*, *agra-sāka*, *āpra-sāka*), греки, повидимому, придали этому имени смысл, тесно связанный с общественным положением царя: известно, что прилагательное ἄκρος определяет не только место в пространстве („верхний“), но оно часто употреблялось также в значениях „главнейший“, „верховный“, „знатнейший“, „могущественнейший“⁷. Таким образом, скифское имя с одним из трех приведенных выше значений могло быть переосмыслено в греческое Ἀκροσάκης (Ἀκρο + σάκης) — „верховный сак“ (скиф), т. е. „владыка саков“ (скифов). Следует подчеркнуть тот факт, что имя Ἀκροσάκης и по звучанию, и по предполагаемому переосмыслению особенно близко к вероятной скифской форме *agra-sāka*, которой, повиди-

¹ V. Sarracche. Указ. соч., табл. VII, 29; Н. А. Мушмов. Указ. соч., табл. XXXIX, 5.

² В. И. Абаев. Ук. соч., стр. 185.

³ Chr. Bartolomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, стб. 439.

⁴ В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 154.

⁵ Там же, стр. 154, 162.

⁶ Там же. Важно отметить, что эпитет «глубокая» прилагался скифами именно к Днепру, так как его включает название только этой реки.

⁷ См., например, Eug. Rhoen, 430: Ἀρτέμων ἄκρο; Нег., 5, 112: Ἴωνες ἄκροи.

тому, можно отдать предпочтение при решении вопроса о происхождении стоящего на монетах имени.

При этом переосмыслении, вероятнее всего, вторая основа *-σάκης (sāka)* сохранила свою скифскую семантику, так как непосредственным соседям скифов, безусловно, было известно значение этого слова, применявшегося и греками для обозначения скифских племен вообще¹.

Другой вариант указанного осмысления греками имени Ἀχρὸσάκης мог быть связан с утратой основой *αχης* первоначального значения, и *-αχ(ης)* в этом случае воспринималось греками просто как наиболее распространенное окончание скифских собственных имен (Ἀχρὸς + αχης).

Примеры подобного переосмысления, основанного на фонетическом сходстве, известны в лингвистике². В таком слегка измененном виде царское имя было поставлено на чеканенных греками монетах и дошло до наших дней.

Наибольшие затруднения, главным образом для грамматически правильного чтения, представляло имя, стоящее на монетах с легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΙΛΙΟΣ³. Впервые издавший монету этого царя Н. Н. Мурзакевич прочел надпись ΒΑΣΙΛΕ... ΑΙΛΙΟΣ, так как начало имени плохо разбиралось⁴. Б. В. Кёне, считая, что имя стоит как обычно в родительном падеже, предположил, что либо в именительном оно пишется ΗΛΗΣ, либо резчиком штемпеля допущена ошибка в окончании имени⁵. Эта грамматическая ошибка самого Б. В. Кёне вызвала язвительную заметку В. Ланглуа, который справедливо обвинил Б. В. Кёне в отсутствии элементарных познаний в грамматике. По мнению, высказанному В. Ланглуа, ΑΙΛΙΟΣ — не имя царя, так как стоит в именительном падеже, а относится к изображенному на лицевой стороне монеты богу солнца⁶.

Известный нумизмат А. Заллет, знакомый с монетой только по рисунку, счел ее поддельной и решил, что ΑΙΛΙΟΣ поставлено в именительном падеже по неграмотности фальшивомонетчика⁷. К этому взгляду присоединился В. В. Латышев⁸. Однако А. В. Орешников, исследовав монету, засвидетельствовал ее подлинность и заявил, что имя, а следовательно, и титул, поставлено в именительном падеже⁹.

Спустя несколько лет, в 1899 г., В. Рот издал совершенно такую же монету, но лучшей сохранности, с ясно читаемой легендой ΒΑΣ[ΙΛΕΥΣ] ΑΙΛΙΟΣ (рис. 13—7). Восстанавливая надпись в ΒΑΣ[ΙΛΕΥΣ] ΑΙΛΙΟΣ, В. Рот также считал, что оба слова стоят в именительном падеже, а имя представляет встречающуюся в нумизматике греческую транскрипцию латинского *Aelius*, хотя британскому нумизмату и показалось странным, чтобы скифский правитель II—I вв. до н. э. мог носить римское имя¹⁰. А. В. Орешников разделил это понятное сомнение и предложил не считать форму

¹ Подробно об этом см. RE, sv. Sakai (Band 1-a, стб. 1771 и сл.).

² В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 158 *Axšaina* → Ἀξείνως → Εὐξείνως.

³ V. Сапагасхе. Указ. соч., табл. VII, 33—35. До сих пор единого чтения этого имени нет; Т. В. Блаватская («Западнопонтийские города в VII—I веках до н. э.», стр. 144), как и А. В. Орешников («Экскурсы...», стр. 13 и сл.), называет царя «Элий»; В. Канаракке именуется его «*Alios*» по форме несомненного родительного падежа.

⁴ Н. Н. Мурзакевич. Монеты, отысканные на острове Левки. ЗООИД, I, 1844, стр. 245.

⁵ Б. В. Кёне. Описание музеума покойного князя В. В. Кочубея, т. I. СПб., 1857, стр. 26.

⁶ Заметка В. Ланглуа напечатана в книге: A. Bou tkow ski. Dictionnaire numismatique, t. I. Leipzig, 1881, стб. 1124—1126.

⁷ A. Sallet. Beiträge zur antiken Münz- und Altertumskunde. ZfN, IX, 1882, стр. 158.

⁸ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 126, прим. 38.

⁹ А. В. Орешников. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892, стр. 30.

¹⁰ W. Wroth Greek coins acquired by the British Museum in 1898, NCh, 3-d ser., XIX, 1899, стр. 89 и сл.

ΑΙΛΙΟΥ окончательно установленной, так как, по его мнению, резчик штемпеля мог ошибиться в передаче суффикса¹.

Имеющиеся в настоящее время экземпляры монет с полной легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΙΛΙΟΥ (рис. 13—8)² не оставляют сомнений в том, что оба слова стоят в родительном падеже. Поэтому необходимо вернуться к гипотезе Г. Хилла, который, не имея еще доказательств в виде монет с полным титулом ΒΑΣΙΛΕΥΣ, предположил, что ΑΙΛΙΟΥ является формой родительного падежа от Αιλίς³.

Действительно, это единственное грамматически правильное решение вопроса, которое, во-первых, исключает совершенно необъяснимое написание титула в родительном падеже, а имени — в именительном, и, во-вторых, показывает, что ΑΙΛΙΟΥ на монетах ничего общего с латинским именем *Aelius* не имеет. Тем самым устраняется и законное недоумение по поводу того, что во II в. до н. э. скифский царь якобы носил римское имя.

Имя Айлис (*ailis*), очевидно, имеет в основе прилагательное, соответствующее авестийскому *airya* (др. перс. *ariya*⁴, пехл. *airik*⁵) „ариец“, „арийский“. Употребление этого слова в древнеиранских именах известно по целому ряду примеров: таковы имена *Airyak*, *Airyu*⁶, Ἀριαυτάς, Ἀριαπειδης⁷ и т. д.

Замена согласного *r* в *ailis* является, видимо, проявлением твердо установленного фонетического закона «аланской» группы иранских языков⁸, по которому произошло, например, аналогичное звуковое изменение той же основы: *aryana* → *alyana* → *alan*⁹.

Таким образом, вполне вероятно, что скифская форма исследуемого имени, соответствующая авестийскому *airya*, прошедшему определенный этап фонетического развития в скифском языке, получила в греческой фонетической передаче написание Αιλίς, а в монетной легенде — ΑΙΛΙΟΥ. Конечная сигма в форме именительного падежа легко объяснима третьим склонением.

Такое истолкование имени Айлис весьма привлекательно еще и потому, что при этом имя получает определенный смысл и служит прекрасным этническим показателем для одного из царей Малой Скифии.

Итак, на наш взгляд, из шести известных нам имен царей в четырех — Харасп, Сариак, Танусак и Айлис — несомненны скифские основы, раскрывающие смысловое значение имен и свидетельствующие об их принадлежности к скифскому языку.

В имени Акросак, безусловно, скифский элемент виден в предложном окончании, точнее — во второй половине сложного слова *akro-sāka*; первая же его половина поддается объяснению лишь при сделанных нами допущениях, которые вместе с тем позволяют раскрыть и смысловое содержание всего имени в целом с учетом известных данных о скифском языке.

Что касается имени Канит, то оно не находит аналогий непосредственно в известных скифских основах. Обращаясь же к другим древнеиранским языкам, можно отметить только сходную основу в древнеиндийском слове *kanyā* 'девушка' и в соответствующих словах языка авесты *kainyā*, *kainin*.¹⁰ Вероятно, оно применялось и в более широком смысле,

¹ А. В. Орешников. Эскурсы..., стр. 13 и сл.

² V. Sanağache. Указ. соч., стр. 248, табл. VII, 33, 34.

³ W. Wroth. Указ. соч., стр. 90, прим.

⁴ В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 156.

⁵ F. Justi. Указ. соч., стр. 485.

⁶ Там же, стр. 23, 11.

⁷ В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 156.

⁸ Там же, стр. 245.

⁹ Там же, стр. 156.

¹⁰ Chr. Bartolomae. Указ. соч., стб. 439.

может быть в значении „юный“, так как у Хр. Бартоломе приведено древнеиндийское слово *kāniṣṭha* 'самый юный'¹.

Недостаток лингвистических данных, желательных для определения этнической принадлежности царя Канита, в значительной степени возмещается совершенно ясным указанием, содержащимся в одном из эпиграфических памятников². Это почетный декрет из Одесса, отмечающий заслуги Гермея, сына Асклепиодора, пребывавшего у царя с к и ф о в Канита³. Никто из ученых не оспаривал факта, что в надписи имеется в виду скифский царь. Только А. В. Орешников, желая обосновать разделяемый им взгляд Д. Э. Таккеллы, согласно которому монеты Канита принадлежат одному из гетских царей, предложил свое объяснение титула Канита⁴, основываясь на сообщении Страбона о причинах наименования земель между нижним Дунаем и Черным морем Малой Скифией⁵; А. В. Орешников, повидимому, не придал значения тому, каким образом Страбон объясняет название Малой Скифии, хотя рассказ автора «Географии» об этом выглядит достаточно убедительным, особенно при сопоставлении с другими показаниями литературных источников. Однако А. В. Орешников сделал вывод, что «географическое название „Малая Скифия“ относится к местности, не характеризуя народность»⁶. Исходя из этого, он предположил далее, что по географическому названию указанной местности и сам Канит назван в надписи царем скифов, тогда как на самом деле он был гетским царем. Помимо замечания о том, что геты населяли местность, где находят царские монеты, А. В. Орешников сообщил, что «к тому же история сохранила несколько имен царей гетов, монеты которых неизвестны»⁷. Трудно, однако, считать гетскими царями и тех, чьи имена нам неизвестны из письменных источников, но сохранились на монетах.

Очевидно, что основной ошибкой в этом вопросе была недооценка декрета одесситян, который, как и всякий эпиграфический памятник, представляет собой документ, современный излагаемым в нем событиям, а потому стоящий по точности и непосредственности рассказа выше показаний античных авторов, в данном случае несколько не противоречащих надписи⁸.

В самом деле, декрет был составлен жителями Одесса, города, заинтересованного в расположении царя Канита и поэтому высоко ценившего покровительство близкого, повидимому, к царю лица. Владения Канита находились или неподалеку от Одесса, или даже включали этот город, хотя резиденция царя не находилась непосредственно у его стен. При таком положении совершенно невероятно, чтобы одесситяне могли ошибиться в определении племени, которое представляло подданных Канита,

¹ Chr. Bartolomae. Указ. соч., стр. 439.

² Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 251.

³ Ф. Юсти включил это имя в свой словарь (стр. 155), основываясь только на декрете из Одесса и монетах с полной легендой.

⁴ А. В. Орешников. Этюды..., стр. 219.

⁵ Strabo, VII, 4, 5 (SC, I, стр. 125, 126): «...Вся страна (речь идет о Крымском полуострове. — Л. Т.), а также, пожалуй, и область за перешейком до Борисфена, называлась Малой Скифией. Вследствие множества переселенцев, переправлявшихся отсюда за Тиру и Истр и заселявших ту страну, значительная часть ее также получила название Малой Скифии, так как фракийцы уступали им землю, отчасти принуждаемые силой, отчасти же вследствие плохого качества почвы, так как большая часть этой страны болотиста».

⁶ А. В. Орешников. Этюды..., стр. 219.

⁷ Там же. Эта ошибочная интерпретация данных надписи из Одесса не подверглась критике в научной литературе.

⁸ Об этом см., например, Т. В. Блаватская. Греки и скифы в Западном Причерноморье. ВДИ, 1948, № 1, стр. 208 и сл.

и царского титула. К тому же часть жителей Одесса, вероятно, выступившая инициатором зафиксированного в надписи постановления, несомненно, сама бывала в месте пребывания царя и, естественно, была хорошо осведомлена.

Вот почему, если исходить из всех этих соображений, не может оставаться никаких сомнений в том, что надпись, в согласии с другими письменными источниками, верно отражает этническую принадлежность племени царя Канита как скифскую. Едва ли поэтому можно принять и другую гипотезу А. В. Орешникова о том, что гетами правила скифская династия¹. Как правильно отмечает Т. В. Блаватская, в декрете Канит назван только царем скифов, а не скифов и гетов; это свидетельствует о том, что гетское население Малой Скифии не составляло большой группы².

Таким образом, и данные языкознания, и указанный эпиграфический документ подтверждают скифский этникон царей Малой Скифии. Отдельные неясные или спорные монеты, встречающиеся при рассмотрении царских имен, следует объяснять либо наличием фракийских языковых элементов³, особенно понятным в условиях Малой Скифии, либо неполнотой имеющихся сведений о скифском языке. При этом необходимо учитывать еще возможные неточности греческой фонетики и транскрипции в передаче иноязычных слов.

---

¹ А. В. Орешников. Эскурсы... стр. 9—10.

² Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I веках до н. э. М., 1952, стр. 144 и сл.

³ В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 147.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Г. ШОВКОПЛЯС

РАСКОПКИ МЕЗИНСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

(Предварительное сообщение о раскопках 1954 г.)

Мезинская позднепалеолитическая стоянка на р. Десне является одним из наиболее известных памятников этой эпохи в СССР и далеко за его пределами. Случайно открытая при земляных работах в 1908 г.¹, Мезинская стоянка привлекла внимание научной общественности на XIV Всероссийском археологическом съезде в Чернигове. В результате раскопок 1909 г., осуществленных П. П. Ефименко², было установлено наличие хорошо сохранившегося мощного культурного слоя, содержавшего разнообразные находки большой научной важности. Особенный интерес вызвали уникальные скульптурные изображения из бивня мамонта, выдвинувшие стоянку на одно из первых мест среди позднепалеолитических памятников Европы и принешие ей мировую известность. Не менее важное научное значение имеет собранный на ней многочисленный и разнообразный кремневый инвентарь³.

Удачно начатые в 1909 г. раскопки в Мезине были продолжены в течение 1912—1914 и 1916 гг., когда культурный слой стоянки был вскрыт на площади около 200 кв. м⁴. Получен огромный вещественный материал (кости животных, обработанные кремни, морские раковины, изделия из кости и рога и др.). Количество уникальных изделий из бивня мамонта было увеличено и дополнено находкой замечательного мезинского браслета, покрытого резным орнаментом типа меандра.

Однако находки и результаты научных наблюдений в Мезине за указанные годы до последнего времени оставались неопубликованными; неизученным оставался и многочисленный кремневый инвентарь, хранящийся к тому же в нескольких научных учреждениях, находящихся в разных городах.

Из числа находок лишь изделия из кости были изданы М. Я. Рудинским в 1931 г.⁵, а фаунистические остатки изучены и опубликованы И. Г. Пидопличко⁶.

¹ Палеолітичні знахідки в с. Мезині на Чернігівщині. Записки Українського наукового товариства в Києві, т. IV, Київ, 1909, стр. 90—99; Палеолитическая стоянка в с. Мезине. Черниговской губернии. Труды XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 262—270.

² П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 461.

³ П. П. Ефименко. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезин, Черниговской губернии. Ежегодник Русского антропологического общества, т. IV, 1913.

⁴ П. И. Борисковский. Палеолит Украины, МИА, № 40, 1953, стр. 238.

⁵ Сб. «Мезин». Визначніші серії кістяних виробів Мезинської палеолітичної стадії. Київ, 1931.

⁶ И. Г. Пидопличко. Итоги изучения фауны Мезинской палеолитической стоянки. «Природа», 1935, № 3, стр. 79—81.

В начале 30-х годов Академия наук УССР сделала новую попытку изучения Мезинской стоянки. М. Я. Рудинским в 1930 и 1932 гг. были осуществлены сравнительно небольшие раскопки разведывательного характера к востоку и юго-востоку от исследованной ранее территории. В течение двух сезонов вскрыто около 100 кв. м площади стоянки, на которой обнаружено значительное число находок, особенно кремневого инвентаря. Материалы эти остались также неопубликованными¹.

Таким образом, несмотря на неоднократные раскопки и полученный огромный материал, Мезинская стоянка как памятник древности в значительной степени остается почти неизученной.

Первое обобщение части результатов исследований в Мезине осуществлено П. П. Ефименко в его монографическом труде «Первобытное общество»². Однако и оно не вышло за пределы общей характеристики стоянки, основанной, главным образом, лишь на результатах раскопок 1909 г. (особенно это относится к кремневой индустрии).

Обобщение результатов исследований Мезинской стоянки сделал также П. И. Борисковский в недавно вышедшей монографии «Палеолит Украины»³. Автором учтены отчетная документация и кремневый инвентарь части прежних раскопок, хранящиеся в научных учреждениях Киева и Ленинграда. Однако и эта сводка неполностью освещает стоянку. Кремневый инвентарь изучен еще в небольшой степени, к тому же, главным образом, со стороны его функционального назначения и установления следов употребления при работе.

Документация дореволюционных раскопок в Мезине использована в работе лишь в отчетном плане, а документация раскопок 1930 и 1932 гг. почти не учтена.

Этим, видимо, следует объяснить тот факт, что план раскопок, опубликованный в монографии, не совсем точен, а сделанная П. И. Борисковским реконструкция большого жилища на Мезинской стоянке, аналогичного открытым на Костенковской I и Авдеевской стоянках⁴, не подкрепляется результатом раскопок 1930, 1932 и 1954 гг.

Причина этого прежде всего в том, что во время раскопок прошлых лет, осуществлявшихся по старой методике с поквдратной разборкой культурного слоя на сравнительно небольших площадях, общая картина и отдельные комплексы оказались непонятыми и не были описаны в отчетах с достаточной полнотой.

Отмечая наличие на стоянке крупных скоплений костей мамонта и других животных, а также очагов, исследователи не дали им общей характеристики, не сделали попытки реконструировать на их основе какие-либо хозяйственные или жилые сооружения и пр. Такое задание, видимо, тогда и не ставилось. В лучшем случае в отчетах прежних лет указываются количество и расположение находок на том или другом квадрате.

Таким образом, создалось явное противоречие между известностью материалов из Мезина и фактическим знанием и освещением стоянки.

Все это ставило перед Институтом археологии Академии наук УССР неотложную задачу провести на Мезинской стоянке новые раскопки с целью уточнения (при наличии сохранившегося культурного слоя) многих важных сторон этого выдающегося памятника и с помощью новых материалов и наблюдений сделать в будущем попытку обобщения всех имеющихся

---

¹ Документация этих раскопок, как и раскопок 1914 и 1916 гг., в значительной степени (за 1932 г. — полностью) утеряна. Отчет о раскопках 1930 и 1932 гг. представлен М. Я. Рудинским в Институт археологии Академии наук УССР в 1954 г.

² П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 461—471.

³ П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 237—286.

⁴ Там же, стр. 241, 248, 250.

материалов о нем. В 1954 г.¹ на двух участках стоянки, к юго-востоку и западу от места прежних раскопов, вскрыта площадь около 200 кв. м. Характер культурного слоя на этих участках оказался различным. В настоящем сообщении изложены предварительные результаты раскопок на западном участке (раскоп II), находящемся в непосредственной близости от места работ 1909 и 1914 гг.²

На раскопе II вскрыта площадь около 90 кв. м. Обнаружены остатки древних комплексов в виде крупных скоплений костей мамонта и других животных, обработанные кремни, морские раковины, следы охры и другие находки, составлявшие ярко выраженный культурный слой (рис. 14).

Культурный слой в раскопе, как и по всей стоянке, залегает с заметным понижением в юго-восточном и южном направлениях, отвечающих склонам древней поверхности. Особенно заметно это понижение на юго-восток в сторону р. Десны. Оно почти соответствует современному склону поверхности мыса на месте расположения стоянки.

Геологические условия залегания культурного слоя следующие:

а) почвенный слой — 0,4—0,8 м;

б) лессовидный суглинок, в слое которого находятся культурные остатки стоянки, — от 0,4—0,8 м и глубже.

Глубина залегания культурных остатков в среднем — более 3 м; при этом она увеличивается по мере расширения раскопа в северном направлении, где достигает почти 5 м.

Основным объектом исследования в 1954 г. было крупное скопление костей мамонта на квадратах 24—26, 30—33, 39 и 40 (рис. 14 и 15), округлое в плане, со средним диаметром свыше 5 м. Расчистка показала, что это остатки какого-то довольно монументального комплекса, сооруженного по определенному, преднамеренному плану.

На краю скопления находятся самые крупные кости, в основном — черепá и тазовые кости мамонта. Они плотно примыкают друг к другу, образуя сплошное ограждение, служившее, видимо, основанием для стен какого-то сооружения (рис. 15). Такое ограждение идет по всему кругу, кроме его юго-восточной части; здесь крупные кости отсутствуют на расстоянии около 1 м (квадраты 31, 38). В состав ограждения входят 15 черепов мамонта и несколько тазовых костей. Все черепа лобовыми сторонами лежали вниз (рис. 15—2); нижние челюсти отсутствуют. Большей частью носовыми частями черепá обращены наружу, реже они лежат в обратном направлении (квадраты 24, 25). Иногда черепа находятся почти в вертикальном положении. Тазовые кости положены по длине ограждения (квадраты 24, 25).

Внутренняя часть скопления (внутри ограждения) состоит, главным образом, из длинных и мелких костей мамонта (конечности, лопатки, нижние челюсти) и рогов северного оленя. Внутри ограждения обнаружено лишь два черепа (квадраты 32 и 39), которые, возможно, оказались здесь случайно, попав туда из верхнего яруса внешнего ограждения при разрушении сооружения. Кости во внутренней части лежат без определенной системы и производят впечатление простого завала (квадраты 24 и 31).

Исследование комплекса не закончено,³ однако и то, что уже изучено, дает основание сделать некоторые предварительные выводы.

¹ Кроме автора, руководившего раскопками, в них приняли участие И. Г. Пидопличко (Институт зоологии Академии наук УССР), Т. Г. Мовша (Киевский исторический музей), В. А. Топачевский (Институт зоологии Академии наук УССР), Н. В. Линка и Б. Я. Брязкун (Институт археологии Академии наук УССР). Раскопки продолжались с 7 сентября по 6 октября 1954 г.

² См. план раскопов в работе П. И. Борисковского «Палеолит Украины», МИА, № 40, 1953, стр. 241.

³ В 1955 г. работы продолжены.

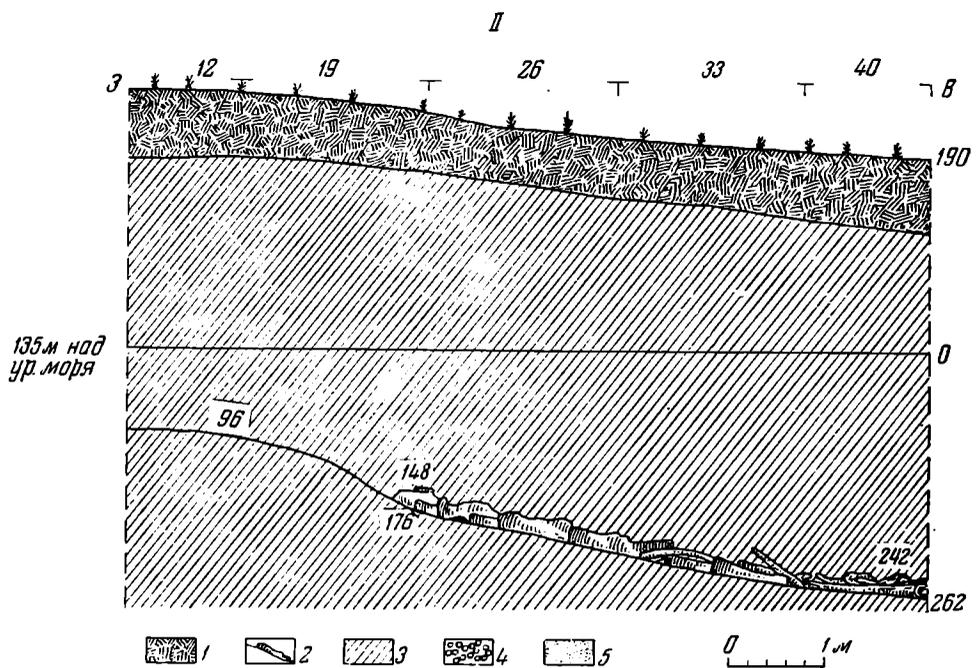
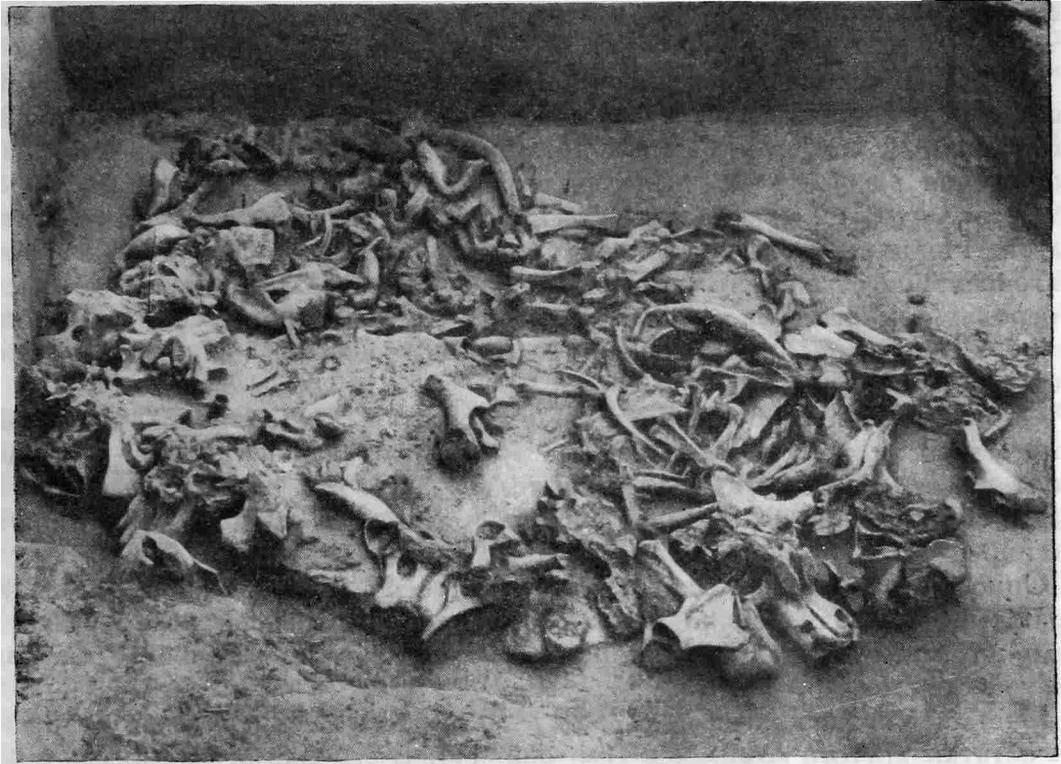

Рис. 14. План (I) и профиль (II) раскопа II Мезинской палеолитической стоянки.

1 — почвенный слой; 2 — кости животных; 3 — лессовидный суглинок; 4 — находки кремневых орудий; 5 — охристые пятна.

Обнаруженное скопление костей следует рассматривать как остатки сооружения, в конструкцию которого входили кости мамонта и других животных. Оно представляется нам шалашевидной постройкой, основу (каркас) кото-

1

2

Рис. 15. Скопление костей на месте жилища (1) и деталь ограждения из черепов и костей мамонта (2).

рой составляли деревянные жерди, покрытые шкурами животных, ветками деревьев и травой. Крупные кости, выложенные по окружности, следует считать развалом костей наружного ограждения вокруг нижней части стен сооружения, делавшего его более прочным и, вероятно, более теплым, так как, весьма возможно, присыпались землей. Кровля сооружения, в значи-

тельной степени наклонная (сооружение нам представляется в виде чума), вероятно, укреплялась при помощи положенных на нее небольших костей конечностей, лопаток и бивней мамонта, а также рогов северного оленя.

После того как сооружение разрушилось, кровля, упав вместе со всеми находившимися на ней костями, образовала завал внутри ограждения.

Разрыв в ограждении из костей (квадраты 31 и 38) — это, по видимому, вход, обращенный к юго-востоку, в сторону долины р. Десны и основной части стоянки, вскрытой за годы прежних раскопок. Хотя внутренняя часть сооружения раскрыта еще неполностью, в отдельных ее местах расчищены пятна золы, которые следует рассматривать как остатки бывших здесь очагов. Наличие очага позволяет рассматривать сооружение как жилище долговременного, зимнего типа. Ближайшей аналогией ему по устройству и использованию черепов мамонта могут служить сооружения Елисейевской¹, Супоневской², Гонцовской³ и Добраничевской⁴ позднепалеолитических стоянок.

Остатки таких сооружений в виде скоплений костей и золы в Мезине встречались и во время прежних раскопок, но не были правильно поняты исследователями. Известно только, что все наиболее важные находки обнаружены именно в таких скоплениях и, следовательно, внутри жилищ.

Описанное жилище, если судить по расположению костей внешнего ограждения, находилось на несколько наклонной древней поверхности, но было наземным, подобно жилищам Супоневской, Гонцовской и Добраничевской стоянок.

На площади квадратов 15, 22, 29 и 30 раскопа II обнаружены разрушенные остатки другого комплекса (см. рис. 14). В его состав входят три черепа мамонта (квадраты 15, 29 и 30), лежащие своими носовыми частями наружу. Кроме черепов, в комплекс входили и другие кости — бивни, нижние челюсти, кости конечностей и тазовые кости мамонта, бизона, волка и других животных. Особый интерес представляет находка на квадрате 15 скелета волка, кости которого лежали в анатомическом порядке.

По южному краю квадрата 22 кости скопления выходят в обрез стенки котлована под погреб и были обрублены (бедренная кость и бивень) топором или лопатой. находка здесь костей и послужила поводом к открытию стоянки в 1908 г. Вследствие того, что южная часть скопления частично уничтожена при земляных работах, сказать что-либо о характере и первоначальной конструкции древнего сооружения невозможно. Установлено лишь, что и это сооружение было округлым в плане, диаметром около 4 м. Основные его составные части (черепа на квадратах 15, 29 и 30) находятся на некотором расстоянии (около 2 м) друг от друга и размещены по окружности. Возможно, они служили упорами для деревянных жердей верхней части наземного сооружения. Его конструкция очень близка

---

¹ К. М. Поликарпович. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. СА, V, 1940, стр. 288—289.

² И. Г. Шовкопляс. Житла Супоневської палеолітичної стоянки. «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 133, 134.

³ Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях, Лубенського повіту в 1914—1915 рр. Записки Українського наукового товариства досліджування й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині. Випуск I. Полтава, 1919, стр. 68—70; В. А. Городцов. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. ТСА РАНИОН, т. I, стр. 21—24; А. Я. Брюсов. Гонцовская стоянка. СА, V, 1940, стр. 90. И. Ф. Левицкий. Гонцівська палеолітична стоянка. Палеоліт і неоліт України, т. I, Київ, 1949, стр. 231, 232.

⁴ И. Г. Шовкопляс. Добраничевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, 59, 1955, стр. 32—45.

к конструкциям жилых построек Гонцов и Добраничевки¹. Наличие бивней и длинных костей мамонта, которые могли раньше находиться на кровле, подтверждает предположение о существовании здесь какого-то сооружения, а находка скелета волка и отсутствие очага могут служить доказательством хозяйственного назначения постройки. Возможно, этим объясняется бóльшая примитивность ее конструкции. Не исключается вероятность, что это хозяйственное сооружение принадлежало располагавшемуся рядом жилищу и составляло вместе с ним единый хозяйственно-бытовой комплекс.

В обоих скоплениях и вне их на большей части раскопанной площади попадались многочисленные кремни, отдельные кости, кусочки охры и охристые пятна, обычные для культурного слоя большинства позднепалеолитических памятников.

Встречались просверленные морские раковины, вероятно, употреблявшиеся в качестве украшений. Они обнаружены на всей раскопанной площади. Большая часть их находилась в скоплении костей на месте жилища.

Наиболее значительную по численности группу находок составляют расщепленные кремни различных стадий обработки, а также законченные изделия из них (свыше 200 экземпляров). Наибольшая серия кремневых изделий представлена резцами, среди которых преобладают так называемые боковые (рис. 16—1—5), часто двойные (рис. 16—6, 7), меньше угловых (рис. 16—8, 9) и срединных (рис. 16—10). Все они изготовлены на правильных ножевидных пластинках размерами от 5 до 7 см и более.

На втором месте по количеству экземпляров — скребки. Преобладают среди них округлые концевые скребки на широких и крупных пластинках, очень редко — на отщепках (рис. 16—19—21). Выемчатых скребков немного. Они большей частью изготовлены на крупных массивных пластинках или отщепках (рис. 16—17). Значительную серию кремневых изделий составляют правильные ножевидные пластинки с наискось затупленным (скошенным) концом (рис. 16—18, 23). Большой частью они довольно крупных размеров. Проколочек встречено очень немного (рис. 16—11); изготовлены они на ножевидных пластинах (до 6—7 см) и относятся к типу концевых.

Из других изделий из кремня, собранных во время раскопок 1954 г., следует остановиться на обломках от каких-то не вполне еще ясных орудий, возможно, каконечников дротиков. Один из них (рис. 16—15) имеет вид ножевидной пластинки, отретушированной снизу по обоим краям. Верхняя часть изделия отломана. Другой (рис. 16—16) имеет сплошную ретушь по обоим краям. Из мелких изделий встречены всего лишь три миниатюрные пластиночки с затупленным краем (рис. 16—12—14).

Большое количество заготовок и стщепок, иногда довольно мелких, указывает на то, что обработка кремня и изготовление орудий труда из него полностью производились на стоянке.

Отличительной особенностью кремневого инвентаря из раскопок 1954 г. являются сравнительно большие размеры орудий и малое число их форм. Это довольно четко отличает его от кремневого инвентаря раскопок 1909 г., характеризующегося чрезвычайным разнобразием и специализацией форм и небольшими размерами орудий².

Представление о мезинском кремневом инвентаре, составленное на основании материалов 1909 г., является общепринятым до последнего времени, хотя фактически, как показывает ознакомление с находками из раскопок 1930, 1932, 1954 гг. и других лет, оно далеко не полностью соответствует действительности.

¹ И. Г. Шовкопляс. Добраничевская палеолитическая стоянка, стр. 32—38.

² П. П. Ефименко. Каменные орудия... стр. 6 и др.

Разнообразный и специализированный кремневый инвентарь характерен лишь для отдельных комплексов стоянки, в частности, для раскопанного в 1909 г. Однако он не является преобладающим и ведущим для Мезинской

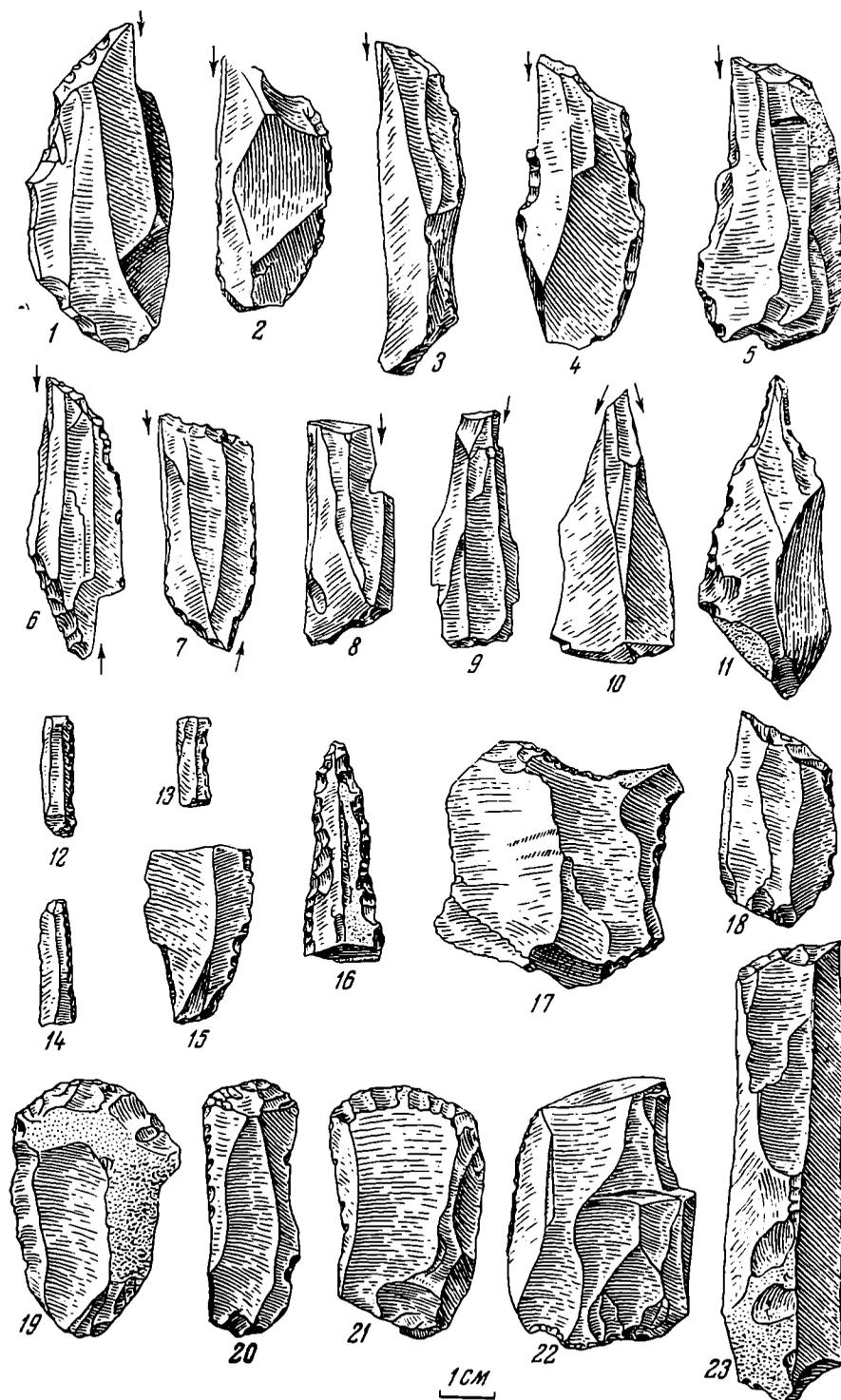

Рис. 16. Кремневые изделия Мезинской палеолитической стоянки.

1—5 — боковые резцы; 6, 7 — двойные боковые резцы; 8, 9 — угловые резцы; 10 — средний резец; 11 — проколка; 12—14 — пластины с затупленным краем; 15, 16 — наконечники дротиков (?); 17 — выемчатый скребок; 18, 23 — пластинки со скошенными концами; 19—21 — концевые скребки; 22 — нуклеус.

стоянки в целом. Различие в характере кремневых изделий, добытых раскопками 1909 и 1954 гг., тем более интересно и важно, что комплексы, из которых они происходят, находились по соседству, на расстоянии всего

нескольких метров один от другого. Различия наблюдаются не только в изделиях из кремня; неодинаков и культурный слой стоянки на ее отдельных участках, как уже отмечалось выше.

Так, например, на юго-восточном участке (раскоп I), примыкавшем непосредственно к раскопам 1930 и 1932 гг., крупные скопления костей животных полностью отсутствуют. Культурный слой состоит из большого числа мелких обломков костей мамонта, костей мелких животных (главным образом, песцов), расщепленных кремней, морских раковин и кусочков охры. В отдельных местах этого раскопа (он вскрыт на площади около 110 кв. м) встречались следы угля и золы, — видимо, остатки древних открытых очагов. Никаких сколько-нибудь выразительных следов жилищ здесь обнаружить не удалось. Кремневый инвентарь аналогичен инвентарю, собранному на площади раскопа II.

Особенно интересна находка нескольких скелетов песцов, кости которых лежали в анатомическом порядке; это свидетельствует о том, что животных убивали ради меха, но в пищу не употребляли. По южному краю раскопа культурный слой прекращается и отмечает границу стоянки, проходившую вдоль русла древней балки. Таким образом, площадь раскопа I является краем древнего поселения. Здесь, видимо, находился центр производственной жизни обитателей стоянки, свидетельством чего может служить разнообразие состава находок в культурном слое.

Особое место и здесь занимают находки просверленных морских раковин. Заслуживает внимания различие видов раковин, собранных в 1954 г. на разных участках (раскопах) стоянки¹.

Все это указывает на то, что стоянка в Мезине является далеко еще не таким ясным памятником, как это представлялось до последнего времени. Не исключена возможность, что здесь имеются одновременные комплексы, принадлежавшие разным группам первобытного населения бассейна среднего течения Десны.

Дальнейшие раскопки Мезинской стоянки и углубленная проработка уже собранных материалов дадут возможность всесторонне изучить этот выдающийся памятник позднепалеолитического времени².

---

¹ Описанию результатов исследования стоянки на площади раскопа I будет посвящено отдельное сообщение.

² Раскопки в Мезине были продолжены в 1955 г. В результате изучения остатков жилища получены большие материалы и сделаны наблюдения, дающие возможность для его реконструкции.

А. П. ЧЕРНЫШ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ВОРОНОВИЦА 1

(По данным раскопок 1951—1953 гг.)

Среди многочисленных позднепалеолитических памятников Поднестровья одной из наиболее известных можно считать стоянку Вороновица 1. Она расположена на мысу «Барвинская гора» правого берега Днестра, в 3,5 км юго-восточнее с. Вороновица, Кельменецкого района, Черновицкой области.

Стоянка открыта в 20-х годах Ч. Амброжевичем. Им собраны здесь кремневые поделки, а также был заложен шурф. Собранные материалы Ч. Амброжевич датировал ориньякским временем¹.

В 1946—1947 гг. работы по обследованию стоянки были возобновлены П. И. Борисковским. Он собрал коллекцию, состоящую из мелких нуклеусов, тонких ножевидных пластин, небольших резцов, коротких скребков, пластинок с притупленным краем, орудий типа клинка перочинного ножа и т. д. На основании этих материалов памятник был передатирован и отнесен к позднемадленскому времени².

В последующие годы, включая 1951 г., обследование стоянки производилось автором данной статьи; собранные на мысу кремневые изделия и остатки ископаемой фауны подтверждали датировку П. И. Борисковского.

В 1951—1953 гг. Днестровская экспедиция Института общественных наук Академии наук УССР, работавшая под руководством автора, организовала раскопки на территории стоянки: 8 шурфов, заложенных в разных пунктах мыса «Барвинская гора», дали возможность обнаружить мощный культурный слой с обильными остатками ископаемой фауны. За 3 года на стоянке вскрыта площадь 262 кв. м и прослежены следующие напластования: сверху снят слой чернозема толщиной 0,9 м, под ним до уровня 1,6 м находился темнокоричневый суглинок, ниже, до отметки 2,9 м, залегал лёсс, а далее, до глубины 3,5 м, — светложелтый песчаный суглинок.

В лёссе обнаружены два культурных слоя. В верхнем (на глубине 1,6—2,15 м) собрано около 11 тыс. кремневых изделий, больше 3 тыс. обломков костей ископаемых животных, много камней, остатки краски, угля и другие материалы. В этом же слое встречены следы 15 кострищ, а также остатки долговременного жилища. Следы кострищ — округлые очажные пятна — вскрыты на глубине от 1,71 до 2,2 м; толщина линз углистой почвы — от 2 до 15 см, размеры кострищ — от 0,4 × 0,4 м до 0,8 × 1,1 м. Среди них необходимо отметить кострища № 3 и 9 (1952 г), толщина линз которых (15 см) указывает на более длительный срок пользования. Дно их

¹ С. Ambrozewicz. Beiträge zur Kenntnis der Aurignacienkultur Bessarabiens und der Bukowina. WPZ, Wien, 1930, табл. XVII.

² П. И. Борисковский. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья. Вестник ЛГУ, 1948, № 2.

было сооружено из плиток песчаника, имеющих налет сажистой массы и следы сильного обжига.

Очажные пятна в верхнем слое не располагались по одной линии, как это было, например, прослежено при изучении площади постоянных жилищ на стоянках Костенки 1, Пушкари 1 и Костенки 4¹. Это позволяет заключить, что по типу жилища на стоянке Вороновица 1 отличались от длинных жилищ указанных стоянок.

Большая часть кострищ (8 из 15) верхнего слоя на исследованной площади поселения как бы окружала с разных сторон участок с остатками постоянного жилища, что позволяет рассматривать кострища как принадлежащие к одному жилому комплексу; остальные (за исключением № 1, 1951 г.).

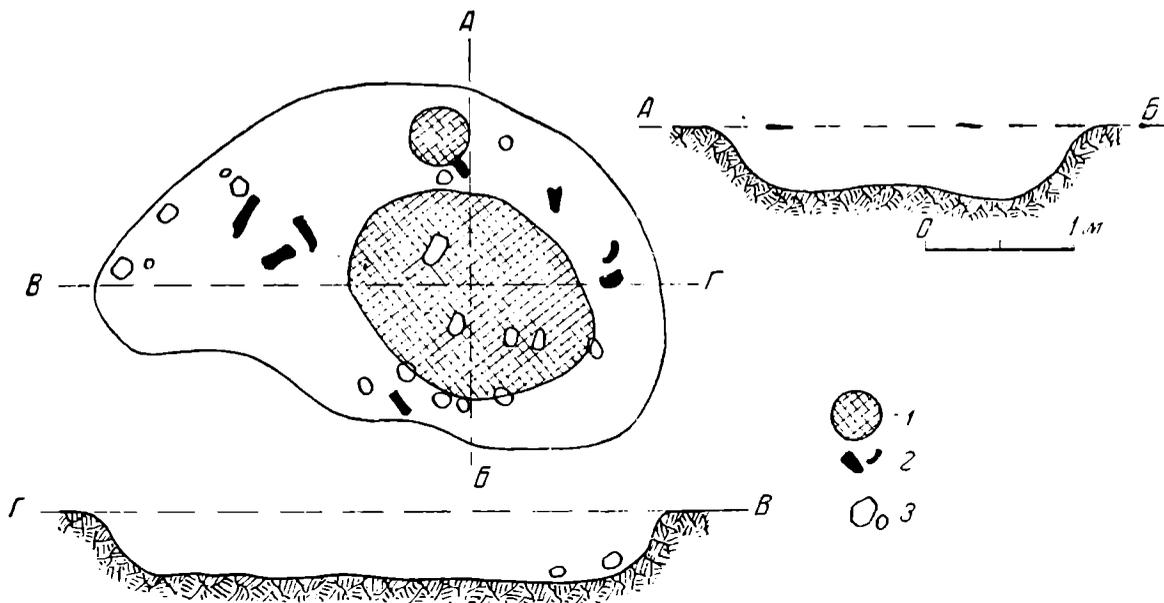

Рис. 17. План и разрезы жилища. Верхний слой стоянки Вороновица 1.

1 — остатки кострищ; 2 — кости; 3 — камни.

встречены в южной половине раскопа 1952 г., где они составляли как бы часть второго круга кострищ, ушедшего в неисследованную часть стоянки, что позволяет предполагать наличие остатков второго жилища южнее границ этого раскопа.

Следует отметить, что некоторые из наружных кострищ, наиболее долговременные, могли иметь конические перекрытия типа шалашей.

Остатки постоянного жилища в виде пятна — углубления с черно-коричневой почвой, мелкими обломками костей, кремневыми орудиями и отбросами, замечены на глубине 2,05—2,1 м (рис. 17). Углубление в форме неправильного овала длиной 3,8 м и с наибольшей шириной 2,45 м было ориентировано в направлении с запада на восток; дно его находилось на уровне 2,4 м, причем стенки снижались постепенно и наибольшая глубина наблюдалась в центральной части. Западную часть углубления можно рассматривать в качестве входа. Здесь прослежено сужение, имеющее форму отростка; к тому же западный конец был наиболее удален от остатков кострищ, расположенных в восточной половине пятна. Аналогичный вход в виде узкого отростка наблюдал П. П. Ефименко в землянке А на стоянке Костенки 1; такие же отростки-входы замечены в жилищах на стоянке Супонево.

¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. М.—Л., 1938, стр. 448; П. И. Борисковский. Пушкаревское палеолитическое жилище. КСИИМК, VII, 1940, стр. 81—86; А. Н. Рогачев. Остатки первобытно-общинного жилища верхнепалеолитического времени у с. Костенок на Дону. СА, XVI, 1952, стр. 100—119.

При расчистке углубления встречены остатки двух кострищ. Первое, размером $1,6 \times 1,3$ м, было заполнено углистой почвой, пережженными косточками, остатками угля, краски. Здесь находилось несколько камней; некоторые из них были сильно обожжены; два камня лежали на дне кострища.

Второй очаг, размером $0,4 \times 0,4$ м, был заполнен почвой углистого цвета и остатками краски.

На площади углубления собрано 83 нуклеуса, 111 резцов, отбойник и другие кремневые орудия, а также костяные шило и ложило, терки из песчаника, обломки камней, остатки краски. Наличие большого количества нуклеусов, отбросов производства и орудий свидетельствует, что вскрытый участок являлся не только местом, где эти орудия употреблялись, но и местом изготовления кремневых орудий.

Многочисленность инвентаря, связанного с хозяйственной деятельностью палеолитического человека, и остатки двух кострищ позволяют рассматривать углубление в качестве основания долговременного жилища овальной формы, имевшего, повидимому, коническое перекрытие из жердей и шкур животных. Остатков от крупных бивней мамонта, употреблявшихся для сооружения кровли, как в землянке А стоянки Костенки 1¹, на площади жилища верхнего слоя стоянки Вороновица 1 не обнаружено. Лишь в южной стенке углубления встречено стоявшее вертикально ребро мамонта, как и в жилищах Авдеевской стоянки².

Остатки на стоянке Вороновица 1 небольшого, слегка углубленного в древнюю поверхность овального жилища, окруженного со всех сторон наружными кострищами, отличаются от открытых на других палеолитических стоянках СССР долговременных жилищ, что свидетельствует о многообразии форм сооружений для долговременного обитания в позднепалеолитическое время.

Культурные остатки в верхнем слое концентрировались преимущественно вокруг жилища и кострищ.

Собранный кремневый инвентарь (рис. 18) состоит из 622 нуклеусов, 3 отбойников, 544 резцов, 131 скребка, 82 пластин с краевой ретушью, 81 реберчатого скола, сколов от «оживления» нуклеусов, резцовых сколов, 18 резцов-скребков, остриев, ряда других орудий и отбросов производства.

Орудия изготовлялись преимущественно из светлокорицевого галечного кремня (80% находок), реже из мелового кремня светлосерого и темносерого цвета; изредка употреблялся кварцит и даже обсидиан, ближайшее местонахождение которого находится в Закарпатье и удалено от стоянки примерно на 300 км.

В связи с этим вспомним отмеченные С. Н. Замятниным находки на стоянке Гагарино трех кремневых поделок, занесенных туда из района с. Костенок, т. е. пункта, удаленного на 150—160 км от с. Гагарино³, находки черноморских ракушек на ряде палеолитических стоянок УССР, а также находку горного хрусталя на стоянке Добраничевка⁴. Все эти факты свидетельствуют о наличии в позднепалеолитическое время отдельных моментов обмена и передвижений населения на относительно далекие расстояния.

На кремневом инвентаре верхнего слоя стоянки Вороновица 1 преобладает синяя, серо-синяя и темносиняя патина (80% находок); остальные находки покрыты патиной белого цвета.

¹ П. П. Ефименко. Из материалов палеолитического поселения Костенки 1. Землянка А, СА, XI, 1949.

² А. Н. Рогачев. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 г. МИА, № 39, 1953, стр. 147, 149, 152, 160, 170 и др.

³ С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарино. Известия ГАИМК, вып. 118, 1935, стр. 55.

⁴ И. Г. Шовкопляс. Раскопки позднепалеолитической стоянки на р. Супое. КСИА, вып. 4, 1955.

Нуклеусы по форме относятся к призматическим, неправильно-призматическим, округлым, дисковидным и примитивно-коническим; преобладают

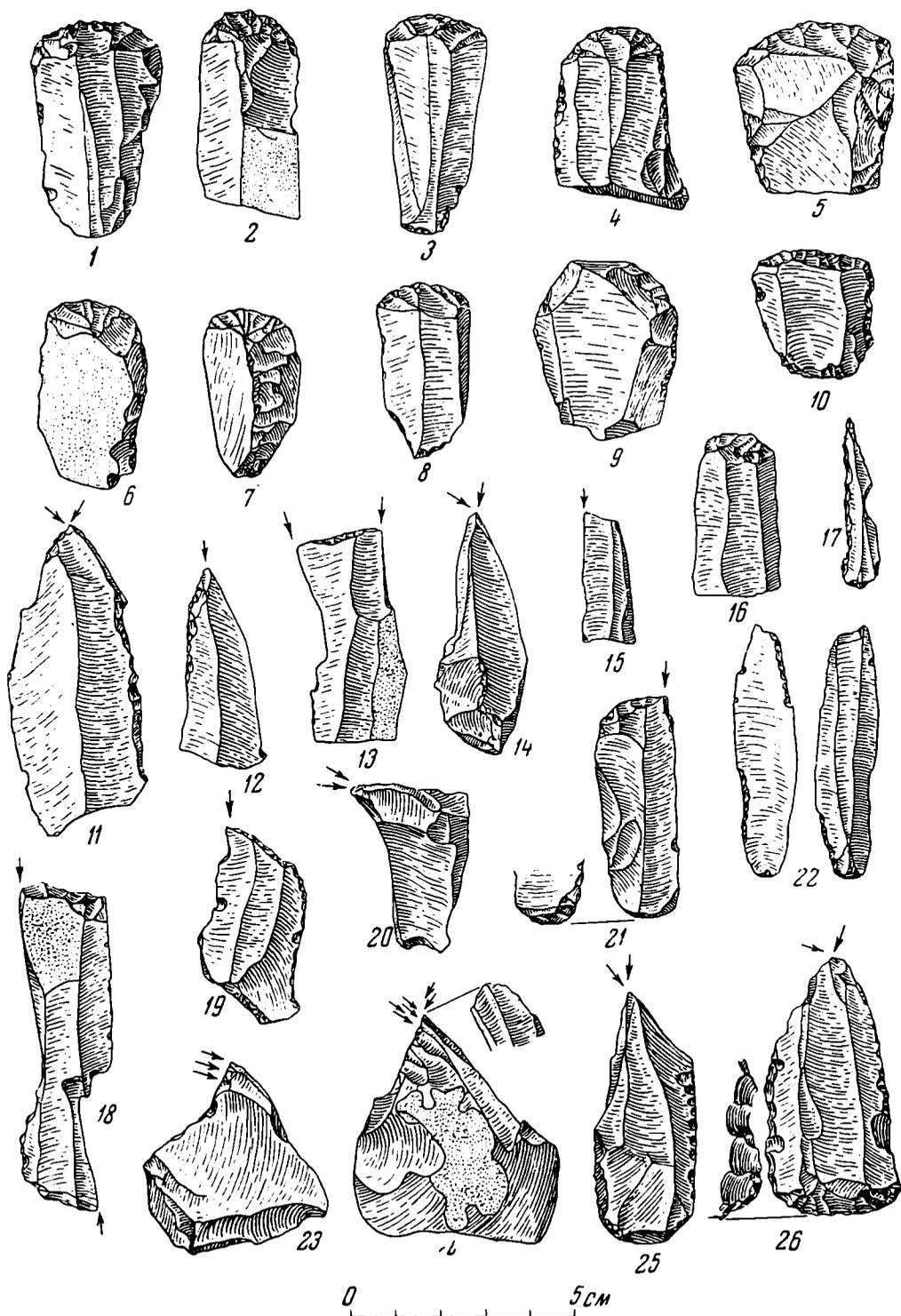

Рис. 18. Палеолитическая стоянка Вороновица 1. Кремневый инвентарь из верхнего слоя.

1—10, 16 — скребки; 11—15, 18—21, 23, 24 — резцы; 17 — пластинка с притупленным краем; 22 — наконечник; 25, 26 — резцы-скребки.

первые две формы. Среди отбросов встречены обломки галек и целые кремневые гальки — сырье для изготовления орудий.

Средние размеры нуклеусов — 4—5 см (такие нуклеусы преобладают), хотя было встречено много экземпляров по 2—3 см.

Самая многочисленная группа орудий — резцы. Среди них — срединные (160 экземпляров), угловые (150 экземпляров), двойные (76 экземпляров), боковые (71 экземпляр), скошенные (22 экземпляра), двусторонние угловые — билатеральные, нуклевидные, резцы с рабочим краем, переходным между срединными и угловыми, резцы супоневского типа, клювовидные, многофасеточные, тройные и четверные резцы. Преобладают типичные для памятников конца палеолита небольшие срединные, угловые, двойные и боковые резцы.

Вторая группа кремневых орудий — скребки. По форме рабочего края среди этих орудий — двойной, нуклевидный, два с прямым лезвием, 121 обыкновенный концевой с полукруглым рабочим краем, четыре близких к так называемым скребкам типа Карене и два выемчатых орудия. Преобладают типичные для памятников конца палеолита короткие скребки.

Третья группа орудий состоит из ножевидных орудий-пластин с краевой ретушью. Кроме этого, были встречены острия (14 экземпляров), среди которых преобладают симметричные.

Группа комбинированных орудий состоит из 18 скребков-резцов и резца-острия. Вкладышевых орудий-пластин с притупленным краем насчитывается 9 экземпляров. В их числе необходимо отметить три небольшие пластинки — игольчатые острия, аналогии которым можно указать, например, среди материалов Амвросиевки, Костенок 4, Тельманской стоянки¹.

Среди прочих орудий отметим проколки на небольших пластинках (5 экземпляров), две пластины со скошенным ретушью краем, две — с краевыми выемками, пластинку-«пилочку» с мелкими отретушированными выемками-зубчиками и несколько пластин с подтеской по брюшку.

Встречены также орудия, которые по форме рабочего края можно определить в качестве угловых острий. Рабочим краем у них служит угол верхнего края пластины. По форме рабочего края эти орудия аналогичны угловым резцам, но рабочее лезвие у них сформовано не резцовыми сколами, а ретушью.

Отметим 3 поделки типа наконечников дротиков. Одна из них обнаружена на площади жилища².

Кроме кремневых поделок, встречались орудия из кости. Так, например, в 1951 г. найдены обломок шилсообразного орудия, фрагмент нижней части мотыгообразного орудия из кости мамонта размерами $95 \times 86 \times 22$ мм, верхняя часть другой аналогичной поделки. Подобные орудия могли применяться для выкапывания различных углублений.

В 1952 г. обнаружено ложило из ребра мамонта; пест из бивня размерами $95 \times 75 \times 75$ мм. Аналогии последней поделке можно указать среди материалов таких стоянок, как Афонтова гора и Пшедмост³.

В 1953 г. в верхнем слое были найдены костяные шилья и крупная клинообразная поделка.

Палеонтологические остатки встречены преимущественно в раздробленном состоянии. Крупные кости животных прослежены лишь в некоторых квадратах раскопок 1951—1953 гг.

¹ П. И. Борисковский. Раскопки в Амвросиевке и проблема палеолитических культовых мест. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 12, рис. 3; А. Н. Рогачев. Остатки первобытно-общинного жилища верхнепалеолитического времени у с. Костенки на Дону. СА, XVI; его же. Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита, СА, XVII, 1953, рис. 4, 5.

² В связи с этим необходимо вспомнить находку кремневых наконечников на ряде мадленских стоянок Венгрии, Германии и Франции (например, пещера Янковича, Петерсфельс, Мадлен, грот Мэри и др.).

³ Н. К. Ауэрбах. Палеолитическая стоянка Афонтова III. Новосибирск, 1930, табл. 10; H. Breuil. Notes de voyage paléolithique en Europe Centrale. «L'Anthropologie», t. 33—35, Paris, 1923—1925, стр. 536.

По определению И. Г. Пидопличко, фауна верхнего слоя стоянки, согласно данным раскопок 1951—1953 гг., состоит из остатков костей лошади (1639 фрагментов костей от 67 особей), северного оленя (707 фрагментов от 66 особей), мамонта (472 фрагмента от 54 особей), зубра (41 фрагмент от 6 особей). Большое количество остатков костей животных (от 198 особей), на которых охотились обитатели стоянки, служит показателем длительного пребывания здесь позднепалеолитических охотников.

Кроме костей млекопитающих, в верхнем слое встречены остатки ракушек *Ulio*, что свидетельствует о собирательстве как добавочной отрасли хозяйства. До настоящего времени, кроме таких стоянок, как Гонцы и Владимировка, этот вид речных ракушек ни на одной позднепалеолитической стоянке Европейской части СССР не обнаружен.

Кратко остановимся еще на одной категории материалов, встреченных в верхнем слое. Речь идет о плитках мергеля, сланца и песчаника. Наличие стертых граней на округлых и плоских по форме камнях позволяет говорить о длительном их употреблении в качестве терок. Располагались они преимущественно возле кострищ.

Отметим, что на стоянке Чулатово 2 при раскопках обнаружено большое количество плиток из песчаника и кварцита. М. В. Воеводский отмечал отсутствие определенной закономерности в размещении плиток на площади стоянки: они залегали как близ кострищ, так и изолированно; по его мнению, плитки служили для растирания пищевых продуктов (семян диких растений и съедобных корней)¹.

С мнением М. В. Воеводского вполне можно согласиться, так как иначе нельзя объяснить наличие на стоянке Вороновица 1, как и на стоянке Чулатово 2 и некоторых других, большого количества различных камней со стертymi гранями. Естественно, что лишь часть этих терок употреблялась для растирания краски.

Необходимо также отметить обломок плоского диска из крупнозернистого песчаника, аналогичный находкам А. Н. Рогачева в Костенках 4, а также две клинообразные поделки из песчаника и сланца, имеющие следы шлифования.

Кроме перечисленного, обнаружены остатки краски (охра и окись железа), которые встречались в виде мелких кусочков или пятен.

Выше отмечалось, что для верхнего слоя характерны мелкие нуклеусы, тонкие пластины, небольшие срединные, угловые, двойные, боковые и клювовидные резцы, короткие скребки и т. д., что позволяет сравнивать памятник с такими стоянками, как Гонцы, Боршево 2, Чулатово 2, Бабин 1 (третье стойбище), т. е. с памятниками гонцовского этапа позднего палеолита. С другой стороны, на стоянке в слое и на площади, занятой остатками жилища, встречались также такие орудия, как скошенные резцы, острия, скребки, близкие к скребкам Карене, орудия на пластинах с краевой ретушью и т. д. Наличием этих типов кремневых поделок верхний слой стоянки Вороновица 1 до некоторой степени напоминает стоянку «Погон, 5-й метр», на материале которой также можно видеть пережитки ориньяко-солютрейской техники, но более сильно выраженные. Среди инвентаря со стоянки «Погон, 5-й метр» орудий труда, изготовленных в этой технике, примерно столько же, сколько и мадленских.

В верхнем слое стоянки Вороновица 1 более древние черты выражены в гораздо меньшей степени.

Перейдем к характеристике нижнего слоя.

Нижний культурный слой был прослежен в северной части раскопа 1951 г. и на площади раскопа 1953 г., в лёссе, на глубине 2,2—2,5 м.

¹ М. В. Воеводский. Палеолитическая стоянка «Рабочий ров». Ученые записки МГУ, вып. 158, 1952, стр. 122.

На исследованной территории обнаружены два участка скопления находок, однако размер занятой ими площади до дальнейших исследований

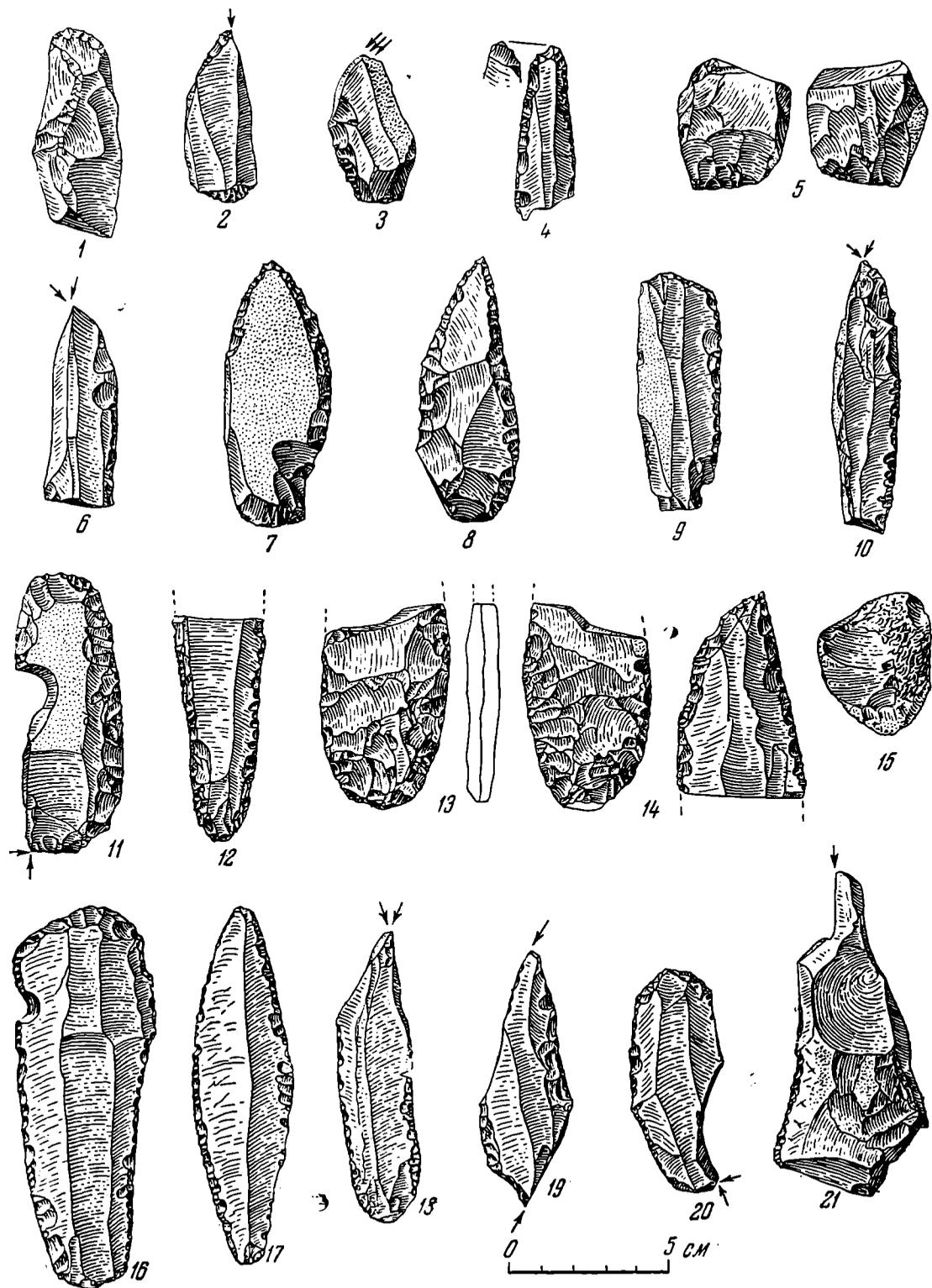

Рис. 19. Палеолитическая стоянка Вороновица 1. Кремневый инвентарь из нижнего слоя.

1, 16 — скребки; 2, 20 | резцы-скребки; 3, 4, 6, 10, 18, 19, 21 — резцы; 5 — отщеп с двусторонней обработкой плоской ретушью; 7, 8, 14 — остряя; 9, 12, 17 — фрагменты пластин с ретушью по краю; 11 — угловой резец на пластине с плоской ретушью; 13 — наконечник с двусторонней обработкой плоской ретушью; 15 — отбойник.

определить нельзя. Здесь встречены остатки 11 овальных очажных пятен; толщина углистых линз — от 2—3 до 12 см. Поверхность этих кострищ

находилась на глубине от 2,36 до 2,61 м. В первом участке скоплений находок замечены три пары симметрично расположенных кострищ. Кроме того, на краю насыщенного находками пятна обнаружен обломок вертикально стоявшего бивня мамонта, высотой в 12 см.

Для кремневого инвентаря нижнего слоя (рис. 19) характерны крупные пластины и нуклеусы, пластины с плоской краевой ретушью, крупные орудия на таких пластинах, острия, орудия с двусторонней обработкой плоской ретушью.

В 1953 г. в нижнем слое был найден обломок лавролистного наконечника с двусторонней обработкой плоской ретушью (рис. 19 — 13) и встречены терки из камня.

Фаунистические остатки состоят, по определению И. Г. Пидопличко, из обломков костей лошади (от 12 особей), северного оленя (от 9 особей), мамонта (от 12 особей), носорога (от 2 особей), медведя (от 1 особи).

Находки из нижнего слоя стоянки Вороновица 1 можно сравнить с материалами таких памятников Поднестровья, как Городница, Незвиско, Бабин 1 (среднее стойбище), или таких, как Тельманская стоянка (верхний ее слой), Костенки 4 (также имеется в виду верхний слой), и других памятников с инвентарем салютрейского типа.

Трехлетние исследования позволили установить, что стоянки Вороновица 1 — многослойный памятник. Проведенные раскопки дали возможность стратиграфически изучить остатки стойбища гонцовского этапа позднего палеолита и стойбища тельманского этапа, причем культурный слой первого из этих стойбищ залегал выше, чем слой второго. Установлены различия не только в глубине залегания культурных остатков, но и в кремневом инвентаре и составе фауны (в слое верхнего стойбища не встречены остатки носорога).

Полное изучение разновременных позднепалеолитических охотничьих поселений на мысу «Барвинская гора» — дело будущих исследований.

Е. К. ЧЕРНЫШ

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У СЕЛА НЕЗВИСКО НА ДНЕСТРЕ

Многослойное поселение у с. Незвиско, Обертинского района, Станиславской области, расположено на первой надпойменной террасе правого берега Днестра. Оно получило известность с 1926 г. после раскопок польских археологов¹. Но, к сожалению, материал из раскопок почти не был опубликован, а коллекции с двух различных пунктов у с. Незвиско, хранящиеся в Львовском государственном историческом музее, оказались в значительной мере смешанными. В связи с этим в 1951 г. Днестровской экспедицией Института общественных наук Академии наук УССР совместно с Трипольской экспедицией ИИМК произведено тщательное обследование местности у с. Незвиско, было установлено место прежних раскопок и намечен участок для дальнейших работ. Тогда же в небольшом раскопе, заложенном на берегу реки, на поселении было вскрыто несколько слоев, относящихся к различному времени, и выявлен ранее здесь неизвестный слой с украшенной монохромной росписью керамикой трипольской культуры, и слой с фрагментами керамики комаровской культуры.

В 1953 г. раскопки на поселении производил отряд Подольской комплексной экспедиции Института общественных наук Академии наук УССР. Продолжая раскоп 1951 г., экспедиция вскрыла площадь в 200 кв. м².

В черноземе на глубине 0,4—0,6 м прослеживался слой с керамикой и железными предметами XII—XIII вв. Ниже (0,6—0,9 м) залегал слой с материалами, относящимися к культуре полей погребений, датируемый I в. до н. э.—III в. н. э. С этим горизонтом связана полуземлянка, состоящая из 2 ям неправильной формы. Величина одной из них — 2,3 × 2 м при глубине 1,95 м, другой — 3 × 2 м при глубине 1,75 м (от современной поверхности). В большей из ям находился очаг, сложенный из камней. В заполнении полуземлянки, как и в культурном слое, основную массу находок составляла керамика, среди которой преобладали фрагменты сосудов, вылепленных от руки, без гончарного круга. Там же было найдено и несколько фибул.

В южной части раскопа, на глубине 1,5—1,6 м, обнаружено несколько фрагментов керамики, которую можно датировать ранним железным веком. Это черепки лепных сосудов темносерого или коричневого цвета с лощеной поверхностью.

¹ L. Kozłowski. Budowie kultury ceramiki malowanej w swietle badan przeprowadzonych w Koszówkach, Niezwiskach, Buczaczu. Lwów, 1930.

² Исследование верхних горизонтов, относящихся к славянскому времени, проходило под руководством М. Ю. Смишко и А. О. Ратича.

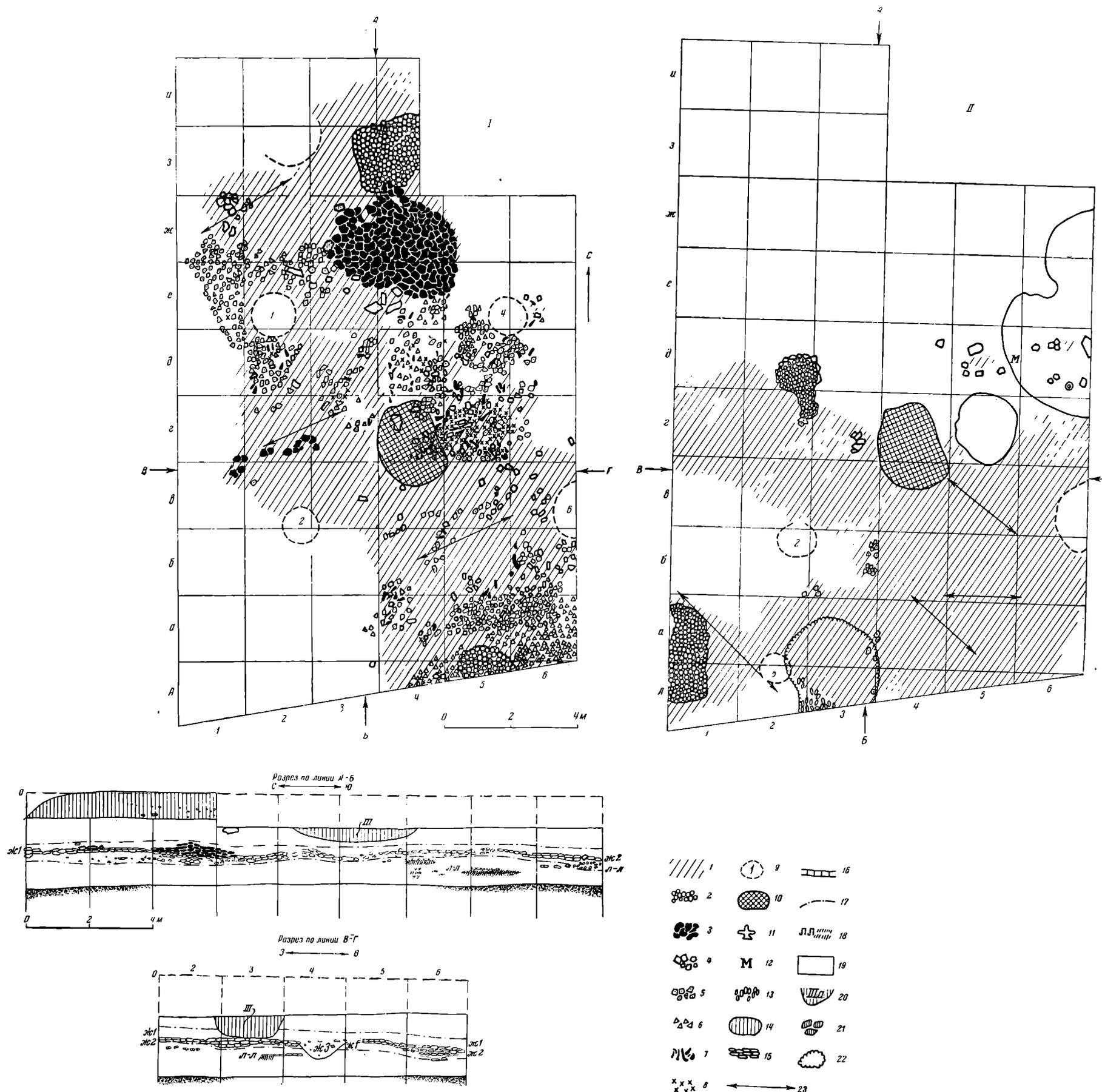

Рис. 20. Планы и разрезы жилищ № 1, 2, 3 и 4 по раскопкам 1953. у с. Новиско.

I — план раскопа по первому трипольскому слою; II — план раскопа по второму трипольскому слою; III — разрез.

1 — глиняная обивка пола; 2 — пачатая обивка; 3 — являем печи; 4 — камни; 5 — керамика; 6 — сляцевые отщепы; 7 — кости; 8 — кремни; 9 — пояди; 10 — контур ящи № 3; 11 — статульки; 12 — медь; 13 — раковины Unio; 14 — гумус; 15 — обивка пола; 16 — латечная обивка пола; 17 — граница культурного слоя трипольского ярмоши; 18 — слаб, относящийся к культуре лиснево-ленточной керамики; 19 — суглинок; 20 — контуры земляных риндланских кремни; 21 — зернотерки; 22 — граница распространения являем раковин Unio; 23 — направление пав под глинобитным полом (14—20 — только на чертежах разрезов).

На глубине 1,25—1,4 м залегал незначительный слой с находками, характерными для комаровской культуры. Здесь найдены фрагменты примерно 17 сосудов, изготовленных из глины с примесью большого количества дробленого кремня. Посуда лепная, плохо обожженная, серого или темнокоричневого цвета.

По собранным фрагментам удалось восстановить некоторые формы сосудов: 1) крупные тюльпановидные с широким горлом и слегка отогнутым венчиком, под которым проходят несколько оттянутых валиков, составляющих украшение этих сосудов; 2) чашки с широким, уплощенным краем; 3) сосуд в форме стакана с расширяющимися кверху стенками; 4) приземистый сосуд с раздутыми боками (амфоровидный).

Тюльпановидные сосуды и чаши, видимо, служили для приготовления и хранения пищи и почти лишены орнамента; остальная посуда богато украшена углубленным орнаментом, нанесенным штампом, веревочкой или заостренным орудием.

Наряду с керамикой найдены кремневые ножи, фрагмент серпа, часть сверленого каменного топора, медные долота, колечко и пронизка.

Несмотря на то, что культурный слой сильно разрушен поздними ямами и был небольшой толщины, удалось проследить ямки от двух столбов, видимо, входивших в конструкцию какого-то наземного строения. Расстояние между ними — около 2,5 м; они были вкопаны в землю на глубину до 0,4 м. Диаметр одного из столбов — 0,24 м, другого — 0,3 м. На глубине 1,37 м между столбами расчищены фрагменты тюльпановидного сосуда.

Поселения, принадлежавшие населению, оставившему памятники комаровской культуры, изучены чрезвычайно слабо, поэтому открытие слоя этого времени у с. Незвиско представляет большой интерес.

На глубине 1,65—1,9 м залегал слой, относящийся к трипольской культуре. В нем вскрыта часть мастерской по изготовлению орудий из кремня и кремнистого сланца, полуземлянка и часть большого наземного дома-площадки (рис. 20 — Г). Слой содержал огромное количество фрагментов керамики, костей животных, орудий труда и отбросов их производства.

Мастерская по изготовлению каменных орудий занимала площадь около 30 кв. м. На этом участке собрано около 100 отщепов, осколков и пластин, 38 заготовок и несколько законченных орудий из кремнистого сланца. Орудий из кремня было мало. Это скребки, ножи, резцы, вкладыши серпов.

Видимо, в то же время, когда функционировала мастерская, была сооружена полуземлянка — жилище № 3. Она овальной формы; величина ее — 2 × 2,6 м при глубине около 1 м (от древнего горизонта). В полуземлянке найдены фрагменты кухонной посуды, кремневые орудия, камень зернотерки, кости животных. При строительстве полуземлянки был разрушен пол трипольских площадок № 1 и 2; следовательно, жилище № 3 было построено несколько позднее жилища № 1, хотя по материалу они относятся к одному и тому же этапу развития трипольской культуры.

Жилище № 1 было очень большим. В пределах раскопа длина его — около 19 м, а ширина — около 8 м, но южная часть площадки осталась не вскрытой¹; следовательно, площадь жилища превышала 150 кв. м. Глинобитный пол, — немного наклонный, — находился на глубине 1,65—1,85 м (от современной поверхности). Обожженная глиняная обмазка пола с примесью половы лежала в 1—2 слоя. Судя по отпечаткам, сохранившимся на глине, обмазка намазывалась на деревянные плахи, уложенные параллельно друг другу. Глина глубоко затекла между ними и отпечатки дерева очень четко видны на нижней стороне обмазки. Они позволили установить направ-

¹ Площадка была целиком раскопана в 1954 г.

ление, в котором укладывались плахи, — параллельно узким сторонам дома с юго-запада на северо-восток. Следовательно, жилище по длинной оси было ориентировано с северо-запада на юго-восток, т. е. к Днестру.

В северной части жилища находилась крупная печь, рассыпавшаяся обмазка которой занимает площадь в 8 кв. м. Под печи состоял из гладких, хорошо обожженных вальков глины без примесей. Из небольших возвышений, сооруженных из глиняной обмазки без примесей, одно было расположено у печи в северной половине жилища, другое — в южной. Возле них наблюдались скопления черепков посуды, костей животных, орудий; там же обнаружены камни зернотерок.

Всю керамику трипольского горизонта можно подразделить на кухонную посуду с примесью к глине толченых ракушек, на кухонную посуду с гладкой поверхностью (в глиняной массе содержится примесь шамота) и на расписные сосуды, изготовленные из теста без примесей.

Кухонная посуда представлена горшками и мисками различной величины. Сосуды украшены штампом или оттисками пальцев. На некоторых экземплярах, кроме того, имеется окраска красной или черной краской.

Расписная керамика составляет подавляющее большинство находок. Во всем горизонте было найдено 330 фрагментов кухонной посуды, тогда как расписной — 4570 фрагментов. Это тонкостенные, хорошо обожженные сосуды с гладкой, лощеной поверхностью, почти сплошь покрытой росписью. Орнамент наносился черной краской по желтому или красноватому фону поверхности. По формам среди этой посуды различаются миски, шлемовидные крышки, небольшие горшочки, двуконусные, грушевидные, биноклевидные сосуды и др.

По формам и орнаментации расписная посуда очень близка к керамике с трипольского поселения у с. Петрени в Молдавской ССР¹, но отдельные фрагменты можно сравнить с более поздними материалами из поселения у с. Кукутени, выделенными Г. Шмидтом в особую группу керамики 3/2². Эта керамика отличается тем, что черные линии, образующие орнамент, обведены тонкими белыми полосками или точками, что редко встречается среди трипольских материалов УССР (рис. 22 — 6).

Были найдены также единичные фрагменты полихромных сосудов, из которых один частично восстановлен. Это грушевидный сосуд с небольшим дном, сильно раздутыми боками и небольшим прямым горлом. Роспись была сделана черной краской по белому фону, а по горлу шел узор из овалов красного цвета (рис. 22 — 4).

Встречено несколько фрагментов статуэток, очень схематично передающих человеческую фигуру. Здесь же обнаружено большое количество изделий из камня: крупные заготовки долот и тесел, законченные орудия, прекрасно отретушированные кремневые ножи, скребки, проколки, вкладыши серпов, угловые и срединные резцы. Среди изделий из кости и рога много обрубленных, иногда приостренных, отростков рогов оленя, шилья, проколки; есть одно крупное ложило.

По комплексу находок трипольский горизонт поселения, включающий кремневую мастерскую, жилища № 1 и 3, можно сравнить с трипольскими поселениями, известными из раскопок у с. Петрени, у с. Кукутени (верхний трипольский горизонт), в Поливановом яру (средний слой), и датировать периодом расцвета трипольской культуры — этапом В/II, по периодизации Т. С. Пассек³.

¹ Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Труды XIII АС, т. I, 1906.

² Н. Schmidt. Cucuteni in der oberen Moldau (Rumänien). Berlin und Leipzig, 1923, стр. 37, табл. 18.

³ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949.

На глубине 1,95—2,15 м (от современной поверхности) находился второй трипольский горизонт, к которому относятся жилища № 2 и 4 (рис. 20 — II).

Площадка № 2 залегала непосредственно под площадкой № 1. В 1953 г. были вскрыты центральная и северная части жилища, занимавшие площадь в 80 кв. м. Остатков печей не обнаружено; прослежены только 2 вымостки из глиняной обмазки без примесей, которые обычно располагаются у печи. Под одной из вымосток вскрыт фундамент, выложенный из крупных речных галек. Пол жилища такой же, как и у выше лежащей площадки, только отпечатки деревянных плах на обмазке идут в противоположном направлении. Судя по отпечаткам, плахи лежали с северо-запада на юго-восток, а жилище по длинной оси было ориентировано с северо-востока на юго-запад.

Подобное явление наблюдалось при раскопках трипольских поселений в Корлэтенъ-Дорохой, в урочище «Пецаринэ» в Румынии¹.

Находок на площадке немного, так как она в значительной части лежит сразу же под жилищем № 1.

Жилище № 4 — полуземлянка, вероятно, сооруженная несколько раньше, чем площадка, так как обмазка пола последней перекрывает ее в южной части. Полуземлянка большая. Часть ее, вскрытая в 1953 г., имеет вид двух смыкающихся округлых ям. Общая длина их с севера на юг — 6 м; ширина ям в вскрытой части — 2,5 м, глубина от древнего горизонта — 1 м.

Видимо, к этой же полуземлянке относится яма площадью 4 кв. м, расположенная почти рядом (квадрат 5/г). Возможно, в древности они соединялись.

Материал из жилищ № 2 и 4 совершенно одинаков. Как обычно, среди находок преобладает керамика, которая делится на кухонную посуду, посуду с углубленным орнаментом и расписную.

Кухонная посуда сильно отличается от кухонной же из верхнего трипольского горизонта. Она изготовлена из глины с большой примесью шамота; обжиг сосудов хороший, хотя они в большинстве толстостенные. Наружная поверхность неровная, грубо сглаженная пальцами. Большинство сосудов имеет вид котлов, реже — мисок.

Керамика с углубленным орнаментом делалась из массы, близкой по качеству к массе, из которой изготовлялись кухонные сосуды, что сильно отличает ее от такой же керамики раннетрипольского времени. Обжиг хороший; орнамент нанесен довольно небрежно. Полосы, составляющие ленты орнамента, — широкие, с рваными краями. Поверхность сосудов заглажена плохо. На некоторых пространство между лентами орнамента окрашено красной или черной краской, а иногда той и другой вместе. На нескольких сосудах, кроме того, с внутренней стороны имеется полихромная роспись.

По формам среди этой группы различаются грушевидные сосуды, широкогорлые крупные сосуды с ровными стенками, сосуды в виде чаш, полые подставки, крышки.

Посуда с полихромной росписью с этого поселения известна в литературе как незвисский тип керамики². Она изготовлялась из хорошо отмученной глины без примесей. Сосуды тонкостенные, хорошо обожженные. Орнамент наносился тремя красками — черной и белой по красному фону.

По формам выделяются грушевидные сосуды с низким горлом, наклонным внутрь, крышки, миски, биноклевидные сосуды, небольшие горшочки, сосуды на подставках.

¹ Studii și Cercetări de Istorie Veche. Editura Academiei Republicii Populare Romine, t. III, 1952, стр. 113.

² О. К а н д и б а. Старша мальована керамика в Галичині. Прага, 1939.

Из статуэток в этом горизонте найдена только фигурка бычка.

В жилищах и в культурном слое встречено довольно много орудий труда, заготовок для орудий и отбросы их производства. Здесь обнаружены тесла, долота, кремневые скребки, ножи, резцы, костяные шилья. В полуземлянке найден бесформенный кусочек меди.

По материалу этот горизонт можно датировать этапом В/1, по периодизации Т. С. Пассек. Аналогии мы находим в таких поселениях, как Кукутени (нижний горизонт), Извоар (верхний горизонт), Ерезд и т. п.¹

На глубине 2,15—2,55 м (от современной поверхности) залегал слой с линейно-ленточной керамикой, украшенной нотным орнаментом, которая относится к I дунайской культуре. Толщина слоя очень небольшая — 3—7 см.

В западной половине раскопа под площадками трипольского времени были расчищены остатки жилища (рис. 21—I). Видимо, это была постройка с земляным полом; крыша держалась на деревянных столбах, очаги были открытыми, а возле них сооружались небольшие глинобитные площадки. Возле очагов — большое скопление черепков посуды. Жилище было сильно повреждено в трипольское время, но, судя по расположению ямок от столбов, глинобитных площадок, пережженной земле, углу от очагов и распространению посуды, можно приблизительно установить контуры жилища и размеры. Длина его была не более 12 м, ширина — около 7 м. Ориентировано жилище с северо-востока на юго-запад.

Ямки от столбов прослежены только в южной части жилища. Они располагались в 3 м одна от другой. Диаметр их — 0,2 м. В землю столбы были вкопаны на 0,4 м. От столба в северной части жилища сохранился только вертикально стоящий уголек длиной в 5 см.

Интересна конструкция небольших глиняных площадок. Площадка в северной части дома, размером 2,2 × 2,2 см, сооружена из крупных вальков глины, уложенных на деревянные плахи, от которых сохранились обугленные куски. Обугленные плахи и отпечатки их на обмазке указывают на то, что обжиг таких сооружений производился на месте. Плахи лежали по две штуки по сторонам площадки, а все остальные — параллельно друг другу внутри этого четырехугольника в направлении с северо-запада на юго-восток.

На площадке найдены камни зернотерок, а рядом с ней — сосуды и небольшие пластинки кремня.

Другая площадка была выложена на камнях, третья — прямо на земле. Приемы сооружения площадок напоминают приемы постройки крупных трипольских площадок.

К северо-востоку от жилища находилась небольшая круглая яма (диаметром 0,8 м), видимо, хозяйственного назначения. Глубина ее от древнего горизонта — 0,7 м.

И в жилище, и в яме найдена керамика с линейно-ленточным орнаментом. За пределами жилища находок почти не было.

В 2 м к северо-востоку от жилища обнаружено погребение с линейно-ленточной керамикой (рис. 21—II). Оно находилось на глубине 2,38 м (от современной поверхности). Это неполное трупосожжение, произведенное на месте; уцелели только крупные кости конечностей и фрагменты черепной крышки. При погребении находились сосуды (не менее 18, если судить по черепкам), кремневые пластинки и сланцевое долото в форме башмачной колодки. Сосуды стояли у головы и в ногах погребенного; некоторые из них сохранились почти целиком. В трипольское время погребение было немного нарушено и в могилу попали фрагменты обмазки из верхнего трипольского горизонта.

¹ Т. С. Пассек. Указ. соч.

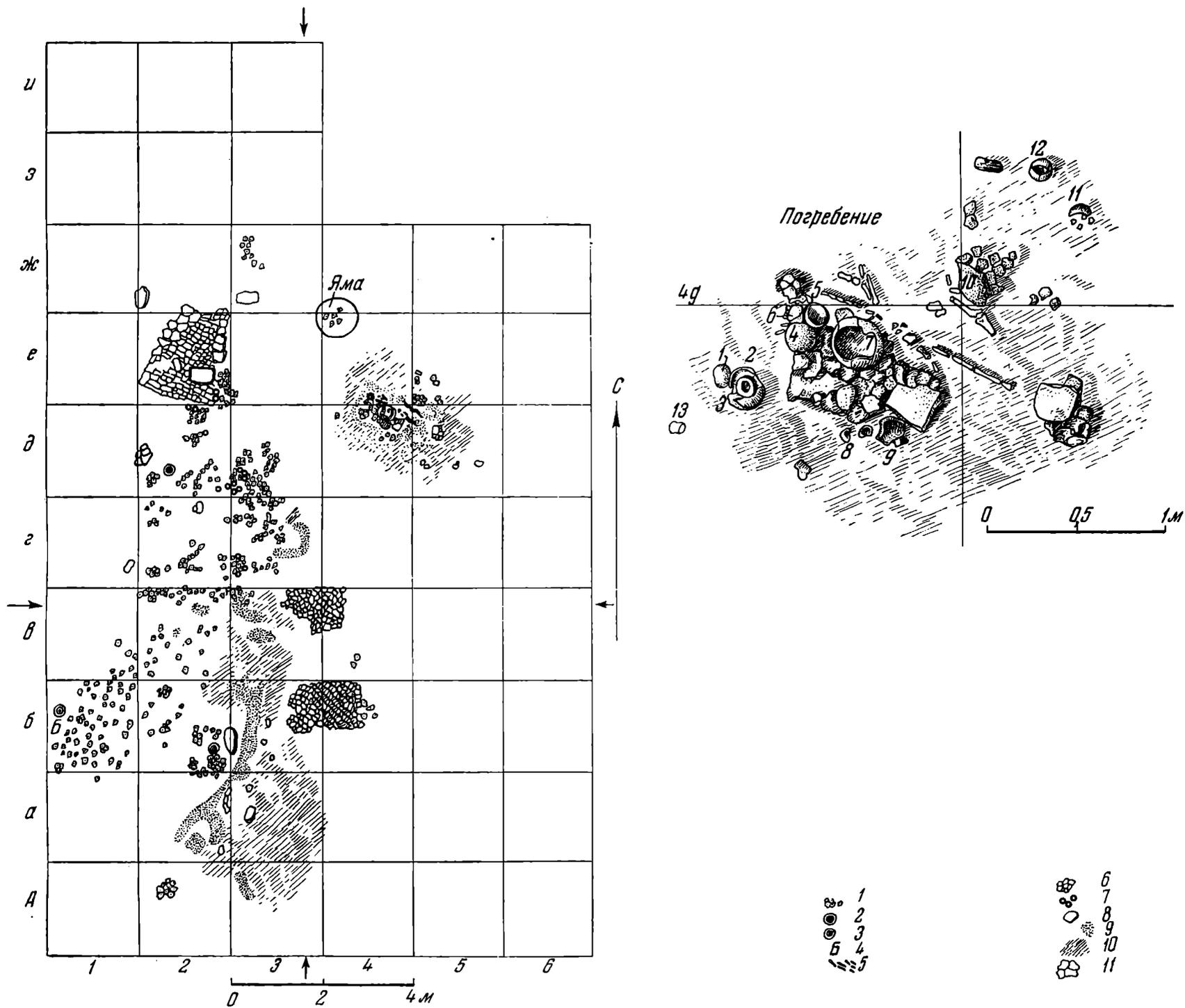

Рис. 21. План жилища и погребения, относящихся к линейно-ленточной культуре.

1 — керамика; 2 — уголь от столба; 3 — столб; 4 — статуэтка быка; 5 — кости; 6 — глинябитые вымостки; 7 — кремь; 8 — камни; 9 — уголь; 10 — обожженная глина материка; 11 — глиняные вальки из погребения.

Находки в этом горизонте не столь многочисленны, как в трипольских слоях, но очень выразительны, особенно керамика.

Кухонная посуда изготовлялась из глины с растительной примесью; обжигалась довольно слабо. Цвет сосудов обычно серый, реже — желтый. По форме это горшки с округлым туловом, небольшим плоским дном и высоким расширяющимся горлом или округлые горшки без венчика с ровно срезанным краем. Посуда почти лишена орнамента. Только на некоторых горшках по шейке проходит ряд ямок, отгиснутых пальцем; по стенкам расположены налепные шишечки.

Некоторые кухонные сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины с естественной примесью мельчайшего песка. Они хорошо обожжены и имеют форму чаш. Иногда внутренняя поверхность их окрашена коричневой краской.

Наиболее многочисленную группу составляет керамика, богато орнаментированная углубленным узором и также изготовленная из хорошо отмученной глины без примесей. Обжиг слабый. Орнамент процарапан каким-то острым орудием по подсушенной глине до обжига; он состоит из тонких полос и ямок, сочетание которых иногда напоминает нотные знаки, от чего этот орнамент обычно и называют нотным. Среди посуды этой группы найдены чаши, полушаровидные сосуды без венчика и с небольшим дном, горшочки с округлым туловом, высоким прямым горлом и ручками в виде налепов, в которых проткнуты дырочки; есть небольшая «чарочка» с узором в виде ромбов с одной стороны и с неправильным рисунком с другой, что напоминает сосуды более раннего времени.

Многие сосуды из жилища по размерам крупнее аналогичных из погребений, хотя по орнаменту они совершенно тождественны. Орнамент обычно состоит из нескольких горизонтальных полос у верхнего края, от которых вниз свисают треугольники, дуги или зигзаги. На днищах в некоторых случаях наносился орнамент в виде креста.

Подобная керамика известна нам с таких поселений I дунайской культуры, как Торске, Котоване на Украине, Главанешти-Вехи в Румынии и др.

Кроме керамики, в этом слое собрано некоторое количество орудий труда и отбросов их производства. Два нуклеуса, осколки кремня и пластинки найдены среди посуды в жилище. Из орудий здесь встречен только один вкладыш серпа.

Интересна находка роговой мотыги и заготовки для такого же орудия. Для изготовления мотыги срезалась часть основного ствола рога (длиной 16—17 см) с небольшим остатком бокового отростка; через этот отросток и делалось отверстие; губчатая масса вычищалась, вероятно, кремневым ножом, отверстие получалось овальным. С противоположной стороны его ясно видны следы срезов, доходящие до губчатой массы рога. Рабочий конец мотыги заполировался в процессе работы.

Хотя по внешнему виду эта мотыга напоминает трипольские, она отличается от них тем, что отверстие для рукояти проделано параллельно лезвию, а в трипольских оно делалось перпендикулярно к лезвию и обязательно просверливалось.

Из костяных орудий в слое обнаружены фрагменты проколки и какой-то плоской лопаточки. Костей животных найдено очень мало.

На глубине 3 м под слоем чистой глины начинался речной галечник. Контрольные траншеи не обнаружили больше никаких следов пребывания человека.

Таким образом, в процессе раскопок у с. Незвиско были прослежены следующие разновременные слои: 1) слой, датируемый XII—XIII вв.; 2) слой, относящийся к культуре полей погребений (I в. до н. э.—III в. н. э.); 3) слой с керамикой раннежелезного времени; 4) слой с находками, характерными для комаровской культуры, — бронзовый век;

5 и 6) слои, датируемые материалами трипольской культуры этапа В/II и В/I, по периодизации Т. С. Пассек; 7) слой (I дунайская культура), содержащий линейно-ленточную керамику с нотным орнаментом (рис. 22, 23).

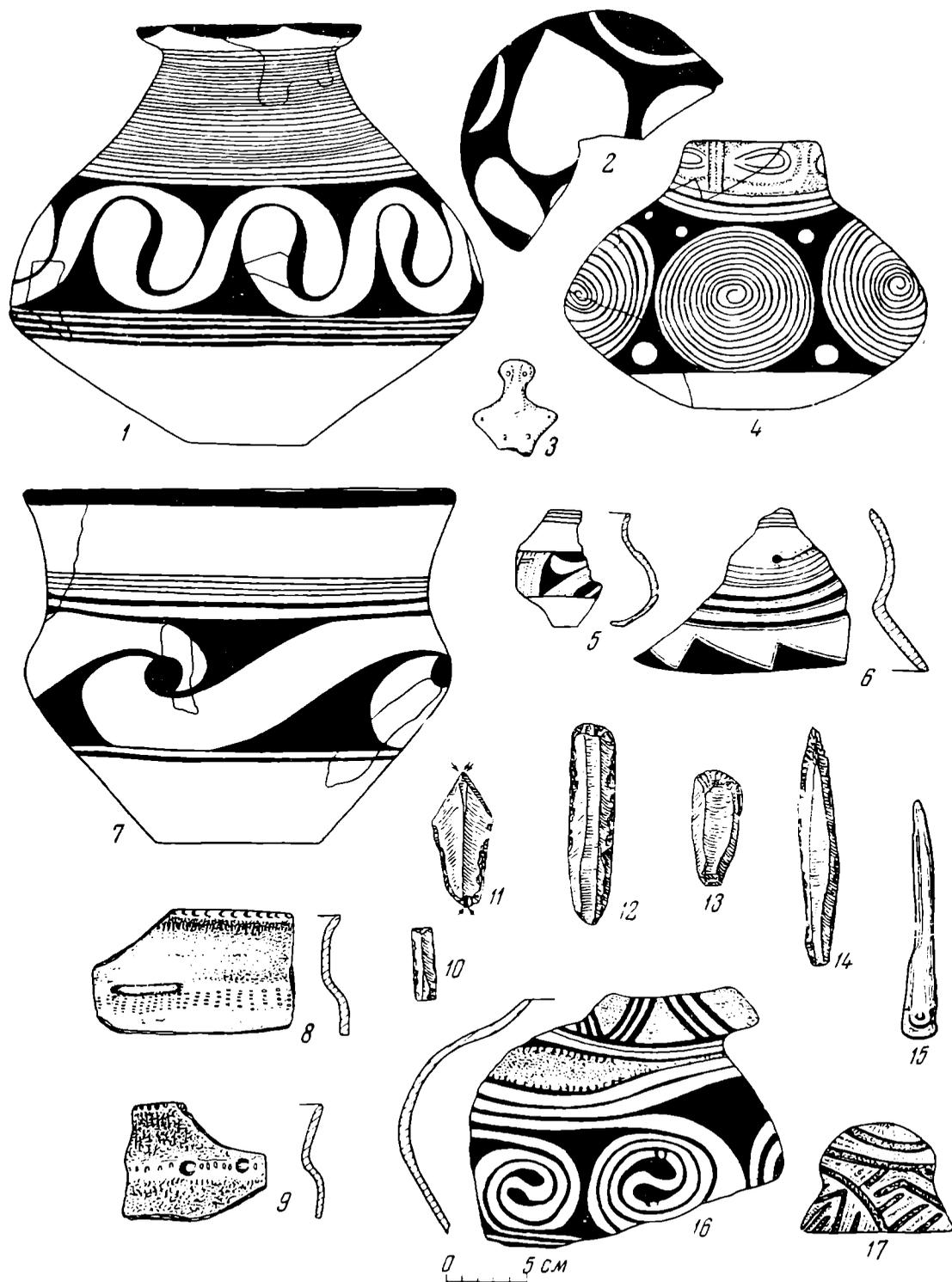

Рис. 22. Находки из раскопок у с. Незвиско.

1—9 — керамика из верхнего (первого) трипольского слоя; 10—15 — орудия из верхнего трипольского слоя; 16, 17 — фрагменты керамики из нижнего (второго) трипольского слоя.

Залегание последнего слоя (I дунайская культура) ниже трипольского (с полихромной керамикой) наблюдается впервые и представляет большой интерес, так как до сих пор окончательно не установлено взаимоотношение

между этими двумя культурами. В литературе господствует мнение о большей древности памятников линейно-ленточной культуры с так называемой нотной орнаментацией по сравнению с памятниками раннетрипольского вре-

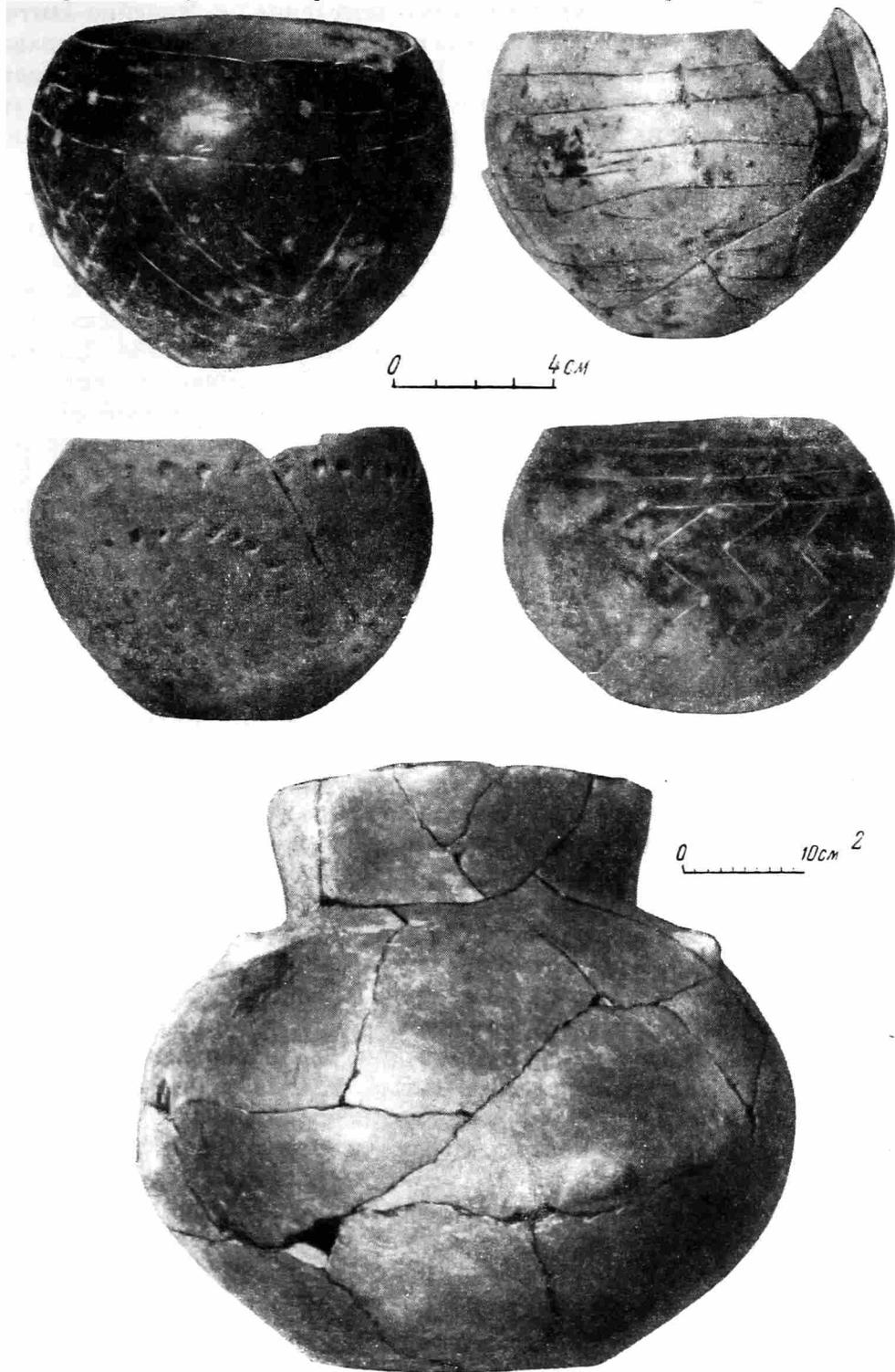

Рис. 23. Сосуды из погребения, относящегося к I дунайской культуре.

мени (этап А, по периодизации Т. С. Пассек). Так, И. Нестор в статье «Новые проблемы в связи с неолитом Румынской Народной Республики»¹, написанной в последние годы, говорит о большей древности линейно-лен-

¹ Studii și Cercetări de Istorie Veche. Editura Academiei Republicii Populare Romine, т. II, 1951, стр. 208—219.

точной керамики с нотным орнаментом по сравнению с трипольскими памятниками этапа докукутени и считает, что она представляет элемент, из которого развивалась культура докукутени. В настоящее время у нас нет памятников, дающих стратиграфию поселения с линейно-ленточной керамикой, украшенной нотным орнаментом, и поселения раннетрипольского времени, а в Румынии, в Главанешти-Вехи¹ оба таких поселения расположены рядом, не перекрывая друг друга; это и послужило отчасти указанием для И. Нестора на бóльшую древность линейно-ленточной культуры с нотным орнаментом.

Но если мы сравним карту распространения памятников раннего Триполья и памятников линейно-ленточной культуры с нотным орнаментом, то увидим, что территория, занятая каждой из этих культур, смыкается на среднем течении Днестра и лишь отдельные памятники, относящиеся к I дунайской культуре на Пруте, оказываются среди трипольских поселений. В основном же они распространены по верхнему течению Днестра, по Висле и далее на запад. Уже такое размещение памятников может служить указанием на одновременное существование племен — носителей этих культур. Затем, если мы сравним эту карту с картой распространения памятников последующего этапа развития трипольской культуры (этап В/І) и памятников воынской группы линейно-ленточной керамики, то увидим, что трипольские племена к этому времени значительно расширили свою территорию, продвинувшись на юг, север и запад. Очевидно, что племена — носители I дунайской культуры, жившие у западной границы обитания трипольских племен, были оттеснены ими с Днестра и Прута. Если это так, то понятно, почему поселение I дунайской культуры у с. Незвиско лежит под трипольским поселением этапа В/І; становится также понятным, почему такое же поселение в Главанешти-Вехи лежит рядом с раннетрипольским поселением, а не перекрыто им².

Очевидно в конце IV тысячелетия — начале III тысячелетия до н. э. трипольские и дунайские земледельческие племена жили по соседству друг с другом на Пруте и Днестре. Между племенами происходили столкновения, в результате чего трипольцы расширили свои владения, отодвинув западных соседей на их коренную территорию и на север. Трипольское поселение с полихромной керамикой у с. Незвиско представляет собой поселок, основанный одним из трипольских племен. В этом районе мы не находим следов раннетрипольских поселений, а только памятники линейно-ленточной культуры с нотным орнаментом.

В настоящее время, судя по территории распространения памятников обеих культур в начале и середине III тысячелетия до н. э. и стратиграфическим наблюдениям у с. Незвиско, можно предполагать одновременное существование поселений раннетрипольских и относящихся к I дунайской культуре.

Вероятно, дальнейшее изучение многослойного поселения у с. Незвиско позволит по-новому подойти к целому ряду вопросов, связанных с изучением различных периодов истории Среднего Поднестровья.

---

¹ Studii și Cercetări de Istorie Veche. Editura Academiei Republicii Populare Romine, т. I, 1951, стр. 51—59.

² И. К. Свешников. Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Воынии. СА, XX, 1954.

И. К. СВЕШНИКОВ

МОГИЛЬНИК В СЕЛЕ ЗВЕНИГОРОД ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ

(Культура ленточной керамики)

В 1953 г. сотрудниками Львовского исторического музея проведена разведка археологических памятников в с. Звенигород Бобркского района Львовской области¹. Было установлено, что один из наиболее разрушающихся здесь памятников — могильник в урочище «Гоева гора», на холме, возвышающемся на 6 м над с. Звенигород. В южном направлении холм понижается довольно круто, в северном — постепенно; наверху — небольшая, почти ровная площадка. В настоящее время урочище занято приусадебными участками. По словам местных жителей, человеческие кости и металлические украшения встречаются на всей южной части холма, сильно разрушенной; отсюда в продолжение нескольких лет свозилась земля для хозяйственных надобностей.

Для выяснения датировки и культурной принадлежности погребений небольшим раскопом исследована верхняя часть южного склона Гоевой горы и часть верхней площадки, т. е. места, наиболее подверженные разрушению. Всего в 1953 г. исследовано 317 кв. м, в том числе 293 кв. м сплошной площади. Из 23 вскрытых погребений пять (№ 1, 2, 3, 9 и 14) относятся к началу бронзового века, остальные — к первым векам нашей эры².

Погребение 1. На глубине 0,4 м от современной поверхности в слое чернозема вскрыто скорченное труположение (плохая сохранность черепа и тазовых костей не дает возможности установить пол погребенного). Скелет лежал на левом боку, ноги согнуты в коленях, руки — в локтях; кисти рук — на плечевых суставах. Кости правой руки и правой ноги смещены; фаланги пальцев отсутствуют. Погребенный был положен головой на запад, лицом на север; возле его ног — кости (часть черепа и длинные кости ног) двух овец³.

Погребение 2. На глубине 0,2 м от современной поверхности в слое чернозема обнаружены пережженные человеческие кости на участке размером около 0,75 × 0,50 м, видимо, высыпанные на место погребения без урны. Пепла, угля или других остатков кострища не замечено. Среди костей

¹ В разведке принимали участие И. К. Свешников (руководитель) и научный сотрудник В. П. Савич. Работы производились на средства Львовского исторического музея, куда и поступил собранный материал.

² И. К. Свешников. Исследования в с. Звенигород Львовской области. КСИА, вып. 4, 1955.

³ Кости черепа, одна кость задней и одна передней ноги принадлежали одной особи, одна кость задней и одна передней ноги принадлежали второй особи. Определение костей произведено кафедрой анатомии домашних животных Львовского ветеринарного института. За работу по определению приношу благодарность О. Е. Пахоменко, Р. В. Билозору и И. В. Шусту.

(в южной части погребения) лежали кремневая пластина (рис. 24—4) и ретушер (рис. 24—3), возле них (в северном направлении) — мотыга из рога оленя (рис. 24—1)¹. В западной части найдена бронзовая булавка

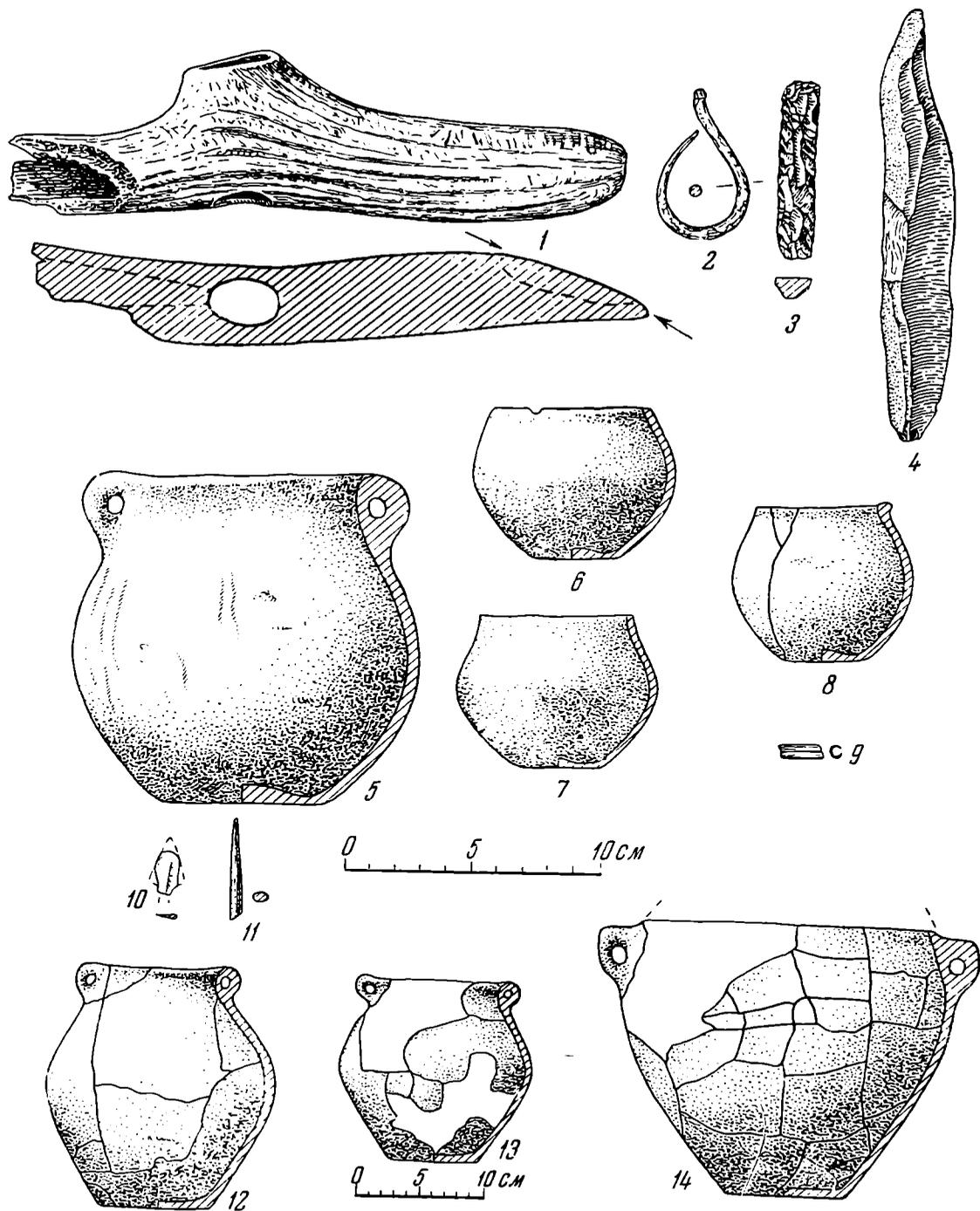

Рис. 24. Инвентарь из поздних погребений, относящихся к культуре ленточной керамики.

1 — роговая мотыга; 2 — обломок бронзовой булавки; 3, 4 — кремневый ретушер и пластинка; 5—8, 12—14 — глиняные сосуды; 9 — бронзовая бусина; 10 — фрагмент бронзового наконечника стрелы; 11 — костяное шило (1—4 — из погребения 2 на Гоевой горе в Звенигороде; 5, 10, 11 — из погребения 9 там же; 8 — из погребения 3 там же; 9 — из погребения 14 там же; 6, 7, 13, 14 — сосуды из Кукезова; 12 — сосуд из Горы).

без головки, согнутая крючком (рис. 24—2), а в 0,15 м на юго-восток от этих предметов стояла нижняя часть лепного сосуда желто-коричневого

¹ Аналогичная мотыга (рис. 25—12) найдена на разрушенной части могильника.

цвета, со следами сглаживания поверхности. Глина — с примесью песка, черепок в изломе черный; диаметр дна — 6,5 см, высота сохранившейся части — 7 см.

Погребение 3. Вскрыто на глубине 0,3 м от современной поверхности, в слое чернозема. Оно разрушено. Череп разбит; длинные кости рук и ног, ребра, позвонки и фаланги пальцев лежали вперемешку. Непосредственно возле костей, с западной стороны от них, стояла нижняя часть лепного сосуда. Внешняя поверхность сглаженная, коричневая, внутренняя — серая; черепок в изломе черный; глина — с примесью песка. Диаметр дна — 9,5 см; высота сохранившейся части — 13,5 см. Рядом с сосудом найдена часть небольшой коричневой мисочки со сглаженной поверхностью (рис. 24 — 8).

Погребение 9. Залегало на глубине 0,2 м от современной поверхности, в слое чернозема. Погребение разрушено, сохранились только длинные кости ног. На основании их положения можно заключить, что скелет был ориентирован на запад и лежал в скорченном положении. Близ левого колена, в 0,25 м от него, — лепной сосуд с двумя ушками на уровне венчика (рис. 24 — 5). Поверхность серо-коричневая, сглаженная. К юго-востоку от костей ног, на расстоянии 0,6 м, среди обломков других костей лежали небольшое костяное шило с обломанным тупым концом (рис. 24 — 11) и мелкие бронзовые обломки, вероятно, фрагменты наконечника стрелы (рис. 24 — 10).

Погребение 14. Вскрыто на глубине 0,35 м от современной поверхности в слое чернозема. Сохранился только череп без нижней челюсти, ориентированный лицом на юго-запад. Под черепом, возле левой височной кости — бусина в виде трубочки из листовой бронзы (рис. 24 — 9). Возле черепа найдено несколько обломков лепного серо-коричневого сосуда из глины с примесью песка. Погребение было, вероятно, разрушено погребением 15, относящимся к липицкой культуре.

В результате исследования могильника эпохи ранней бронзы на Гоевой горе можно сделать следующие выводы:

1. Могильник относится к группе поздних памятников культуры ленточной керамики, о чем свидетельствуют сосуды из погребений 3 и 9 (рис. 24 — 5, 8), аналогии которым встречаем в поздних могильниках этой культуры, обломки сосудов из погребений 2, 3 и 14, относящиеся по тесту, характеру и цвету поверхности к той же группе памятников, а также роговые мотыги, характерные для культуры ленточной керамики¹.

2. Вскрытые погребения свидетельствуют о существовании у населения, оставившего эти памятники, двух видов погребального обряда — трупоположения и трупосожжения. Из четырех исследованных погребений с трупоположением в двух случаях удалось установить, что скелет был ориентирован головой на запад. Захороненные лежали на левом боку, в скорченном положении. В погребении с трупосожжением урна отсутствовала и пережженные кости были прямо высыпаны на место погребения. В обоих видах погребений найдены орудия труда (роговая мотыга, костяное шило, кремневые орудия), глиняные сосуды, поставленные обычно в ноги и, видимо, заполнявшиеся пищей (в одном случае было положено мясо овцы), оружие (фрагмент бронзового наконечника стрелы), украшения (обломок бронзовой булавки, бронзовая бусина).

3. Могильник принадлежал земледельческо-скотоводческому населению, на что указывают находки роговых мотыг и костей овцы. Несмотря на

¹ К. Jażdżewski. Cmentarzyska kultury ceramiki wstęgowej i związane z nimi ślady osadnictwa w Brześciu Kujawskim, табл. VIII, 4; XXIII, 1; XXIV, 4; XXVI, 11; XXVII, 1. «Wiadomości archeologiczne», t. XV, 1938. Описывая эти мотыги, К. Яжджевский ссылается на ряд аналогий с территории Польши, Чехии и Венгрии (там же, стр. 75, 76). Все эти находки относятся к культуре ленточной керамики.

определение некоторыми исследователями¹ этого вида мотыг как боевых топоров, мы склонны считать их земледельческими орудиями, употреблявшимися для обработки почвы. Такие мотыги, видимо, применялись как кирки для взрыхления твердой, не обрабатывавшейся ранее земли. После первичной обработки почвы таким орудием употребляли, возможно, деревянные лопаты или небольшие роговые мотыжки с горизонтальным лезвием. Обломок такой мотыжки был найден в той части могильника, которая была разрушена поздней ямой (рис. 25—11).

Могильник на Гоевой горе не единичен. Подобные памятники известны в некоторых районах Львовской, Станиславской, Волынской и Ровенской областей. Однако до сих пор в археологической литературе отсутствует описание материалов этих могильников, что объясняется случайностью большинства находок. Исключение составляют частично исследованные погребения в Колоколине Станиславской области². Есть сведения о раскопках подобных памятников в Волынской области³, но результаты их не изданы. В настоящее время на территории западных областей УССР, кроме Звенигорода, мы знаем еще 13 пунктов, относящихся к позднему этапу развития культуры ленточной керамики (рис. 26)⁴.

Ряд аналогий материалам с Гоевой горы встречаем среди памятников культуры ленточной керамики на территории Чехии, Моравии, Южной Польши и Венгрии. Описанная нами группа памятников относится к позднему этапу этой культуры, развивавшейся на территории западных областей УССР еще в период энеолита⁵. Слабая изученность и ранних и поздних памятников культуры ленточной керамики в верховьях Днестра, Западного Буга и бассейне Стири не позволяет пока конкретно указать на этой территории, несомненно, существующие генетические связи, соединяющие обе группы. Такие связи четко прослеживаются, например, в Венгрии.

Польские буржуазные археологи определяли памятники культуры ленточной керамики типа Колоколина и Амбукова как культуру моравской расписной керамики⁶ и говорили о «нашествии» в конце неолита племен из-за Карпат на территорию Верхнего Поднестровья и Волыни. Неосновательность и тенденциозность такого объяснения ясны. Упомянутым археологам было известно, что культура ленточной керамики развивалась в Поднестровье и на Волыни в период, предшествующий времени, которым могут быть датированы могильники в Колоколине и Амбукове. Они сами указывали на отсутствие полных аналогий рассматриваемым материалам в Моравии, Чехии и Венгрии. Но желание отыскать именно на западе «очаги культуры», из которых распространялись новые культурные явления, приводило их к неверным концепциям — к заявлениям о миграции племен культуры моравской расписной керамики в верховья Вислы, Днестра, Западного Буга и Стири.

В действительности известная нам группа памятников связана рядом аналогий с культурой моравской расписной ленточной керамики, в част-

¹ K. Jażdżewski. Указ. соч.

² T. Sulimirski. Notatki archeologiczne z Małopolski Wschodniej. «Wiadomości archeologiczne», t. XIV, 1936. Материал хранится в Львовском историческом музее, инв. № А-3637, 4060/2.

³ Nowe wykopaliska — Woj. Wołyńskie. «Z otchłani wieków», 1939, № 7—8, стр. 104. В заметке ошибочно указано «Архатов» вместо «Амбуков».

⁴ См. материалы к карте в конце статьи.

⁵ И. К. Свешников. Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни. СА, XX, 1954.

⁶ K. Jażdżewski. Указ. соч.; L. Kozłowski Zarys pradžejów Polski południowo-wschodniej. Lwów, 1939; J. Fitzke — «Z otchłani wieków», 1936, № 8—9, стр. 118; 1937, № 11—12, стр. 165, 166; 1939, № 7—8, стр. 104; Sprawozdania PAU, t. XLIII, 1938.

ности, с тисской культурой. Для этой культуры, например, характерен такой же белый орнамент, пластически нанесенный на красный фон, как

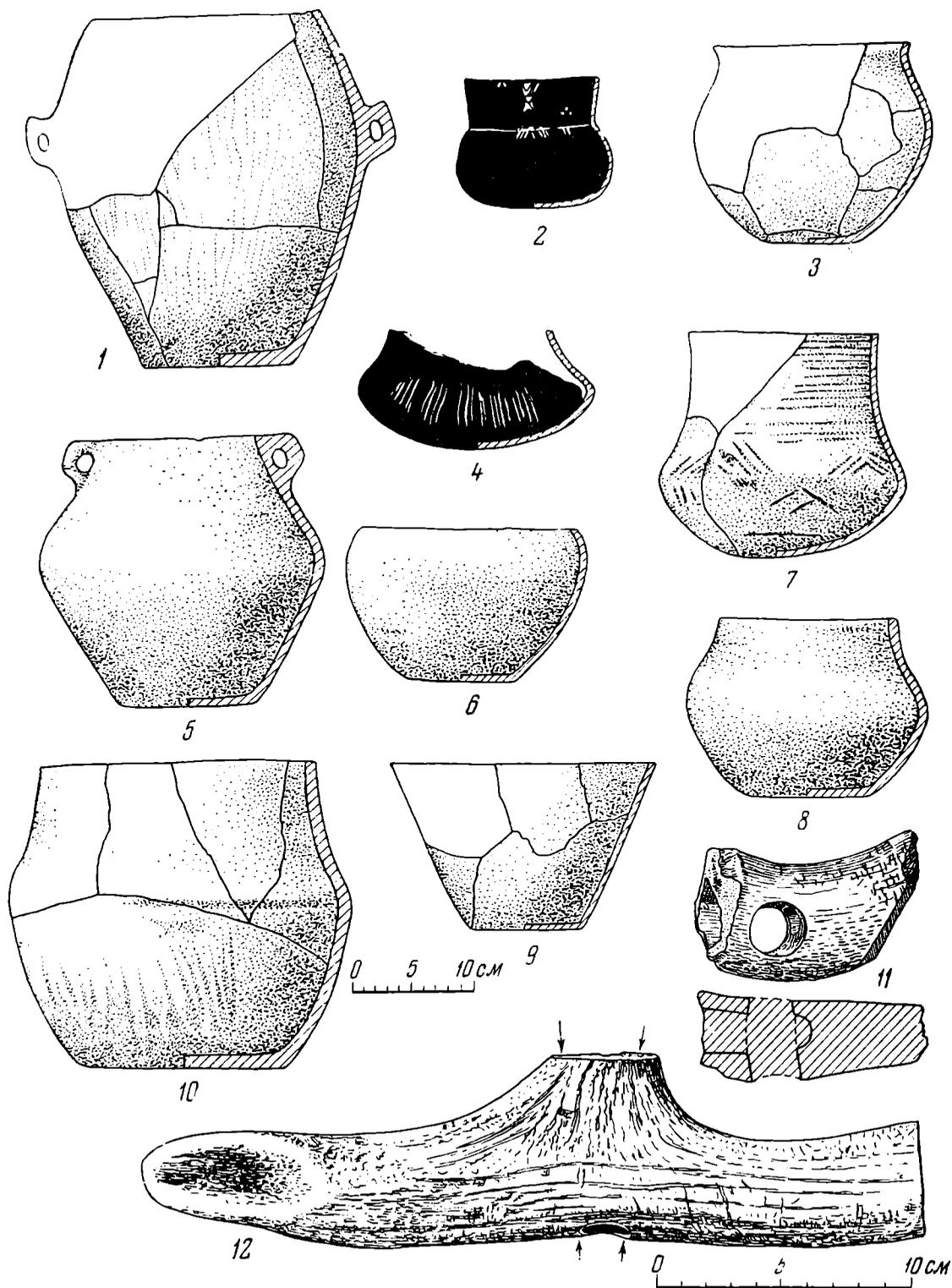

Рис. 25. Инвентарь из поздних погребений, относящихся к культуре ленточной керамики.

1, 2 — сосуды из Колоколина; 3 — мисочка из Кукезова; 4, 5, 6, 8—10 — керамика из Амбукова; 7 — сосуд из Новомыльска; 11 — фрагмент роговой мотыги (случайная находка на Гоевой горе; близ с. Звенигород); 12 — роговая мотыга (находка на Гоевой горе).

на чашах из Колоколина и Амбукова (рис. 25 — 2, 4), а некоторые чаши из поздних комплексов культуры ленточной керамики в Венгрии и Чехии

напоминают своими формами находки на территории СССР¹. Близкие аналогии сосудам с двумя ушками на уровне венчика (рис. 24 — 5, 13; 25 — 5) встречаем в культуре ленточной керамики памятников Венгрии и Чехии². Шаровидные мисочки из Амбукова, Кукезова и Звенигорода по своим формам очень близки подобным сосудам культуры ленточной керамики с чешской территории³. Однако все указанные аналогии являются только

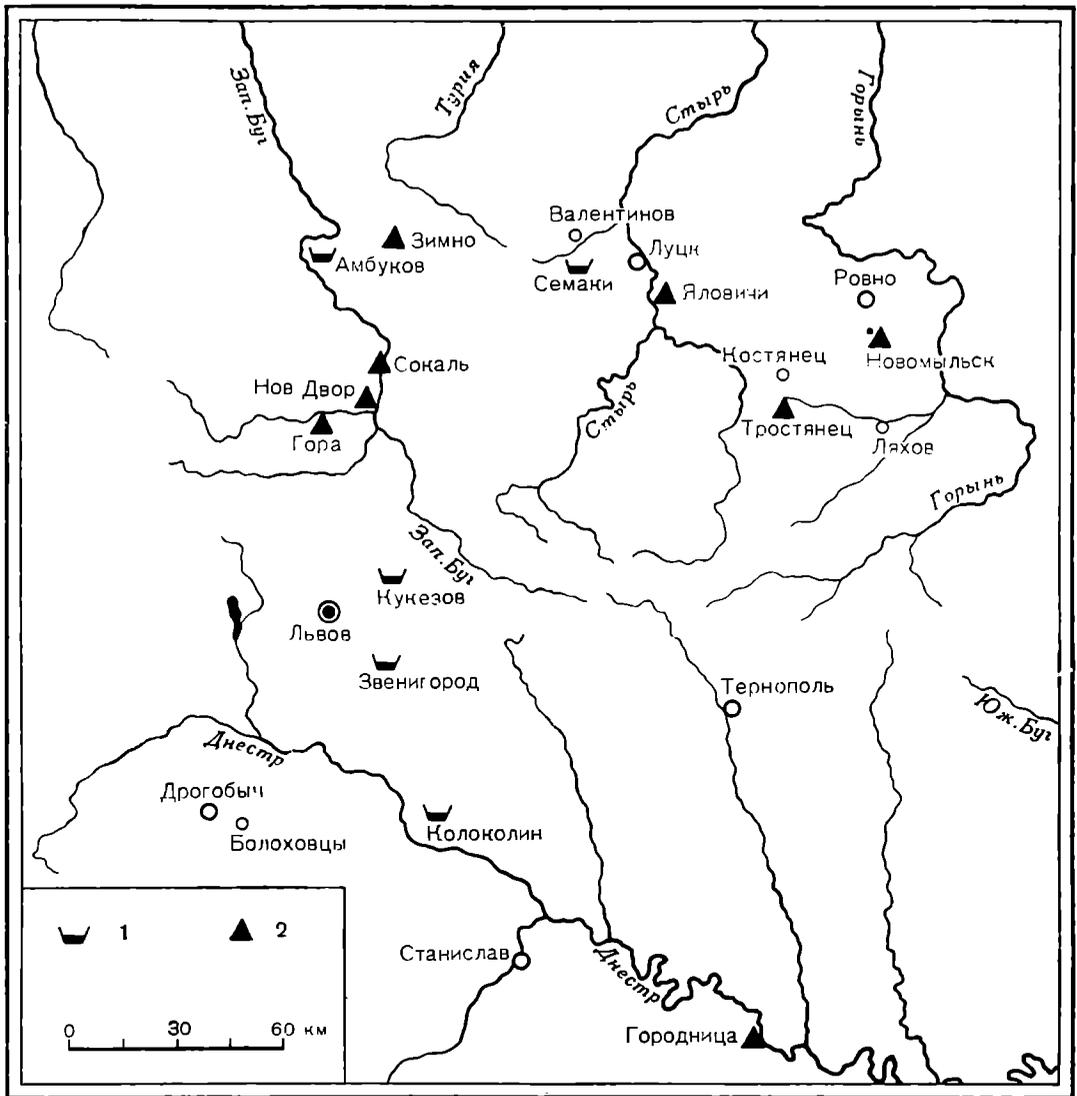

Рис. 26. Карта распространения поздних памятников культуры ленточной керамики.

1 — могильники; 2 — случайные находки.

частичными: тисские чаши отличаются более слабой профилировкой, отсутствием орнамента и в некоторых случаях двумя ушками, расположенными на шейке сосуда. У найденных в Венгрии сосудов с двумя ушками на уровне венчика верхняя часть обыкновенно значительно более вытянута, чем на рассматриваемых нами экземплярах; некоторые из них орна-

¹ J. Hillebrand. Das frühkupferzeitliche Gräberfeld von Pusztaitvánháza. «Archaeologia Hungarica», t. IV, 1929, табл. I, 1; F. Томра. Die Bandkeramik in Ungarn. «Archaeologia Hungarica», t. V, VI, 1929, рис. на стр. 65; A. Stocký. Pravek země české, t. I, табл. XXII, 4, 6, 10, 14, 19; XXIV, 1, 7, 11.

² G. Hillebrand. Указ. соч., табл. IV, 4; V, 2; VI, 6; VII, 7; рис. 5 — 2; 6 — 4. A. Stocký. Указ. соч., табл. LXVI, 10.

³ A. Stocký. Указ. соч., табл. XXII, 14, 19; XXIV, 7, 11.

ментированы, а описываемые нами, как правило, лишены орнамента. Шаровидные мисочки из чешских находок также в большинстве случаев орнаментированы. Комплексы из раскопок в Венгрии, Чехии и открытые на территории СССР по своему характеру различны. Все это заставляет нас решительно отрицать концепцию буржуазных польских археологов об единстве поздних памятников культуры ленточной керамики в верховьях Днестра, Западного Буга и бассейна Стыри и на территории Венгрии, Чехии и Моравии¹. Указанное выше некоторое сходство керамических форм обеих групп может быть только доказательством общего, довольно отдаленного во времени, происхождения и синхронности их развития и, возможно, культурных связей раннеземледельческих племен, обитавших по обеим сторонам Карпат.

Ближайшие аналогии памятникам верховьев Днестра, Западного Буга и Стыри встречаем на территории Польши², что следует считать вполне закономерным явлением, принимая во внимание факт заселения Верхнего Поднестровья и Повисленья родственными племенами еще в период ранних этапов развития культуры линейно-ленточной керамики³.

Очень близкие аналогии мы находим среди поздних памятников трипольской культуры. Так, например, сосуды из Стретовки⁴, из Паркан⁵ и сосуд, изданный Т. С. Пассек⁶ (относящийся к этапу В/II трипольской культуры), являются аналогиями найденным нами сосудам с ушками у венчика. Обломок роговой мотыги из Звенигорода (рис. 25—11) аналогичен мотыгам, известным по материалам, относящимся к трипольской культуре⁷. В некоторых случаях аналогии между трипольскими изделиями и изделиями, относимыми к культуре ленточной керамики, настолько велики, что трудно с уверенностью ответить на вопрос, к которой из названных культур принадлежат находки⁸. О тесных связях племен трипольской культуры с племенами — носителями культуры ленточной керамики на ее позднем этапе развития свидетельствует и факт находки обломка чаши типа, публикуемого на рис. 25—2, в культурном слое трипольского поселения в Городнице, а также поздне трипольской керамики вместе с обломками чаш указанного типа на дне землянки № 2 на поселении у с. Зимно.

Карта размещения поздних памятников культуры ленточной керамики в западных областях УССР (рис. 26) раскрывает перед нами картину заселения носителями этой культуры северных районов лесостепи. Общеизвестно, что по мере развития трипольской культуры территория ее распространения расширяется в северном направлении. Этот процесс в Верхнем Поднестровье сопровождался, вероятно, частичной ассимиляцией и

¹ К подобным выводам в отношении памятников территории Польши приходит в настоящее время и Э. Подковинская (Z. Podkowińska. Pierwsza charakterystyka stanowiska eneolitycznego na polu Grodzisko I we wsi Złota, pow. Sandomierz. «Wiadomości archeologiczne», т. XIX, № 1, стр. 44—47), с работой которой мне удалось ознакомиться уже после написания настоящей статьи.

² См. находки из Сенницы Ружаной (Т. Sulimirski. Указ. соч., табл. XLII. 1—3), из Доброго (К. Jażdżewski. Naczynia zoomorficzne z Dobregow pow. Nieszawskim. «Z otchłani wieków», 1936, N 1, рис. 7), из Злотой (J. Zurowski—Sprawozdania PAU, т. XXXVII, N 9, стр. 40; К. Jażdżewski. Cmentarzyska kultury ceramiki wstęgowej... табл. XXVIII, 8).

³ И. К. Свешников. Культура линейно-ленточной керамики.

⁴ Хранится в ГИМ, инв. № 45—426.

⁵ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, рис. 98, 1.

⁶ Там же, рис. 34, левая сторона, № 15.

⁷ Там же, рис. 11, правая сторона, № 14; рис. 34, левая сторона, № 21; рис. 47, 2.

⁸ Например, упоминавшийся выше сосуд из Сокаля, который Т. С. Пассек отнесла к трипольской культуре (Т. С. Пассек. Указ. соч., рис. 83, 8) и некоторые материалы из поселения в Костянце (И. К. Свешников. Поселення в Костянці на полі Лиственщина. Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV, 1952).

оттеснением на север племен, для культуры которых характерна ленточная керамика. Самые ранние памятники, характеризующиеся керамикой со спиральным и «угловым» орнаментом¹, являются в Верхнем Поднестровье и самыми южными. В период развития здесь поселений трипольской культуры этапа В/І в бассейне Стири и Горыни развивается так называемая волинская группа поселений культуры ленточной керамики². Памятники трипольской культуры в этих районах отсутствуют. Самая поздняя группа памятников культуры ленточной керамики (для нее характерен расписной орнамент на некоторых сосудах) занимает более северные районы, чем область распространения памятников трипольской культуры этапа В/ІІ и С. Находки в Городнице и Костянце свидетельствуют о связях племен, носителей культуры ленточной керамики на позднем этапе ее развития, с племенами трипольской культуры этапов В/ІІ и С. Указанные находки свидетельствуют также о синхронности этих двух культур.

Для определения хронологического соотношения и связей поздних памятников культуры ленточной керамики и других культур начала бронзового века особо важное значение имеют материалы из поселения у с. Зимно, где в одном комплексе отмечено наличие керамики трипольской культуры (этап С), воронковидных чаш и находок, датируемых поздним этапом культуры ленточной керамики. Не менее важны материалы раскопок у с. Ляхов (теперь Кутянка), Острожского района, Ровенской области, где в 1939 г. И. Фицке вскрыл парное погребение в каменном ящике³. Здесь найдены: 1) небольшая шаровидная амфора с черной сглаженной поверхностью, выделанная из глины с примесью толченых ракушек (рис. 27—4); 2) шаровидный сосуд с двумя ушками (рис. 27—5); поверхность его черная с желтоватыми пятнами, сглаженная; глиняное тесто — с примесью песка и следами растительных примесей; 3) сосуд с шаровидным туловом и низким цилиндрическим венчиком (рис. 27—6); венчик — черного цвета, тулово темнокоричневое, глина — с примесью толченых ракушек, песка и со следами растительных примесей; 4) биконический сосуд со слабой профилировкой (рис. 27—7); поверхность его темнокоричневая, слегка сглаженная; 5) миска с несколько вогнутым в центре дном, украшенная шнуровым и штампованным орнаментом (рис. 27—8); цвет черепка серо-коричневый, поверхность сглаженная, глина — со следами растительных примесей и мелкими кусочками шамота; 6) шаровидная амфора с коленчатыми ушками на плечике (рис. 27—9); 7) каменный пест; 8) челюсть домашней свиньи.

Материалам из погребения в Ляхове находим аналогии среди памятников так называемой культуры мегалитических погребений в каменных ящиках, культуры шнуровой керамики и позднего этапа развития культуры ленточной керамики. Тип погребения (двойное труположение в каменном ящике) и небольшая шаровидная амфора (рис. 27—4) характерны для мегалитических погребений Волини и Подолини. Биконический сосуд аналогичен сосуду из могильника в Амбукове (рис. 25—10). К культуре ленточной керамики следует, возможно, отнести и два других сосуда (рис. 27—5, 6), несмотря на то, что точные аналогии сосуду с ушками нам неизвестны, а нехарактерный по своей форме сосуд с шаровидным туловом изготовлен из глины с примесью ракушек, что скорее является отличительным признаком «мегалитической» керамики. Большая амфора с коленчатыми ушками относится к типу сосудов, распространенных в материалах

¹ Букивна, Незвиско, Торске, Синьков, Колодница, Котоване (И. К. Свешников. Культура линейно-ленточной керамики. . .).

² Валентинов, Луцк, Баев, Городок, Острог (И. К. Свешников. Культура линейно-ленточной керамики. . .).

³ «Z otchłani wieków», 1939, № 7—8. стр. 104. Шесть сосудов из этого погребения хранятся в Луцком музее (инв. № А-60—А-65), остальные материалы утеряны.

культуры шнуровой керамики¹. Миска со шнуровым и штампованным орнаментом относится, видимо, к культуре мегалитических погребений, а ее

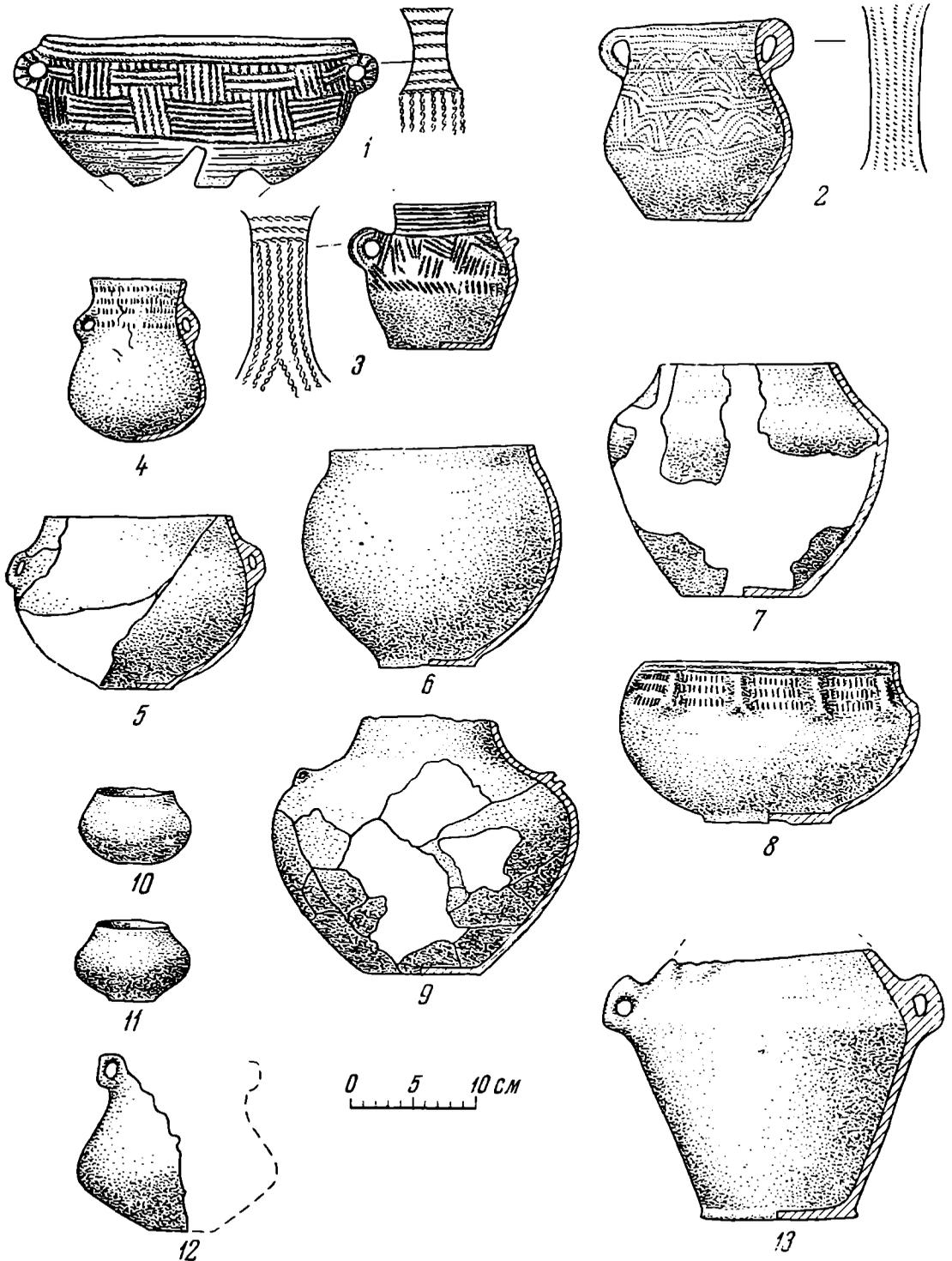

Рис. 27. Керамика из погребений начала бронзового века на территории бассейнов рр. Стыри и Западного Буга.

1—3 — из Валентинова, Волинской области; 4—9 — из Ляхова, Ровенской области; 10—12 — из с. Новый Двор, Львовской области; 13 — из Яловичей, Ровенской области.

орнамент указывает на связь, существовавшую между племенами — носителями обеих культур. Такое соединение двух видов орнаментационной

¹ Например, амфора из с. Убинье, Львовской области. Хранится в Львовском историческом музее.

техники встречается на некоторых других сосудах из мегалитических погребений в каменных ящиках¹.

На связь племен носителей культуры шнуровой керамики и носителей культуры ленточной керамики на ее позднем этапе развития указывают, возможно, и материалы из погребения в Болеховцах, Дрогобычского района, где вместе с керамикой со шнуровым орнаментом обнаружены фрагменты сосуда с росписью². Об этом же явлении свидетельствует и сосуд с ушками у края венчика (рис. 27 — 2) из Валентинова, Волынской области. Он аналогичен по форме сосудам из Амбукова, Звенигорода, Кукезова и Горы (рис. 25 — 5; 24 — 5, 12, 13), но покрыт в верхней части богатым орнаментом, нанесенным техникой «поддельного шнурка»³. Сосуд обнаружен в случайно вскрытом в 1936 г. погребении с труположением. Найденные в этом же погребении миска и горшок с прямым венчиком, одной ручкой и двумя выступами вместо второй ручки (рис. 27 — 1, 3)⁴ покрыты богатым шнуровым орнаментом и, бесспорно, относятся к культуре шнуровой керамики.

Говоря о культурных связях и сосуществовании памятников типа Амбукова, Звенигорода, Колоколина и памятников трех других культур (воронковидных чаш, шнуровой керамики, мегалитических погребений в каменных ящиках), следует заметить, что мы не утверждаем того, что поздняя группа поселений культуры ленточной керамики, развившаяся в верховьях Днестра, Западного Буга и бассейне Стыри, была синхронна перечисленным выше культурам на всем протяжении их развития. Она развивалась одновременно с ними на каком-то отрезке времени, отвечающем различным этапам этих культур. Отсутствие разработанной периодизации перечисленных культурных групп и их очень слабая изученность пока не дают возможности не только полностью осветить поставленный нами вопрос, но и четко разграничить территорию распространения отдельных видов памятников.

На данном этапе исследований приходится ограничиться предположением, что поздние памятники культуры ленточной керамики типа Амбукова, Звенигорода и Колоколина относятся ко времени этапов В/II и С триполья, к концу развития культуры воронковидных чаш и к раннему и среднему периодам культуры волынских и подольских мегалитов и культуры шнуровой керамики, т. е. к концу III тысячелетия и началу II тысячелетия до н. э.

Указанные нами очень общие и широкие хронологические рамки основаны на датировке отдельных, перечисленных выше культур. Так, согласно периодизации Т. С. Пассек, средний этап триполья (В/1—В/II) датируется временем между 2700 и 2100 гг. до н. э., а поздний (С/1—С/II) — 2100—1700 гг. до н. э.⁵ Культуру воронковидных чаш в Польше К. Яжджевский датирует 2500—1500 гг. до н. э.⁶ На основании материалов таких памятников, как курган VIIa в Баличах, Львовской области⁷, и могильник

¹ Например, на сосудах, описанных Т. С. Пассек (указ. соч., стр. 220—222), или на сосудах из погребения в Межиричах возле Острога на Волыни (L. Kozłowski. Młodsza epoka kamienna w Polsce, Lwów, 1924, стр. 187, 188).

² M. Roska. Glanement des antiquités de l'époque préhistorique en Galicie. Dolgozatok, 1919, стр. 27.

³ Отпечатки палочки, обвитой веревочкой, благодаря чему образуются не косые, а перпендикулярные к краям отпечатка полосы.

⁴ Упомянутые сосуды из Валентинова хранятся в Луцком музее (инв. № А-56—А-58).

⁵ Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 108.

⁶ K. Jażdżewski. Kultura pułarów Lejkowatych w Polsce zachodniej i środkowej Poznań, 1936, стр. 321.

⁷ Chizzola. Prähistorische Funde aus Westgalizien. Jahrbuch der k. k. Zentalkom., 1903, N 5, стр. 141—149. Материал хранится в Львовском историческом музее.

в Торчине, Волынской области¹, можно определить, что распространение шаровидных амфор в культуре шнуровой керамики относится к первой половине II тысячелетия до н. э. Временем между 1700—1500 гг. до н. э. датирует Т. С. Пассек среднеднепровскую культуру², являющуюся, по существу, одной из территориальных групп культуры шнуровой керамики. Погребение у с. Мокре Дубновского района Ровенской области³ дает основание для датировки некоторых мегалитических погребений Волыни началом II тысячелетия до н. э.

Всему сказанному можно подвести следующие итоги.

В конце III тысячелетия и в первой половине II тысячелетия до н. э. в верховьях Днестра, Западного Буга и бассейне Стыри продолжала развиваться культура ленточной керамики. Поздние памятники (погребения, поселения, случайные находки) этой культуры известны в настоящее время из 14 местностей Станиславской, Львовской, Волынской и Ровенской областей.

Поселения почти не исследовались; зафиксированы результаты раскопок только двух могильников (Колоколин, Звенигород). Для них характерны обряд труположения (скорченно, на левом боку, или на спине, ноги согнуты вправо, ориентировка на запад, на север и на юг), а также обряд трупосожжения без урн. Набор вещей в погребениях обоих видов состоит из орудий труда (кремневые ножи, скребки, пластины, каменные топоры, костяные шилья, роговые мотыги), оружия (бронзовый наконечник стрелы), украшений (пластины из клыков дикого кабана, бронзовая булавка, бронзовая бусина), керамики. Известны случаи находок костей домашних животных (овцы).

Орудия труда (роговые мотыги) свидетельствуют о земледельческом характере культуры, а кости домашних животных и формы большинства сосудов — о скотоводстве как об одной из отраслей хозяйства. Занятие охотой подтверждается находками мотыг, изготовленных из рога оленя, и пластин из клыков дикого кабана.

Основными формами керамики следует считать высокие амфоры с колечатыми ушками, сосуды с двумя ушками на уровне венчика и шаровидные мисочки. Кроме того, известны сосуды с шаровидным туловом и прямым венчиком, воронковидные миски и слабо профилированные биконические сосуды. За исключением воронковидных мисок, связанных, видимо, по своему назначению с земледельческим хозяйством, сосуды других перечисленных форм находили применение в молочном хозяйстве.

Племена — носители культуры ленточной керамики на ее позднем этапе развития были тесно связаны с трипольскими племенами, занимавшими на этапах В/II и С/II—С/III соседнюю на юге и юго-востоке территорию. Можно отметить также существование связей, основанных на общем происхождении рассматриваемой культуры с культурой моравской расписной керамики. Наиболее полные аналогии изучаемым памятникам находим в Верхнем Повисленье, что указывает на существовавшую и в этом периоде некоторую культурную и, вероятно, этническую общность обитателей территории Верхнего Повисленья, Поднепровья и бассейнов Западного Буга и Стыри. Некоторые материалы свидетельствуют также о наличии тесных культурных связей земледельческо-скотоводческих племен культуры ленточной

¹ J. Fitzke. Smentarzysko kultury ceramiki sznurowej w Torczynie. Sprawozdania PAU, 1938; его же. «Z otchłani wieków», т. XII, стр. 166.

² Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 34—51.

³ В погребении найден детский скелет в скорченном положении, прикрытый каменной плитой. Возле скелета — небольшая шаровидная амфора и медная серьга, относящаяся к началу II тысячелетия до н. э. (Раскопки М. И. Островского. Материал хранится в Дубновском музее, инв. № 1268).

керамики с синхронными им племенами северных районов лесостепи, оставившими памятники культуры воронковидных чаш, культуры волинских и подольских мегалитов и культуры шнуровой керамики. Связи эти были настолько велики, что в отдельных случаях (Ляхов) можно отметить их влияние даже на ритуал погребения. Состояние изученности культур начала эпохи бронзы не дает пока возможности разграничить их территориально и более детально разобрать характер взаимосвязей.

Выяснение более полной картины материальной культуры земледельческо-скотоводческих племен северных районов лесостепи конца III тысячелетия и начала II тысячелетия до н. э., видов их хозяйственной деятельности, общественного строя и исторических судеб — задача будущих исследований.

МАТЕРИАЛЫ К КАРТЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЗДНИХ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ

1) Колоколин Букачевского р-на Станиславской обл. В 1935 г. Т. Сулимирский исследовал в небольшой пещере два случайно открытые погребения; первый костяк ориентирован головой на север, второй, находящийся в ногах первого, на юг. Большинство костей было смещено. Возле них найдена серая амфора с отбитым венчиком (рис. 25 — 1), красная чаша с белым пластическим орнаментом (рис. 25 — 2) и обломки второй подобной чаши¹.

2) Городница, Городенковский р-н, Станиславской области². В культурном слое поселения трипольской культуры, среди керамики средне- и поздне трипольского типа найден обломок тонкостенной чаши, аналогичной чаше из Колоколина³.

3) Кукезов, Ново-Ярычевский район Львовской области. Из распаханных в 1938—1939 гг. на поле «Фольварки» погребений происходит пять сосудов (рис. 24 — 6, 7, 13, 14; рис. 25 — 3)⁴. Там же найдены сосуд с волнистым срезом венчика, орудия из кремня (три ножа, скребок), из кости (шило, мотыга из оленьего рога) и кости животных (утеряны во время войны).

4) Гора, район Великомоствовский, Львовской области. В 1939 г. в урочище «Щирец» случайно найдено несколько сосудов и кремневый нож. Один сосуд из этой находки хранится в Львовском историческом музее (рис. 24 — 12).

5) Сокаль, Львовской области. На кирпичном заводе «Завишня» случайно найден сосуд, орнаментированный темнокоричневыми зигзагами⁵.

6) Новый Двор, район Сокальский, Львовской области. Здесь случайно были найдены три лепные сосуда (рис. 27 — 10, 11, 12).

7) Амбуков, Устилугский район, Волинской области. В 1939 г. И. Фицке исследовал на песчаном холме случайно открытый могильник. В погребениях найдены сосуд с белой росписью, изделия из сланца и кремня, кусок медной проволоки и подвески из кабаньих клыков⁶. В Луцком музее из этих раскопок хранится десять сосудов (рис. 25 — 4—6, 8—10) и две подвески из клыков кабана.

8) Сёмаки (раньше Седмярки), Сенкевичевский район, Волинской области. В 1937 г. из случайно открытых погребений в Луцкий музей поступило три сосуда, каменный топорик и кремневые пластины⁷.

9) Зимно, Владимир-Волинский район, Волинской области. В 1952 г. на дне очажной ямы № 2 поселения культуры воронковидных чаш найдены обломки керамики

¹ T. Sulim irski. Указ. соч., табл. XLI, 3, 4.

² M. Śmiszko. Compte rendu provisoire des fouilles dans l'encinte néolithique de Horodnica, district de Horodenka. Bulletin de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres, 1939.

³ Хранится в Львовском историческом музее.

⁴ Хранится в Львовском историческом музее.

⁵ L. Kozłowski. Młodsza epoka Kamienna w Polsce. Lwow, 1924, табл. XXXI, 7.

⁶ Z otchłani wieków. 1939, N 7—8, с. 104.

⁷ J. Fitzke. Nowe wykopaliska—Wołyń. Z otchłani wieków, 1937, N 11—12, с. 165—166; его же. Stanowiska kultury ceramiki wstęgowej na Wołyniu. Sprawozdania PAU, 1938, XLIII.

трипольской культуры (городско-усатовский тип), культуры шнуровой керамики и два фрагмента сосудов с белой росписью, пластически нанесенной на коричневый фон¹.

10) Яловичи, Острожецкий район, Ровенской области. В Луцком музее хранится найденный случайно в Яловичах в 1935 г. серожелтый сосуд с обломанной верхней частью (рис. 27 — 13).

11) Новомыльск, Здолбуновский район, Ровенской области. В 1951 г. разведкой Дубновского музея в урочище «Городище» найдена чаша с красной росписью по коричневому фону (рис. 25 — 7).

12) Тростянец, Вербский район, Ровенской области. Во время дорожных работ найдено несколько целых расписных сосудов, хранившихся до войны в Луцком музее².

13) Костянец, Дубновский район, Ровенской области. В 1947 г. раскопками поселения в урочище «Лиственщина» вскрыт сильно разрушенный культурный слой, в котором найдена керамика, относящаяся к позднему триполью, к позднему этапу развития культуры ленточной керамики и комаровской культуре³.

---

¹ Ю. Н. Захарук. Поселение энеолитического времени в с. Зимно, Волынской области, КСИА, вып. 4.

² Osada kultury ceramiki malowanej z końca epoki kamiennej. Z otchłani wieków, 1936, N 8—9, с. 118.

³ І. К. Свешніков. Розкопки в Костянці на полі Лиственщина. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. IV, 1952. Матеріал храниться в Львівському філіалі АН УРСР.

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В ДОЛИНЕ РЕКИ МОЛОЧНОЙ В 1952 г.

В 1951 г. экспедиция Института археологии Академии наук Украинской ССР осуществила большие раскопки курганов в долине р. Молочной, между городами Мелитополем и Большим Токмаком (Запорожская область)¹. В 1952 г. экспедиция продолжила свои работы².

На полях правого берега р. Юшанлы, около южного конца поселка Червоного, Светло-Долинского сельсовета, было вскрыто погребение, относящееся к катакомбной культуре. Здесь же, под насыпью маленького кургана, открыты еще два погребения — катакомбное и срубное.

В дальнейшем раскопки были перенесены на курганное поле к востоку от с. Терпение, на землях совхоза «Аккермень». Здесь продолжены раскопки большого кургана № 8 и вскрыто 13 курганов разной величины, а также два «пятна» на поле с распаханymi сарматскими курганами. Для полного исследования аккерменского могильника, состоявшего из 25 насыпей, осталось раскопать 4 кургана. В результате раскопок 1952 г. открыто более 100 погребений, относящихся в основном к эпохе бронзы.

Работы 1951 г. позволили прийти к выводу, что большая часть курганов в долине р. Молочной сооружена в древнейшее время; это нашло подтверждение и в новых раскопках. Вместе с тем в 4 небольших курганах (не более 0,5 м высоты) основные погребения оказались принадлежащими к катакомбной культуре.

Основные захоронения в древнейших курганах находились в обычных прямоугольных ямах. Костяки окрашены и лежали на спине, ноги согнуты в коленях; ориентировка на северо-восток и восток. Могилы покрывались бревенчатым накатом или большими песчаниковыми плитами, доставленными с «Каменной могилы». Вещи почти отсутствуют. Среди редких находок упомянем два маленьких отлично изготовленных кремневых черешковых наконечника стрел.

Под большим курганом № 11 вместо могильной ямы на древней поверхности был открыт длинный дольменовидный ящик из каменных плит, окруженный большим кольцом из камней, поставленных на ребро. Особенно интересен этот курган оказался потому, что в нем на подкурганной поверхности обнаружено несколько жертвенных ям с костями быка — находка, имеющая большое значение для выяснения роли животноводства у древнейших племен.

¹ А. И. Тереножкин. Археологические исследования в 1951 г. на строительстве Молочанского водохранилища. КСИА, вып. 1, 1952, стр. 15—20.

² В экспедиции, кроме автора, участвовали научные работники М. И. Вязьмитина, В. А. Ильинская, С. Н. Одинцова и Г. Т. Титенко и лаборанты, учащиеся Киевской художественной школы, — Г. С. Ковпаненко, Д. В. Ткаченко и Г. Н. Фесюк. Экспедиция работала с 7 июля по 17 сентября.

Впускные древнеямные могилы делались с уступами на поверхности погребенного чернозема. Ориентировка погребенных в них менее устойчивая. В огромной впускной могиле, открытой в кургане № 8, на уступе лежали два колеса от арбы; они сплошные, с массивными ступицами, подобные тем, которые были нами найдены также при древнеямном захоронении «Сторожевой могилы» около Днепропетровска в 1949 г.¹ Удалось точно установить диаметр колес — 0,62 м; следовательно, их можно считать довольно большими, если принять во внимание, что они сделаны из сплошного куска дерева (рис. 28).

Рис. 28. Остатки деревянного колеса от повозки на уступе древнеямной могилы в кургане № 8 у совхоза „Аккермень“.

Представляется, что в могилах, в которых замечены отступления от традиционной ориентировки погребенных головой на северо-восток, встречается большее количество вещей. Так, во впускной древнеямной могиле кургана № 11 найдены богато орнаментированный круглодонный сосуд с ленточной ручкой и петлей на противоположной стороне (вероятно для подвешивания), каменный пест, костяной гарпун и кости от положенного в качестве пищи мяса. В другой могиле обнаружен большой каменный пест. Думается, что такие могилы относятся не к раннему, а к позднему времени древнеямной поры.

В двух курганах вскрыты впускные древнеямные погребения, оказавшиеся ограбленными еще в очень раннее время. Является ли это признаком того, что в дальнейшем возможны открытия богатых древнеямных могил в Приазовье, подобных погребениям в Майкопском кургане или в кургане у быв. станции Царской на Северном Кавказе, — покажут дальнейшие исследования.

¹ О. І. Тереножкін. Курган Сторожева могила. «Археологія», V, Київ, 1951, стр. 183 и сл.

Многочисленную группу составили погребения, относящиеся к катакомбной культуре, встречавшиеся, как и в 1951 г., преимущественно по краям курганных насыпей, в местах, где было легче достичь ненарушенного грунта. Чаще всего это катакомбы, состоящие из вертикальной входной ямы, короткого коридора, заложеного деревом или, обычнее, каменными плитами, и овальной погребальной камеры.

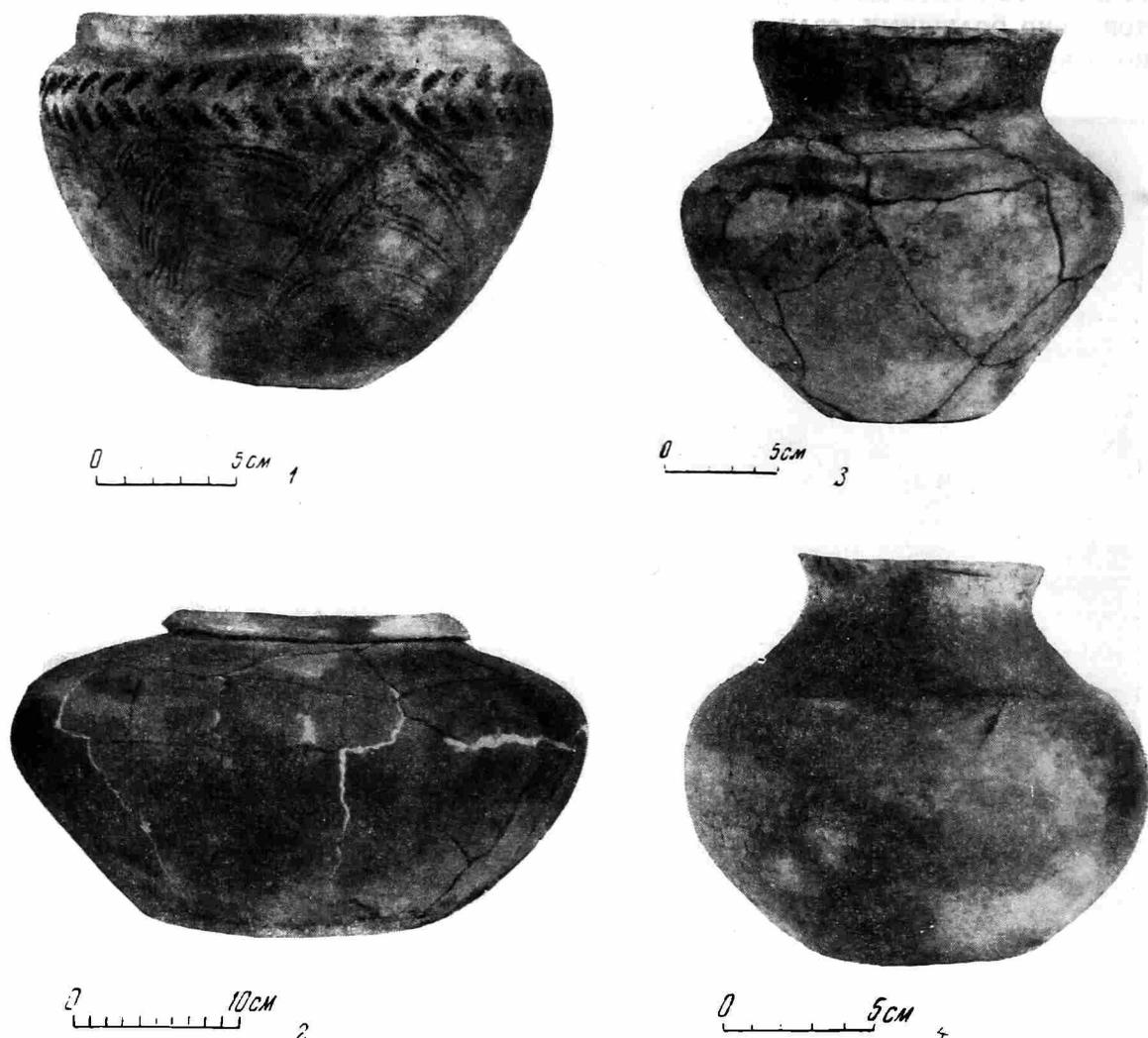

Рис. 29. Сосуды из раскопок у совхоза „Аккермень“.

1—3 — сосуды, относящиеся к катакомбной культуре из курганов: № 19, погребение 1; № 17, погребение 3; № 13, погребение 3; 4 — сосуд из могилы, датируемой началом железного века (курган № 17, погребение 9).

В 1952 г. открыты несколько иные катакомбы с ходом, тщательно заделанным плотно замешанной глиной, и с погребальными камерами, помещенными чуть сбоку под входной ямой (без соединительного коридорчика) наподобие углублению подбоя. В них встречались одиночные и коллективные, но разновременные захоронения, при которых костяки старых погребений сбрасывались или сдвигались в сторону. Количество вещей в катакомбах было более многочисленно, чем в древнеямных могилах. Чаще всего встречались глиняные сосуды, то близкие по форме к древнеямным, с круглым или уплощенным дном (рис. 29 — 1), то типичные для этой части степи катакомбные плоскодонные сосуды с крутыми плечиками и прямым невысоким венчиком, иногда богато украшенные различным геометрическим веревочным или линейным орнаментом. Редкой для катакомбной культуры в Приазовье является находка крупного сосуда с небольшим плоским дном,

сильно выпуклым корпусом и низким отогнутым венчиком, характерным для сосудов с Северного Кавказа (рис. 29—2). Кроме того, в могилах встречались обычные маленькие бронзовые ножи, шилья, точильные камни в виде продолговатых галек, обнаружен прекрасный кремневый нож копьевидной формы. Украшения представлены серебряными височными кольцами с наискось заходящими концами, гладкими и спирально-нарезными пронизями из трубчатых костей птиц, волчьими клыками, бронзовыми бусинами с петелькой и подвеской в виде шарика (широко известными на Северном Кавказе), костяной булавкой с кольцевидным навершием. Встречались и деревянные вещи, но, как правило, плохой сохранности. В их числе упомянем остатки деревянного лука простого типа, круглодонного сосуда и сосуда, украшенного по краю широкой, почти сплошной, полосой, обитой скобочками из бронзовой проволоки. Кости жертвенных животных в катакомбах попадались редко.

Обособленное место среди вскрытых курганов занял курган № 13. В нем было 7 могил в общем одинакового устройства. Сверху 5 могил были обложены камнями различной величины, образующими выкладку овальной формы, ориентированную по длине с юго-запада на северо-восток. В двух могилах было по одному скелету в скорченном положении (на боку); в двух узких могилах были тоже одиночные захоронения, но костяк лежал вытянуто на спине; в одной — детское, плохой сохранности, и в двух — парные погребения, — мужское и женское, — в вытянутом положении на спине. Все погребенные ориентированы одинаково — головой на северо-восток. Находки были очень незначительные. В трех могилах обнаружена красная краска. При одном из парных погребений оказался небольшой плоскодонный неорнаментированный сосуд с широким горлом (рис. 29—3). В других найдены: кусок обработанного сколами кремня, смола и бронзовые скобочки, подобные тем, которыми был обит по краю упоминавшийся выше деревянный сосуд. Судя по этим оковкам и некоторым особенностям в погребальном ритуале, эта интересная группа могил предварительно может быть отнесена к катакомбному времени. Археологические параллели к парным захоронениям в вытянутом положении в узких могилах нам неизвестны. Вероятно, они принадлежат к какой-то, несколько обособленной в культурном отношении, племенной группе.

Погребения в насыпях, относящиеся к концу бронзового века, в раскопанных курганах немногочисленны. Как обычно, скелеты в этих захоронениях лежали в сильно скорченном положении на правом или на левом боку, без краски и сопровождалась одним, реже двумя сосудами простой баночной формы. В одной могиле найдено костяное с маленьким боковым отверстием кольцо — типа, широко известного в материалах степных культур конца бронзы. Одна из последних находок этого рода известна в раскопках П. Д. Либерова около Каменского городища на Днестре¹.

Ко времени исторических киммерийцев, VIII—VII вв. до н. э., с большей уверенностью можно отнести три захоронения, одинаковых по погребальному обряду с позднесрубными, сопровождавшиеся, однако, узкогорлыми лощеными сосудами (рис. 29—4). Кроме такого сосуда, в одной из могил найдены спиральная бронзовая проволочная пронизь и бронзовая пластинка, а в другой — много костей от жертвенного мяса.

Находки подобных могил со скорченными погребениями, сопровождавшимися узкогорлыми сосудами, известны, например, по раскопкам В. А. Городцова на Донеччине, но, к сожалению, ни один из найденных им сосудов не был опубликован. Повидимому, они связаны хронологически с погребением у с. Лукьяновки в районе Каховки, давшим янтарные

¹ П. Д. Либеров. Курганы у хутора Жарчевик. КСИИМК, XLV, 1952, стр. 81, рис. 31, 2.

и стеклянные бусы, глиняный лощеный кубок и раннегальштатскую смычковую фибулу¹, и с Широким курганом у с. М. Лепатиха в той же Херсонской области, известным своим сложным погребальным сооружением и находкой двух кинжалов киммерийского типа, из которых один бронзовый, а другой — с бронзовым верхом и железным клинком². Три погребения из раскопок на р. Молочной следует относить уже не к концу бронзового века, а к началу железного.

Раннескифских погребений не встречено. К этому периоду относится лишь случайная находка в насыпи кургана двухлопастного бронзового

0 1 2 3 см

Рис. 30. Славянский горшок из позднекочевнического погребения у совхоза „Аккермень“ (курган № 17, погребение б).

наконечника стрелы с шипом. Позднескифское время представлено тремя впускными погребениями в неглубоких ямах; погребенные лежали вытянуто, головой на восток. При одном из них был только горшочек с проколами по краю. В другой могиле обнаружены бронзовый трехгранный наконечник стрелы, два больших железных наконечника копий, железный подток от древка копья, а в некотором отдалении от погребенного — кости быка и железные удила с псалиями. Третье погребение сопровождалось большим колчанным набором трехгранных бронзовых наконечников стрел, железным мечом, железной и бронзовой ворворкой и пращевым камнем. Судя по вещам, эти погребения можно датировать IV—III вв. до н. э.

В насыпях курганов и в «пятнах», т. е. распаханых курганах, открыто

10 сарматских погребений в узких ямах с заплечиками. Костяки лежали вытянуто и ориентированы на юг и на север. Две могилы были разграблены, в остальных собрано небольшое количество вещей, в числе которых упомянем чернолощенный сосуд в виде широкой, на низкой ножке, чаши с двумя ручками, канфар с парой ручек, сделанный из глины розового цвета, разные бусы, бронзовую фибулу, мечи, железные трехлопастные наконечники стрел.

Как и ранее, при раскопках не встречено ни одного захоронения, относящегося к I тысячелетию н. э.

Позднекочевнические погребения можно объединить в небольшую, но компактную в культурном отношении группу. Открыто 8 таких погребений. Для них характерно вытянутое положение скелетов, ориентированных на юго-запад. Почти в каждой могиле можно наблюдать остатки гробовищ, сделанных из планок, — решеткой. Одно женское погребение (в кургане № 1) сопровождалось захоронением коня с железными удилами и стременами. В этой могиле обнаружено небольшое количество бронзовых украшений, обложенных золотой фольгой, височные кольца с концами, заходящими наискось, и железные ножницы с осью в середине. Такие же височные полые кольца, свернутые из бронзовых пластинок, были и в других женских погребениях. На одном из колец хорошо сохранилась толстая обмотка нитью. В женских могилах встречались глиняные пряслица от веретен. В одной могиле оказался славянский горшочек великокняжеского времени (рис. 30).

¹ И. Фабрициус. Литопис музею, вип. VIII, Херсон, 1927, стр. 8, 9.

² В. В. Латышев. Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. Сообщения ГАИМК, т. I, стр. 200—204.

Раскопки дали значительный по объему антропологический материал¹.

Подводя предварительные итоги исследований на р. Молочной, можно отметить, что в результате работ собраны новые ценные данные о культуре и истории древних племен и народностей, населявших степные пространства нашего Юга, оставшиеся до настоящего времени недостаточно известными в археологии. В результате широких археологических исследований, производящихся в Поволжье, на Дону, в Приазовье и степном Поднепровье, очевидно, удастся углубить (а отчасти и пересмотреть) многие вопросы археологии Восточной Европы. Например, в свете новых материалов стало совершенно очевидным, что племена — носители древнеямной культуры не были отсталыми охотниками и рыболовами, как считалось ранее; они занимались скотоводством, и уровень культуры их был относительно высоким.

На Нижнем Днепре у с. Михайловки Ново-Воронцовского района Херсонской обл. в течение последних лет производились большие раскопки на огромном поселении, датируемом исследователями древнеямным временем². Из числа вещей, найденных при раскопках, опубликованы остродонные глиняные сосуды, курильница на ножках, кремневый нож, бронзовые ножи с продолговатым черешковым насадом, шилья с квадратным утолщением, плоское тесло³. Все эти предметы, как можно убедиться по их типам, относятся к древнеямному и катакомбному времени, к которому, очевидно, нужно относить и эпоху существования самого поселения. Михайловское поселение, где открыты мощные культурные наслоения и остатки жилых построек с каменными основаниями, знакомит нас с оседлым бытом этих племен; в хозяйстве их наряду с развитым скотоводством большое значение имело и земледелие. Новые открытия особенно ценны для понимания древнеямной культуры, и особенно тех ее сторон, которые не могли быть освещены на основании материалов из погребальных курганов.

---

¹ Передан в Антропологический музей МГУ.

² Е. Ф. Лагодовская, М. Л. Макаревич, О. Г. Шапошникова. Раскопки Михайловского поселения в 1954 г. КСИА, вып. 5, 1955, стр. 13—18.

³ Е. Ф. Лагодовская. Михайловское поселение и его историческое значение, КСИА, вып. 4, 1954, рисунки на стр. 120.

И. В. С И Н И Ц Ы Н

РАБОТЫ ЗАВОЛЖСКОГО ОТРЯДА СТАЛИНГРАДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1953 г. Заволжский отряд Сталинградской экспедиции продолжил начатые в 1951—1952 гг. раскопки древних памятников, расположенных в зоне Сталинградского водохранилища¹ на участке левобережной приволжской полосы от с. Равное до Тарлыковки Саратовской области. Археологические памятники в пределах обследованной территории расположены на первой надпойменной возвышенности, подлежащей затоплению, и на высокой береговой волжской террасе.

Основные работы были сосредоточены в районе с. Скатовки, где велись раскопки большой курганной группы, включавшей до 70 курганов, из которых 21 был раскопан. Здесь же произведены разведки на поселениях срубной культуры. Кроме того, в окрестностях с. Краснополье вскрыто два кургана, а у с. Кочетное проведены разведочные раскопки на поселении золотоордынского времени. В итоге отрядом вскрыты 23 кургана, содержащих 52 разновременных погребения.

Исследованные погребения, судя по ритуалу и могильному инвентарю, относятся к различным периодам в пределах от III тысячелетия до н. э. до средневековья (XIV—XV вв.) и представляют ярко выраженные типы захоронений ямной и срубной культур, скифо-сарматского времени и культуры тюркских кочевников.

Большинство погребений (25) относится к медно-бронзовому веку, из них 8 характерны для древнеямной, а 17 — для срубной культуры. Курганы древнеямного периода, как правило, использовались для позднейших захоронений племенами срубной культуры и в скифо-сарматское время. Средневековые кочевнические курганы содержали одиночные погребения.

Погребения, характерные для ямной культуры, открытые в Скатовском могильнике², по устройству могил и ритуалу довольно однотипны: ямы обычно прямоугольной формы с округлыми углами, сверху покрыты толстыми бревнами или плахами, захоронения одиночные, скелеты во всех случаях лежат на спине, головой на восток, ноги согнуты коленями вверх (позже ноги заваливались обычно на одну сторону, иногда в разные). Дно могилы и скелеты посыпаны красной краской (охра или сурик).

Собранный инвентарь немногочислен. Наиболее характерны остродонные горшки (рис. 31—1), украшенные резным орнаментом (курган № 12, погребение 2). Изредка встречались медные предметы — четырех-

¹ Предварительные данные о результатах работ 1951—1952 гг. опубликованы в КСИИМК, вып. L, 1953 и КСИИМК, вып. 55, 1954.

² Курган № 5, погребение 5; курган № 6; курган № 9, погребение 3; курган № 12, погребение 2; курган № 13, погребения 1 и 2; курган № 17, погребение 5 и курган № 18, погребение 2.

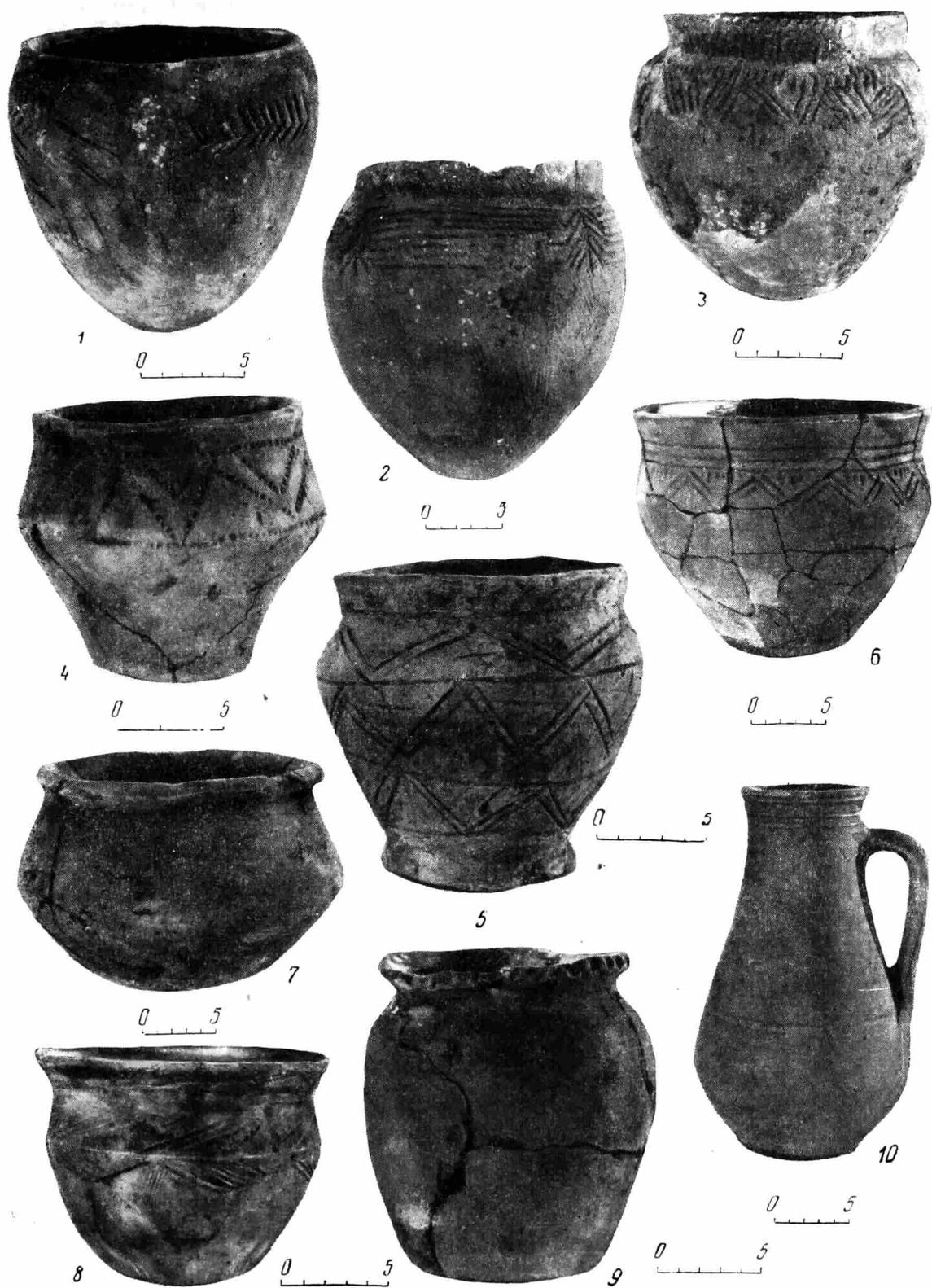

Рис. 31. Сосуды из погребений у с. Скатовки.

1 — курган № 12, погребение 2; 2, 3 — курган № 5, погребение 3; 4 — курган № 12, погребение 1; 5 — курган № 17, погребение 4; 6-8 — курган № 11; 9 — курган № 10, погребение 1; 10 — курган № 15.

гранное шило (курган № 18, погребение 2) и ножи. Попадались кости домашних животных.

Отдельные погребения впервые дали интересный материал для понимания уровня культуры населения степей Заволжья в этот период. Наиболее ярким примером является погребение 3 (курган № 5). В основной грунтовой могиле, глубиной около 1 м, размером 2,4 × 1,4 м, обнаружен скелет мужчины на спине, головой на восток, ноги согнуты коленями вверх. Дно

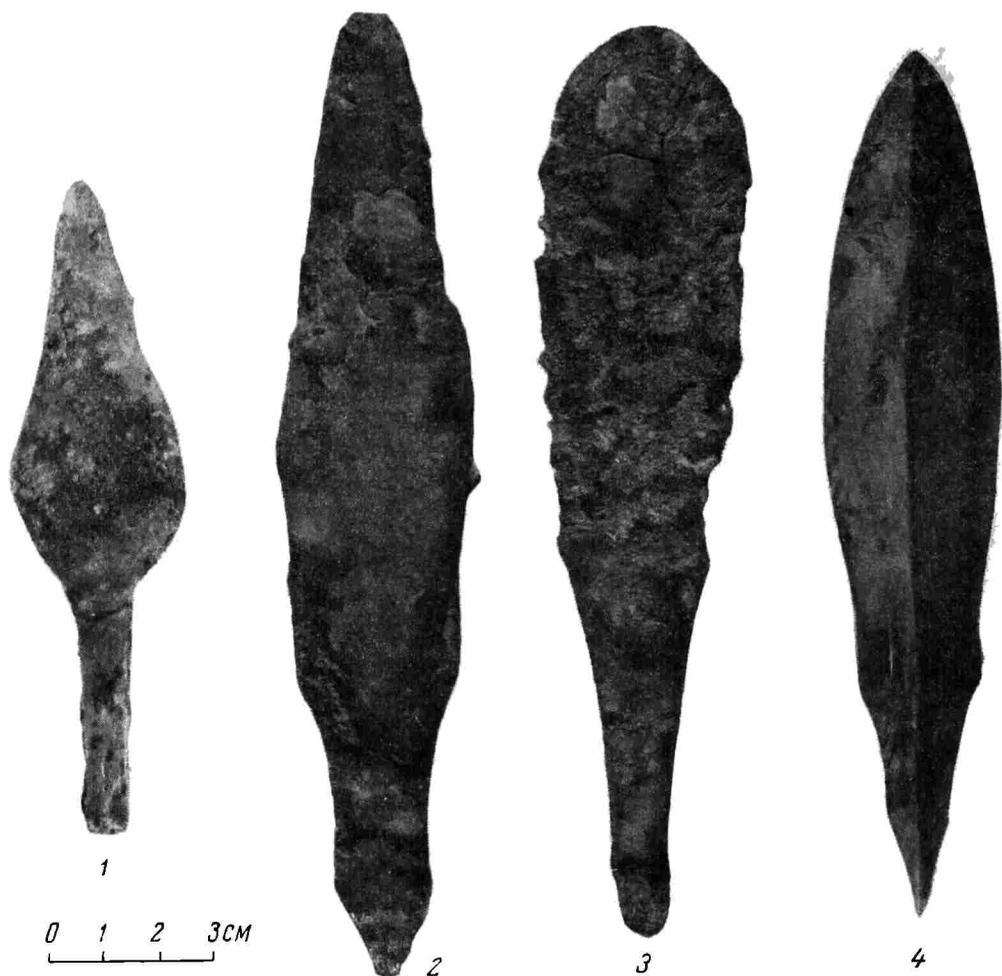

Рис. 32. Медные ножи из погребений у с. Скатовки и Краснополя.

1 — Скатовка, курган № 5, погребение 3; 2 — Краснополье, курган № 2, погребение 4;
3 — Скатовка, курган № 17, погребение 14; 4 — Скатовка, курган № 11.

могилы и скелет густо посыпаны красной краской. Около черепа лежали каменный пест и кости овцы, у правого плеча — медный кованый нож копьевидной формы (рис. 32 — 1). Здесь же лежала кремневая пластинка с острым краем. На груди была положена средняя часть кабаньего клыка, расколото по длине. В ногах стоял глиняный остродонный яйцевидный сосуд с прямой шейкой, по плечикам орнаментированный оттисками витого шнура (рис. 31 — 2). Около сосуда помещалась восьмиствольная флейта, типа «флейты Пана», сделанная из птичьих трубчатых костей (рис. 33). Все трубочки разного размера: самая длинная — 12 см, диаметр — 2,5 см, самая маленькая — 5,5 см, диаметр — 1 см. Здесь же находился истлевший деревянный предмет с медной заплатой. На краю могилы были поставлены два жертвенных сосуда. Один из них остродонный, с прямой высокой шейкой; по шейке нанесен ямочный орнамент в одну линию (рис. 34). Край плоско срезан и орнаментирован квадратными вдавлениями. Высота

горшка — 30 см, диаметр устья — 17,5 см. Второй сосуд, высотой 11 см, остродонный, с прямой шейкой, по плечикам орнаментирован прочерченными линиями, образующими горизонтальные полосы и треугольники (рис. 31—3).

Для характеристики ямной культуры, помимо находок керамики и медных предметов, особенно интересна флейта. Находка флейты в погребении у с. Скатовки документирует время бытования этого музыкального инструмента у древних скотоводов левобережной полосы Заволжья. Следует отметить, что в степях Приазовья аналогичные костяные трубочки найдены

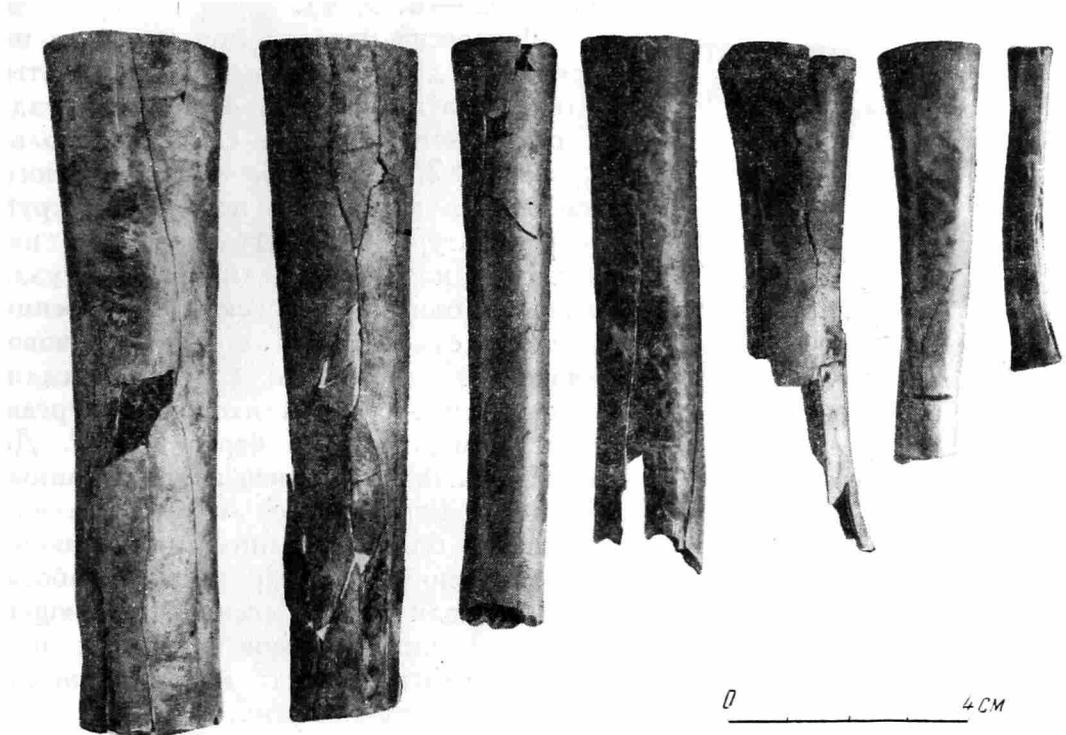

Рис. 33. Костяные трубочки „флейты Пана“ (с. Скатовка, курган, № 5, погребение 3).

в одном из погребений Мариупольского могильника, относящегося также к концу III тысячелетия до н. э.¹ Мариупольские костяные трубочки, изготовленные из птичьих костей, по форме и размерам напоминают трубки флейты скатовского погребения. Эти находки музыкальных инструментов указывают на близкую связь и общность культуры у древнейших скотоводческих племен Днепровско-Волжского междуречья. Вместе с тем подобная находка флейты в погребении, относящемся к рубежу III и II тысячелетий до н. э., свидетельствует о достаточно высоком культурном уровне древних племен Заволжья.

Вторую группу составляют 17 погребений, относящихся к срубной культуре. В них собран интересный материал для определения хронологической последовательности и социальной характеристики племен срубной культуры. При сохранении некоторых особенностей ритуала погребений ямного времени в этих захоронениях прослеживаются и новые черты: изменяются ориентировка и положение скелетов. Как правило, скелеты лежат скорченно на левом боку, головой на северо-восток. В отдельных могилах отмечено своеобразное положение скелета — на левом боку, грудью и лицом вниз. Грунтовые могилы раннего этапа срубной культуры, так же

¹ М. Макаренко. Мариупольський могильник. Київ, 1933, стр. 43, 44, рис. 9, 11—40; табл. IX, X.

как и могилы, относящиеся к ямной культуре, имеют перекрытие из толстых бревен или плах. Детские захоронения совершались в насыпях курганов.

Инвентарь состоит, главным образом, из керамики, обычной для срубных погребений Нижнего Поволжья. Глиняные горшки, преимущественно баночной или острореберной формы, украшены несложным орнаментом из сочетания различных прочерченных линий и треугольников (рис. 31—4). Отдельными экземплярами представлены сосуды, украшенные мелкозубчатым чеканом (рис. 31—5). Изредка встречались бронзовые предметы. В трех могилах найдены характерные плоские, листовидной формы ножи (рис. 32—2, 3, 4).

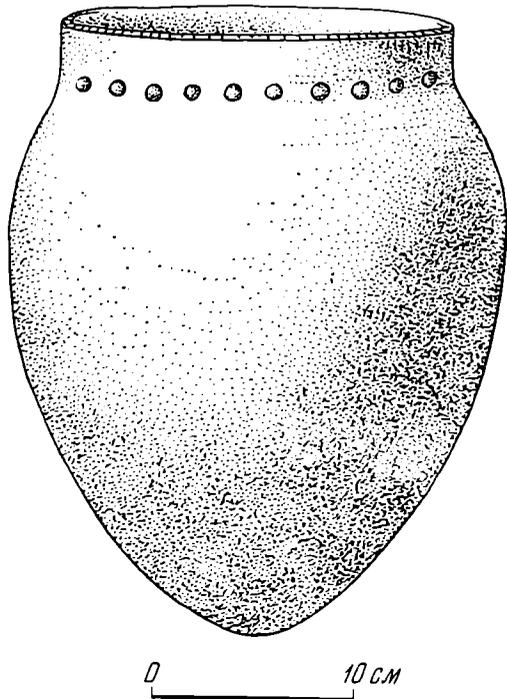

Рис. 34. Сосуд из погребения 3, кургана № 5 у с. Скатовки.

Интересна находка при мужском погребении двух костяных пластинчатых однодырчатых псалиев от конской узды с ременными удилами (с. Краснополье, курган № 2, погребение 4). Среди многочисленных курганных погребений срубной культуры Нижнего Поволжья нам известны костяные псалии конской узды лишь в одном Усатовском погребении, которое относится к концу бронзовой эпохи¹. Аналогичный костяной псалий обнаружен А. Е. Алиховой в кургане у с. Комаровки, на берегу Усы². Детальный анализ псалиев и удил, данный в интересной работе А. А. Иессена, касается более поздних памятников³. В недавно опубликованных работах А. Можолеча и Бекени⁴, посвященных описанию находок костяных псалиев из района Карпат, мы также не находим близких аналогий.

Материалы Скатовского могильника очень интересны и важны для определения социально-экономического уклада населения эпохи бронзы в Заволжье. Установлено резкое различие погребений по богатству инвентаря и устройству могильных сооружений. Ярким примером является погребение из кургана № 11, выделявшееся богатым комплексом находок, особо пышным ритуалом и устройством могилы. Могила большая — 4,5 м в длину, 3 м в ширину и 2 м в глубину; сверху она была перекрыта по всей площади 16 четырехметровыми бревнами толщиной до 0,4 м. На краю ее, с западной стороны, лежали кости жертвенных животных — черепа и ноги от двух коров и трех овец. Здесь же стоял большой горшок — корчага, наполненная костями животных.

На дне могилы обнаружен скелет мужчины, лежавший на левом боку, скорченно, лицом и грудью вниз, головой на северо-восток; руки согнуты в локтях, кисти — перед лицом. В головах был положен кусок глины серого цвета и прекрасной сохранности бронзовый нож (рис. 32—4). Перед погребенным лежали остатки кожаного колчана, в котором помещалось 13 кремневых тонко отретушированных наконечников (рис. 35). Около колчана — остатки деревянного лука и два медных стержня четырехгранной

¹ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Учен. зап. СГУ, т. XVII, 1947, стр. 99, табл. VI—1

² А. Е. А л и х о в а. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 91, рис. 38.

³ А. А. И е с с е н. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953.

⁴ Acta Archaeologica, Tomus III, Budapest, 1953.

формы, с тупым концом. Здесь же были и другие деревянные (посуда) и кожаные вещи, но они совершенно разрушились. Найдено три глиняных горшка абашевского типа; один орнаментирован по плечикам горизонтальными линиями и вертикальными нарезками, образующими треугольники (рис. 31—6); второй сосудик — с выпуклыми боками, с тщательно сглаженной поверхностью (рис. 31—7), а третий украшен по всей поверхности

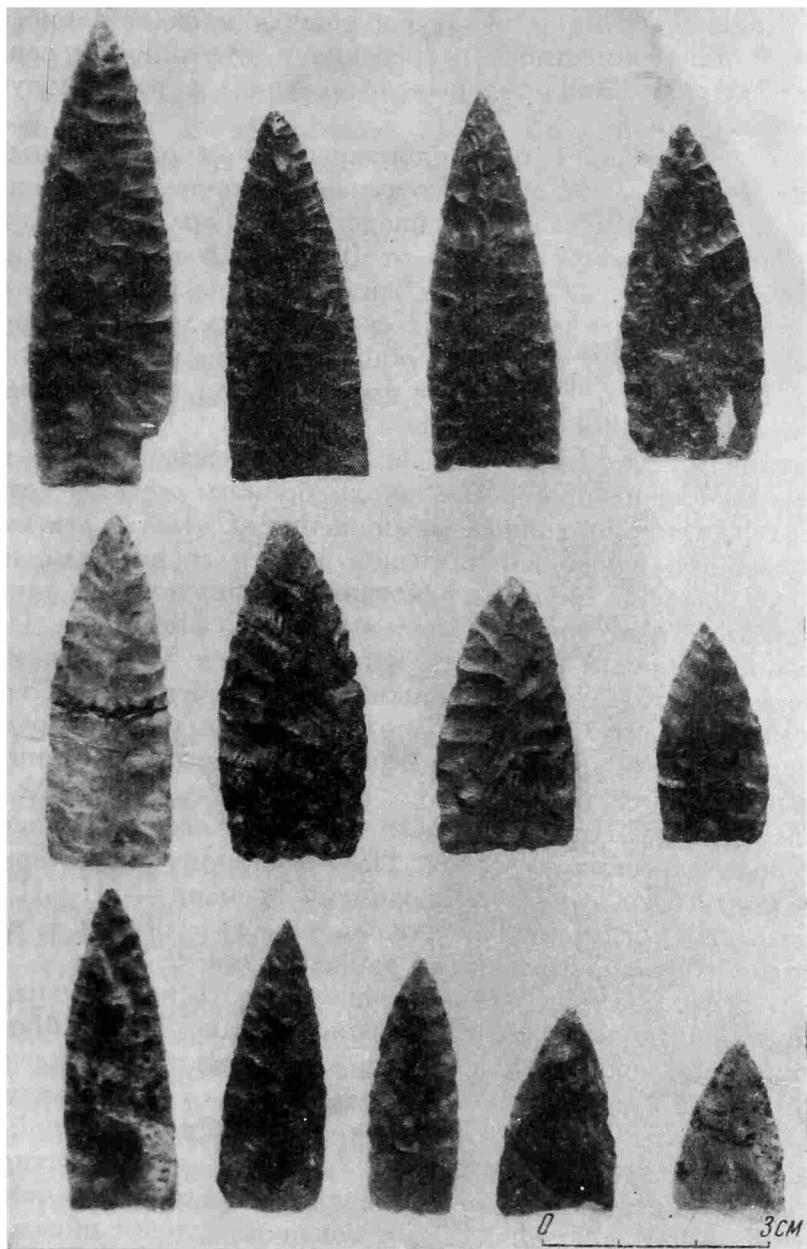

Рис. 35. Кремневые наконечники стрел (курган № 11 у с. Скатовки).

горизонтальными и зигзагообразными линиями мелкозубчатого чекана (рис. 31—8).

Здесь же были похоронены два ребенка в возрасте от 3 до 5 лет. Один детский скелет лежал в ногах мужчины, в юго-западном углу могилы, в вытянутом положении, головой на юго-запад; второй — на краю могилы с северо-восточной стороны, также вытянуто, головой на запад.

Размеры могилы, сложный ритуал (погребение детей вместе с мужчиной), богатый инвентарь — все это свидетельствует о том, что при жизни

человек, погребенный здесь, занимал особое общественное положение в роде или племени. Следует добавить, что о наличии патриархального строя у племен срубной культуры Заволжья можно судить по так называемым парным погребениям. В Скатовском могильнике (курган № 17, погребение 4) в коллективном захоронении два скелета — мужчины и женщины — лежали плотно лицом друг к другу; мужской скелет — на правом боку, женский — на левом. Это погребение еще раз подтверждает широкое распространение у племен срубной культуры обычая насильственного умерщвления женщины для совместного погребения с мужчиной и свидетельствует о сложении патриархально-родовых отношений и господствующем положении мужчины в роде.

Материалы погребений были дополнены при разведочных раскопках древнего поселения, расположенного северо-восточнее Скатовки, на первой надпойменной террасе, недалеко от впадения р. Тарлык в Волгу. Мощность культурных напластований здесь — от 0,3 до 0,8 м. Находки состоят из черепков посуды и костей домашних животных (по предварительному определению — коровы, овцы, лошади). Керамика поселения по формам, характеру глины и орнаменту повторяет обнаруженную в курганах Скатовского могильника. Несомненно, Скатовское поселение, как и курганные погребения, относится к эпохе срубной культуры.

К памятникам скифского времени принадлежат четыре погребения¹. Все они были впущены в курганы эпохи бронзы; могилы устроены в насыпях и содержали однотипные захоронения. Скелеты лежали вытянуто, головой на запад или юго-запад. Вещей в могилах не было, и погребения могут быть определены лишь на основании сравнительных данных. Аналогичные погребения известны в пределах Нижнего Поволжья. По стратиграфическим наблюдениям и комплексу инвентаря они датируются VI—IV вв. до н. э. Можно считать установленным, что погребения этой группы оставлены кочевым населением степей Заволжья досарматского времени.

Следующая группа памятников представлена 5 погребениями сарматского времени. Из них лишь одно (с. Краснополье, курган № 1) являлось основным захоронением под курганом; все остальные оказались впускными в насыпях более древних курганов. По могильному инвентарю некоторые погребения могут быть отнесены к раннему времени — III—II вв. до н. э., как, например, погребение из Краснопольского кургана № 1, которое датируется находкой бронзового зеркала раннего типа.

Особо следует отметить женское погребение 1 из кургана № 10 Скатовского могильника, впускное в насыпь кургана эпохи бронзы. Скелет лежал вытянуто, головой на северо-запад. При костяке найдены глиняный горшок (рис. 31—9), разбитое бронзовое зеркало и деревянная орнаментированная пластинка длиной 17 см, шириной 6 см, толщиной 8 мм. Одна сторона ее тщательно отполирована, обратная — орнаментирована продольными желобками; между ними нарезаны мелкие насечки и кружки, нанесенные пунсоном (рис. 36). Один конец пластинки обрамлен квадратной рамкой, в центре которой вырезан тамгообразный знак. Этот своеобразный предмет не имеет аналогий среди материалов сарматских погребений Нижнего Поволжья. Для датировки погребения важна находка бронзового зеркала диаметром 19 см, с широким овальным ободком по краю и тонкими концентрическими кругами по всей площади оборотной стороны. Аналогичные зеркала характерны для раннесарматских погребений Нижнего Поволжья; известны они и в погребениях Прикубанья, где также относятся к раннему времени, до начала нашей эры².

¹ В курганах № 9, погребение 1, № 17, погребения 2 и 3, № 21, погребение 4.

² Н. В. А н ф и м о в. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 185, рис. 13—1.

Два погребения (курган № 21, погребения 5 и 6) могут быть отнесены к I в. до н. э. Найденные здесь горшки по форме и материалу находят прямые аналогии в сарматских погребениях Нижнего Поволжья, датируемых преимущественно I в. н. э.

Среди исследованных в районе Скатовки памятников наиболее поздними являются 18 курганных погребений тюркских кочевников, причем лишь в одном случае захоронение было совершено в кургане эпохи бронзы (курган № 5, погребение 2). В двух курганах, относящихся к позднезолотоордынскому времени (XV в.), обнаружены коллективные захоронения (курганы № 19 и 20).

По внешним признакам позднекочевнические курганы резко отличаются от более древних: они имеют вид небольших земляных насыпей диаметром от 5 до 7 м и высотой 0,5—0,8 м. Погребения содержат однообразный инвентарь и совершены по однотипному ритуалу. Весьма однообразна и форма могильных сооружений: прямоугольные ямы, длинной стороной ориентированные по линии восток—запад, скелеты лежат вытянуто, на спине, головой на запад, иногда с отклонением на юго-запад. Почти во всех могилах вдоль северной стенки устроена ступенька до 25 см шириной, на которую клались концы колотых плах, служивших перекрытием.

В одной могиле вместе с погребенным лежали кости коня — череп и кости ног (курган № 5, погребение 2). Они помещались с левой стороны, на приступке. Голова коня, как и у погребенного, обращена на запад. На спине было седло, от которого сохранились железные стремяна и кусочки бересты. Особенно интересны костяные обкладки средней части лука; на одной из пластинок отчетливо выцарапана арабская надпись.

Могильный инвентарь большинства этих погребений очень беден, тем не менее он весьма выразителен и характерен. Среди наиболее типичных предметов отметим железные наконечники стрел плоской формы с тупым

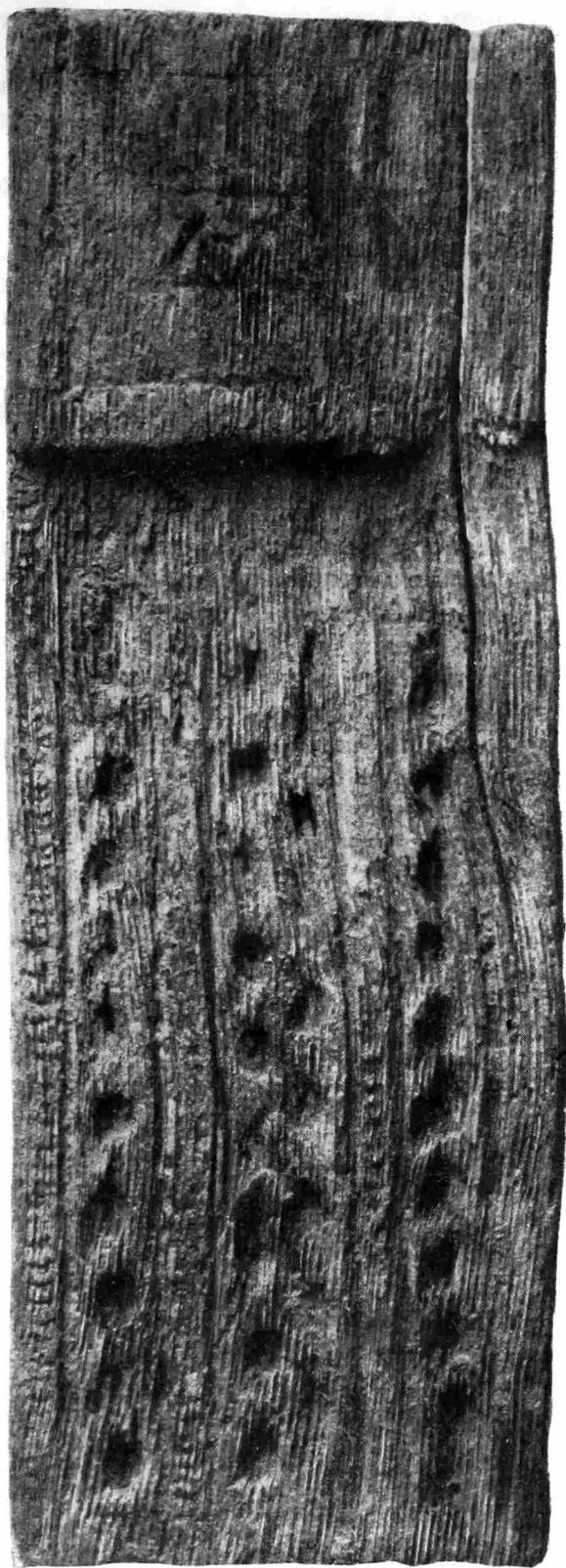

Рис. 36. Деревянный орнаментированный предмет из кургана № 10 (погребение 1) у с. Скатовки.

концом и круглым в сечении черешком и железные стремена дугообразной формы, с широкой подножкой и расплющенной верхней частью дуги, с прямоугольным продолговатым отверстием для ремня. В одной из могил (курган № 15) обнаружен красноглиняный кувшин золотоордынского типа (рис. 31—10).

Очень интересны находки некоторых деталей одежды. В мужских погребениях обнаружены сравнительно хорошо сохранившиеся кожаные сумки, которые прикреплялись к поясу и носились сбоку. Такие сумки неоднократно отмечались среди находок в кочевнических погребениях, исследованных на территории между Волгой и Уралом¹.

Перечисленный инвентарь, как и весь ритуал, имеет многочисленные аналогии среди кочевнических захоронений степей Северного Прикаспия. Несомненно, эта группа погребений принадлежит в основном кочевому тюркскому населению, жившему по берегам Волги и в степях Заволжья в период XI—XV вв.

Наиболее поздние — погребения без вещей. Они устроены под оградками из сырцового кирпича (курган № 19) и хронологически относятся к позднезолотоордынскому времени — XV в.

В заключение следует отметить, что раскопки 1953 г. дали важные факты, позволяющие установить более высокий уровень хозяйственного развития племен, носителей древнеямной культуры. Новые материалы показывают, что скотоводство в Заволжье уже с III тысячелетия до н. э. занимало в хозяйстве племен ямной культуры более видное место по сравнению с охотой и рыболовством.

В погребениях срубной культуры Скатовского могильника, среди находок бронзовых предметов и особенно керамики (рис. 31—6, 7, 8) отмечается чрезвычайная близость и сходство с предметами и керамикой, относящимися к абашевской культуре. Новые данные позволяют в ином аспекте (в отличие от гипотезы К. В. Сальникова)² ставить вопрос о происхождении абашевской культуры.

---

¹ Совершенно аналогичные кожаные сумки с ремнем были широко распространены у казахов в XIX в. и являлись принадлежностью мужской одежды. Замечательные этнографические рисунки художника Вл. Плотникова позволяют проследить бытование таких элементов одежды на протяжении многих столетий. А. С. Бежкович. Этнографические рисунки Вл. Плотникова по быту казахов. СЭ, 1953, № 4, стр. 116, рис. 3—5 и 6—5.

² К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале, СА, XXI, 1954, стр. 52.

Б. З. ГАМБУРГ и Н. Г. ГОРБУНОВА

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

(Предварительное сообщение)

В результате археологической разведки, проведенной Ферганским областным краеведческим музеем в южной и юго-восточной частях Ферганской области Узбекской ССР, в июне 1954 г. на археологическую карту области было нанесено свыше 84 памятников. Наиболее многочисленную группу среди них составляют курганные могильники.

Внимание экспедиции привлек большой могильник вблизи районного центра Вуадиль¹. Обнаруженные там надмогильные сооружения в виде плоских каменных выкладок до сих пор в Ферганской долине не встречались.

Могильник находится на юго-западной окраине селения, в 25 км к югу от г. Ферганы, на землях колхоза им. Ворошилова (Бой-махалля). Курганные насыпи и выкладки тянутся по северным оконечностям адыра гор Гузал (северные отроги Алайского хребта) и расположены на вершинах увалов, образованных глубокими оврагами с сухими руслами, пересекающими адыр. Протяженность могильника с юга на север — около 2 км и с востока на запад — 2,5 км. Всего здесь насчитывается 273 могильных сооружения. С восточной и северо-восточной сторон могильник ограничен Шахимардан-саем и его ответвлениями, на севере подходит вплотную к сел. Вуадиль, соединяясь с современным узбекским кладбищем; на юге, там, где увалы переходят в равномерно повышающееся плато, курганы не обнаружены.

Адыр, на котором расположен могильник, состоит из галечниковых конгломератов, покрытых тонким слоем лёсса с незначительным растительным покровом.

Уже при первом ознакомлении с памятником четко выделяются три основных типа могильных сооружений:

1. Курганы с насыпью из крупной гальки с небольшим количеством земли. По краям насыпи, как правило, прослеживается каменное кольцо. Средняя высота насыпи — от 0,5 до 1 м, диаметр — от 4 до 15 м. Большая часть курганов этого типа расположена в юго-восточной части могильника.

2. Курганы с земляной насыпью и небольшим количеством гальки, задернованные. Средняя высота их — от 0,2 до 1 м, диаметр — от 3 до 20 м. Основная масса курганов этого типа находится в северо-восточной части могильника.

---

¹ Впервые этот могильник, как и ряд других памятников, был обнаружен любителем-краеведом П. Т. Коноплей, которому авторы статьи выражают свою глубокую благодарность.

3. Выкладки из обломочных пород и галек, имеющие разнообразные формы и размеры. Выкладки разбросаны по всему могильнику небольшими отдельными группами и между курганами первого и второго типов.

Разнообразие могильных сооружений позволяло предполагать разновременность погребений. Произведенные в 1954 г. раскопки подтвердили это предположение. В курганах первого типа вскрыты катакомбные захоронения первых веков нашей эры. Намогильные сооружения второго типа были уже известны по раскопкам некоторых других могильников в Ферганской долине, в непосредственной близости от Вуадильского, и являются характерными для захоронений первых веков нашей эры¹.

В настоящей заметке излагаются результаты раскопок могильных сооружений третьего типа.

Выкладки (их насчитывается свыше 70) расположены небольшими отдельными группами (от 3 до 16 в группе) в западной части могильника; в восточной они разбросаны поодиночке между курганами. Видимо, здесь большая часть их уничтожена при устройстве курганов.

По внешнему виду выкладки разделяются на несколько типов: А) округлой формы с намечающимся внешним кольцом и частичным заполнением середины галечником и обломочными породами (рис. 37—А); Б) небольшие овальные оградки, образованные выступающими на поверхность земли камнями могильной ямы (рис. 37—Б); В) овальные и подпрямоугольные, имеющие оградки из плотно прилегающих друг к другу небольших галек (рис. 37—В); Г) прямоугольные, иногда подквадратные выкладки с аналогичным типу А заполнением середины (рис. 37—Г). Выкладки типа А и Г встречаются и в западной, и в восточной частях могильника; выкладки типа В отмечены только в западной, а типа Б — только в восточной части.

Нами раскопано 12 выкладок всех четырех типов в обеих частях могильника. Принцип устройства могильной камеры везде был одинаков. Под выкладкой, чаще всего сразу под дневной поверхностью, обнаруживается грунтовая могильная яма, границы которой четко прослеживаются по краям камней или плит, уходящих вниз. Стенки ямы были как бы облицованы или поставленными со слабым наклоном наружу вытянутыми уплощенными окатанными гальками (рис. 38—1), или сланцевыми плитами (рис. 38—2), образующими каменный ящик с грунтовым дном. Число галек в таких ящиках варьирует от 8 до 11. Необходимо отметить, что выкладкам типа В, с оградкой из не крупной гальки, соответствуют могильные ямы с каменными ящиками из сланцевых плит.

Во всех раскопанных погребениях яма была овальной формы. Средняя длина ее (по верхнему внутреннему краю камней ящика) — 1—1,6 м, ширина — 0,9—1,2 м, глубина — 0,8—1 м. Одиннадцать из вскрытых нами могил ориентированы длинной осью по линии запад—восток и только одна (погребение 139, выкладка типа Б) — в направлении север—юг. Ввиду того что гальки, образующие каменные ящики, поставлены наклонно, ямы обычно сужаются книзу, достигая размера 0,9—1,3 × 0,7—1 м.

Погребальный инвентарь отличается крайней бедностью, так как все захоронения в большей или меньшей степени подверглись ограблению. При этом в ряде случаев была разрушена облицовка могильных ям; камни, составляющие ящик, выброшены на поверхность.

В 6 погребениях удалось обнаружить только мелкие фрагменты человеческих костей (выкладки 29, 38, 40, 102, 138, 139), а в двух (выкладки 39 и 153) вместе с остатками костей найдены фрагменты керамики. Наиболее интересные находки, позволяющие датировать захоронения, сделаны в погребениях 34 и 37.

¹ Неопубликованные данные о работах Памиро-Ферганской комплексной археологическо-этнографической экспедиции 1950—1952 гг.

Погребение 34 на поверхности было отмечено округлой плоской каменной выкладкой диаметром 6 м, возвышающейся на 0,3 м. С востока она ограничена вытянутой с севера на юг невысокой оградкой из галечника (тип В). В средней части положено 8 крупных галек. В юго-западной части

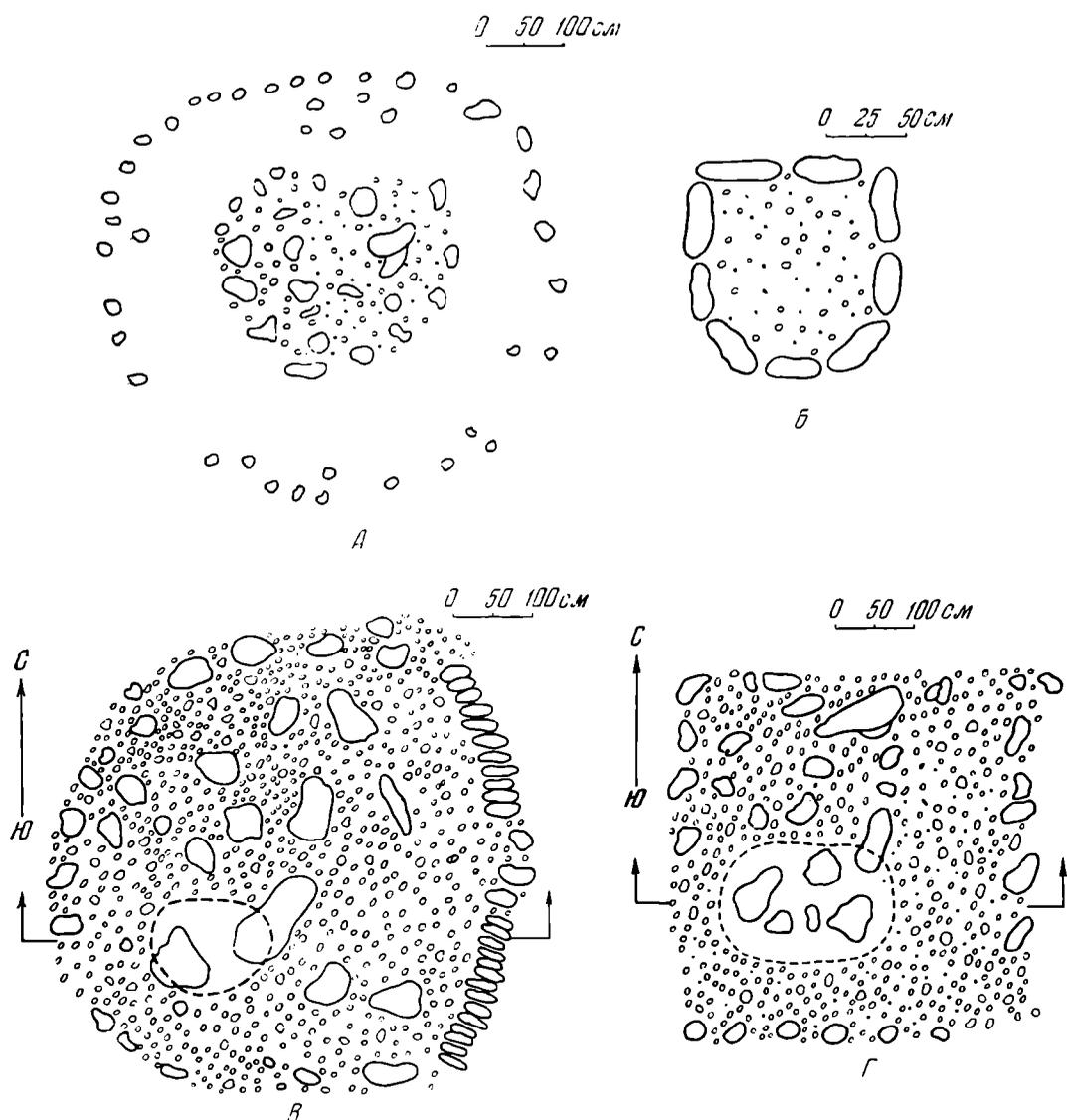
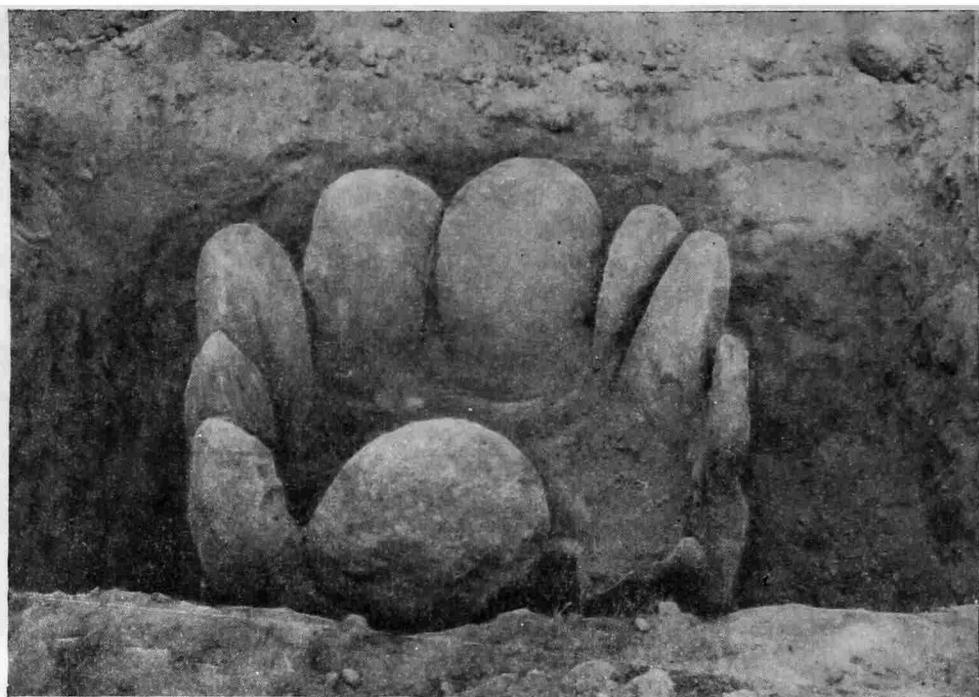
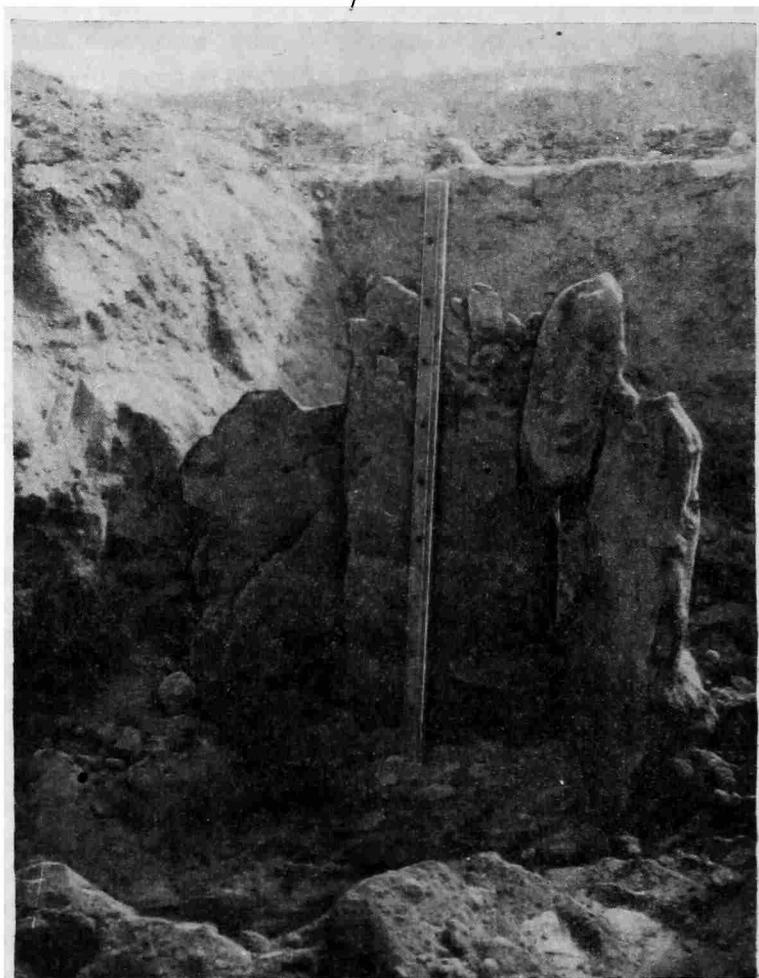

Рис. 37. Типы намогильных выкладок.

насыпи была устроена могильная яма размерами 1,5 м по линии запад — восток и 1,1 м в направлении север—юг. Захоронение подвергалось ограблению, причем грабителями разрушен каменный ящик, состоявший из сланцевых плит. О первоначальном виде могильной ямы можно судить по остаткам одной из таких плит в центре северной стенки. На глубине 0,8 м, на грунтовом дне в западной части могильной ямы обнаружены: бедренная кость, часть нижней челюсти и ребра взрослого человека; в северной и северо-восточной частях — фрагменты костей предплечья и у восточного края сохранившейся плиты — мелкие фрагменты черепных костей; у западного края плиты найдены аккуратно сложенные черепки глиняного сосуда. Обнаруженные фрагменты позволили восстановить сосуд целиком (рис. 39—1). Это сильно закопченный горшок ручной лепки, изготовленный из коричневого теста с примесью большого количества дресвы. Сосуд асимметричен, со слабо округлым туловом и плавным переходом к слегка отогнутому венчику; дно чуть вогнуто внутрь. По плечикам нанесен узор

1

2

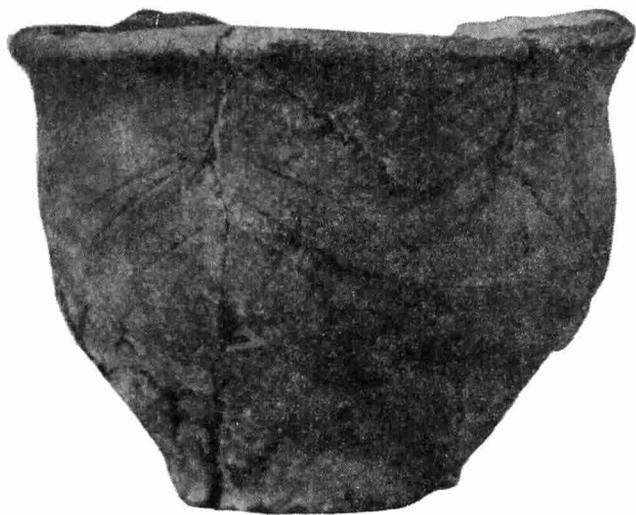
Рис. 38. Типы каменных ящиков.
1 — погребение 153; 2 — погребение 29.

из трех рядов параллельных ломаных линий; линии прочерчены небрежно, заостренным предметом, до обжига. Высота сосуда — 11,5 см, диаметр венчика — 16,8 см, диаметр дна — 7,5 см, тулова — 15,7 см. Толщина стенок колеблется от 0,4 до 0,6 см. Помимо этого, обнаружены 3 фрагмента от другого сосуда. Полностью восстановить его форму нельзя, однако можно предположить, что он был более округлой формы, с намечающимся поддоном и почти прямым венчиком.

Намогильное сооружение погребения 37 представляет собой выкладку подквадратной формы с длинной стороной, равной 4,5 м. На расстоянии 0,5—0,6 м к югу от южного края камней, заполняющих середину выкладки, положено 6 окатанных галек средней величины. Они лежали по линии запад—восток на 3 м в длину. На глубине 0,3 м в юго-западной части выкладки по выступающим краям камней четко определилась могильная яма размерами 1,5 × 2 м. Погребение подверглось ограблению, причем южная стенка ящика была частично разрушена. Сохранилось 10 галек, тогда как первоначально их было 11—12. Средний размер галек — 80 × 30 см и 70 × 40 × 15 см. Гальки поставлены слегка наклонно и, плотно соприкасаясь друг с другом, образуют каменный овальный ящик, расширяющийся сверху. Длинной осью он ориентирован по линии запад—восток.

Внутри ящика, начиная с глубины 0,55 м и до 1 м (до грунтового дна), встречены фрагменты костей человека. На дне вскрыто нарушенное грабителями захоронение. Костяк, от которого сохранились череп, шейные позвонки и отдельные кости, был ориентирован на восток. Череп лежал в восточной части ящика лицом на юг. Кости предплечья находились под головой *in situ*. Очевидно, скелет лежал на боку с подложенной под голову левой рукой, в позе «спящего человека». Помимо сохранившейся части костяка и фрагментов длинных костей, повидимому, относящихся к нему же, в северо-западной половине ящика обнаружены фрагменты нижней челюсти и затылочной кости еще одного скелета.

К северу от черепа найдены фрагменты глиняного сосуда. Удалось восстановить его форму. Это невысокий асимметричный сосуд (до 17 см

1

2

Рис. 39. Сосуды из погребений могильника у с. Вуадиль.

1 — из погребения 34; 2 — из погребения 37.

высотой) с ярко выраженным поддоном (диаметр дна — 8 см), с округлым, приближающимся к шаровидному, туловом и сильно отогнутым венчиком (рис. 39 — 2). Сосуд вылеплен из черно-серого теста с большой примесью дресвы. Обжиг слабый, черепок слоистый. Толщина стенок — 7 мм. Нижняя половина сосуда сильно закопчена.

На левой руке, лежавшей под головой, был надет браслет, состоящий из 45 бронзовых бусин (рис. 40 — 1). Бусы, в виде маленьких колец с сомкнутыми концами, сделаны из бронзовой толстой треугольной в сечении проволоки. По центру лицевой стороны каждой бусины идет слегка высту-

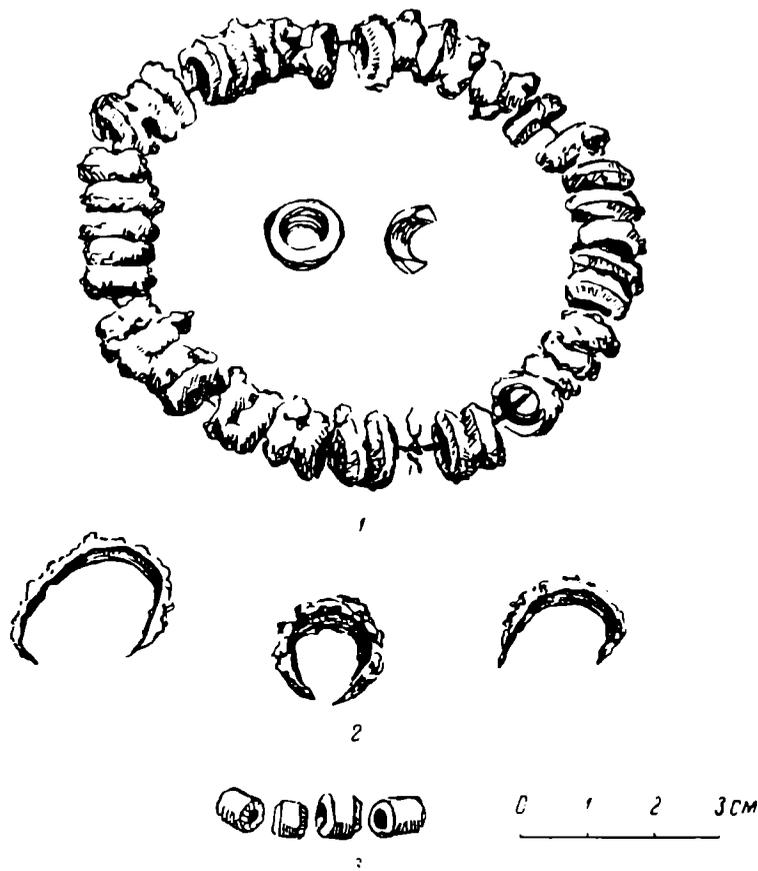

Рис 40. Украшения из погребения 37.

1 — браслет из бронзовых бусин; 2 — бронзовые кольца; 3 — пастовые бусы.

пающее ребро. На той же руке обнаружены 3 плоских бронзовых кольца с заостренными несомкнутыми концами (рис. 40 — 2) и 4 небольшие цилиндрические бусины из белой пасты (рис. 40 — 3). Кольца сделаны из бронзовых выпукло-вогнутых пластинок максимальной ширины 6,5 мм.

Сопоставление керамики из погребений 34 и 37 с фрагментами посуды из погребений 153 и 139 показывает их полную идентичность, хотя устройство погребальных сооружений различно (погребение 139 — выкладка типа А, погребение 34 — типа В, погребение 37 — типа Г, погребение 153 — типа Б).

Типичное для захоронений под выкладками устройство могильной камеры в виде каменного ящика аналогично устройству каменных ящиков без перекрытия, с грунтовым дном, характерных для всей территории распространения андроновских могильников в Южной Сибири и на Алтае¹. Подобного типа погребальное сооружение, относящееся к эпохе бронзы, из-

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 68 и 70.

вестно в долине р. Арпа на Тянь-Шане¹, а также на Северо-восточном Кавказе, в могильниках, датируемых II—I тысячелетиями до н. э.²

Несмотря на крайнюю бедность находок, они настолько характерны, что можно ставить вопрос о датировке вскрытых погребений и принадлежности их к определенной культуре.

Ближайшие аналогии сосуду из погребения 34 мы находим в керамике андроновских могил Западного Казахстана³ и Южной Сибири⁴. Однако сходство это ограничивается формой, так как по невыразительности и архаичности орнаментики вуадильский сосуд скорее напоминает керамику эпохи бронзы из окрестностей Ташкента⁵.

Второй сосуд (из погребения 37) близок по форме сосудам с Каиндинских стоянок (долина р. Чу)⁶, отличаясь отсутствием орнаментации. Видимо, близки каиндинским формам и сосуды из других погребений, о чем можно судить по сохранившимся фрагментам.

Бронзовые бусы из проволоки, согнутой в кольцо, характерны для украшений из андроновских могил Южной Сибири⁷. Типичны для андроновской культуры также белые пастовые цилиндрические бусы⁸ и бронзовые кольца с заостренными концами⁹.

Тождественность собранного нами материала с андроновским с различных территорий, некоторая архаичность форм и орнаментации керамики, даже в пределах указанных аналогий, позволяют ориентировочно датировать погребения Вуадильского могильника II тысячелетием до н. э. и отнести их к памятникам андроновского круга культур.

Вуадильский могильник — первый памятник такого типа в Узбекистане, хотя открытые С. П. Толстовым памятники тазабагыбской культуры¹⁰ и многочисленные отдельные находки¹¹ свидетельствуют о бытовании андроновской культуры или ее местного варианта (тазабагыб) на территории республики.

Многочисленные находки, относящиеся к эпохе бронзы, известны и на территории Ферганской долины. Это материалы с поселения эпохи бронзы близ Чуста¹², расписная керамика Дальверзинского городища¹³ и случайные находки¹⁴, характеризующие раннеземледельческую культуру Ферганы эпохи бронзы и находящие себе ближайшие аналогии в анауской культуре. Однако отдельные находки указывают и на существование в Ферганской долине в эпоху бронзы культуры с пастушеско-скотоводческими формами

¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 19.

² А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. (Тезисы кандидатской диссертации.) КСИИМК, XIII, 1946, стр. 132.

³ М. П. Грязнов. Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», I, 1927, рис. 20, 2.

⁴ С. В. Киселев. Указ. соч., табл. VIII, рис. 15.

⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, рис. 69, XV, 7.

⁶ Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, табл. XXX, рис. 5.

⁷ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 78.

⁸ Там же, стр. 79.

⁹ Материалы и исследования по археологии Сибири, т. I. МИА, № 24, 1952, стр. 39, рис. 22, 29.

¹⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 66.

¹¹ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Известия УзФАН, № 9, 1940, стр. 30—31.

¹² М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. II. Ташкент, 1953, стр. 53—57.

¹³ Там же, стр. 56.

¹⁴ Там же, стр. 56; Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Труды Института истории и археологии Академии наук УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 32—33, табл. II, рис. 1.

хозяйства, аналогичной степной культуре андроновско-карасукского типа. Это фрагменты керамики, найденные около города Ош¹, бронзовые браслеты с рожками, обнаруженные в районе Узгена (один целый, а от второго сохранился фрагмент), датированные М. Е. Массоном (в 1927 г.) эпохой бронзы².

Узгенские браслеты — литые, имеющие вид выпукло-вогнутых в сечении пластин с округло расширяющимися несомкнутыми концами. В узкой части ширина пластины достигает 3,7 см; диаметр округлых расширений — 4 см. В центре каждого расширения выступает наружу рожок длиной 4 см, украшенный спиральным орнаментом. Поверхность браслета вокруг рожка покрыта орнаментом в виде концентрических кругов и насечек, а остальная поверхность — резным орнаментом, состоящим из четырех

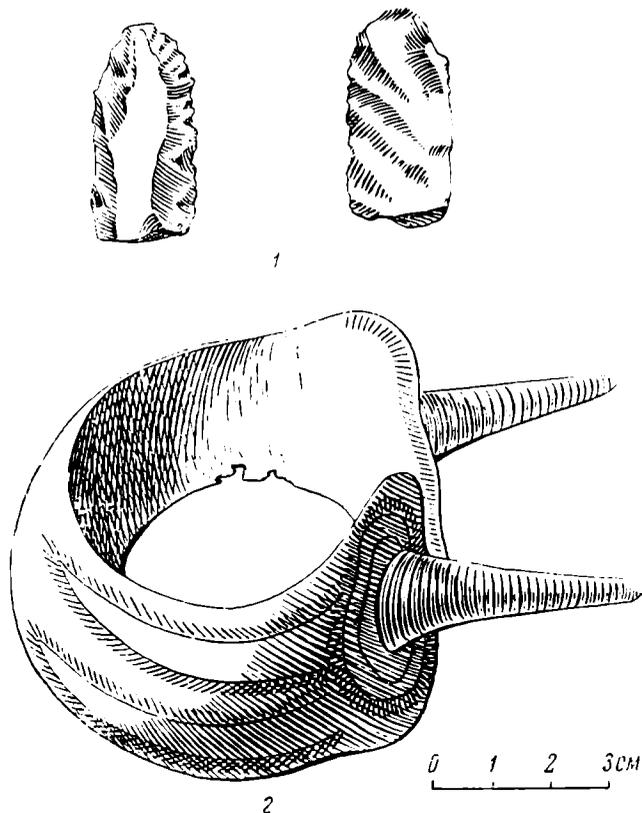

Рис. 41. Каменное орудие (1) и браслет (2) из коллекций Ферганского областного музея.

встречных вытянутых треугольников, также обрамленных насечками (рис. 41—2). Аналогичные браслеты найдены в Ташкентской области и отнесены М. Э. Воронцом к андроновскому этапу эпохи бронзы³.

Найденное во время разведки небольшое кремневое орудие типа ножевидной пластинки с ретушированным рабочим краем (рис. 41—1) можно отнести также к находкам, датируемым периодом эпохи бронзы. Орудие найдено на развалинах крепости II—IV вв. н. э. близ сел. Арсип, Ферганского района. Не исключена возможность отнесения этой находки к памятникам

предшествующего периода, тем более что в литературе есть указания на несомненное наличие в Ферганской долине культур каменного века⁴.

Таким образом, открытие могильника эпохи бронзы в Ферганской долине не случайное, а вполне закономерное явление, подтверждающее существующую точку зрения о двух основных формах развития культуры эпохи бронзы в Фергане, базирующихся на пастушеско-скотоводческой и земледельческой формах хозяйства⁵.

Крайне интересным оказался более чем скромный краниологический материал могильника, представленный черепом из погребения 37⁶.

¹ А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 186.

² Хранятся в фондах Ферганского областного краеведческого музея, инв. № 278. Публикуются впервые.

³ М. Э. Воронцов. Браслеты бронзовой эпохи Музея истории Академии наук УзССР. Труды Института истории и археологии Академии наук УзССР, т. I, Ташкент, 1948.

⁴ А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 186.

⁵ Там же.

⁶ Определение черепа сделано В. В. Гинзбургом, которому авторы выражают свою признательность.

В. В. Гинзбург относит череп к долихокранному европеоидному типу и считает его приближающимся к типу протоевропеоида. По его мнению, в этом аспекте череп стоит близко к черепам эпохи бронзы из Туркмении, Бухары, Гиссара (Туп-хона).

То обстоятельство, что череп из Вуадильского могильника оказался близок палеоантропологическим материалам из западных районов Средней Азии, приобретает особое значение в свете фактов, указывающих на существование культурных связей в эпоху бронзы населения Ферганской долины с населением более западных областей и даже Передней Азии. Об этом свидетельствует близость материала из Чустской стоянки с материалами соответствующих слоев Анау и Намазга-тепе, наскальные изображения из урочища Саймалы Таш, из которых наиболее ранние, датируемые А. Н. Бернштамом II—I тысячелетиями до н. э., совершенно аналогичны росписям передневозточной керамики типа Сузы I—II¹.

Вполне вероятно, что Ферганская долина еще в эпоху бронзы была одним из центров активных этно-культурных связей населения Тянь-Шаня и Южной Сибири с населением западных районов Средней Азии.

Эта проблема, как и ряд других вопросов, — уточнение датировки могильника и этнической принадлежности населения, оставившего могильник, — могут быть решены только в результате дальнейших раскопок памятников эпохи бронзы на территории Ферганской долины.

---

¹ А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы Таш. СЭ, 1952, № 2, стр. 65 и сл., рис. 4.

Н. Н. ПОГРЕБОВА

ПОГРЕБЕНИЕ НА ЗЕМЛЯНОМ ВАЛУ АКРОПОЛЯ КАМЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Во время работ Скифской степной экспедиции на Каменском акрополе (с. Б. Знаменка Запорожской области) в 1953 г. сотрудником экспедиции В. П. Петровым были обнаружены у местной жительницы А. П. Асеевой три золотые пластинки, три золотые же пронизки, два глиняных сосуда и набор стеклянных разноцветных бус. По сообщению А. П. Асеевой, вещи эти найдены на ее усадебном участке, примыкающем к восточной части земляного вала акрополя, при выборке из насыпи вала глины для хозяйственных надобностей. Находки эти, повидимому, составляют часть погребального инвентаря, так как в яме были и человеческие кости. Еще раньше здесь же обнаружены еще два глиняных сосуда, которые поступили в Запорожский музей.

Во время произведенного на месте находок обследования склона вала отмечены лишь следы погребальной ямы, деформированной разработками глины с юга и востока и, повидимому, грабительским ходом сверху. Судя по размерам, — длина свыше 4 м и ширина свыше 2 м, — это, вероятно, была катакомба (земляной склеп). Уровень дна могилы находился на глубине 3 м от современной вершины вала и на 0,24 м ниже современной поверхности у его подножия. При доследовании в могиле найдено несколько обломков человеческих костей, в том числе черепа, и одна дольчатая бусина прозрачного зеленого стекла; еще три бусины обнаружены в насыпи вала по соседству с могилой. Одна из них, — цилиндрическая, непрозрачного темносинего стекла с полосатым желтым орнаментом, — как и дольчатая, находит себе аналогии среди бус, найденных ранее.

Сопоставление сосудов из разрушенного погребения с сосудами, попавшими в Запорожский музей, показывает, что все они входили, вероятно, в единый комплекс погребального инвентаря позднескифского времени. Приведем краткое описание находок.

Три золотые пластинки представляют собой комплект ритуальных лицевых пластин для наложения на глаза и губы покойного. Все они сделаны из тонкого листового золота и окаймлены по краю выдавленным изнутри точечным бордюром. Пластина нагубника — плоская, наглазники — выпуклые. В центре каждого наглазника — выпуклость, имитирующая глазное яблоко. В центре нагубника выделяются выдавленные с обратной стороны вертикальные полоски, изображающие, повидимому, зашитый рот. Размеры нагубника: длина — 8,8 см, ширина — 3,9 см; наглазников: длина — 4,5—4,7 см, ширина — 2,5—2,6 см (рис. 42).

Глиняная краснолаковая чашка относится к типу «мегарских». Лак коричневатокрасный, в верхней части сосуда переходит в черный. Чашка покрыта рельефным орнаментом, который располагается горизонтальными

полосами, отделяющимися друг от друга узкими рельефными поясками. Бортик подчеркнут двумя врезанными линиями. Верхняя полоса — гладкая, остальные заполнены растительным орнаментом. Во второй полосе чередуются расходящиеся вверх побеги растений и продолговатые шишки пиний. Третья заполнена угольниками с завитками на концах. Ширина трех верхних полос — 1,3 см. В самой широкой четвертой полосе (3,8 см) гладкие ланцетовидные и ромбовидные листья растений чередуются с пальмовыми ветвями. Донная часть сосуда (диаметром 4 см) украшена шестилепестной розеткой в круге. Высота чашки — 5,6 см, диаметр устья — 12,5 см (рис. 43).

Лепная лощеная чашка, которая может быть отнесена к типу корчеватовских остроереберных мисок на кольцевом поддоне. Округлый венчик

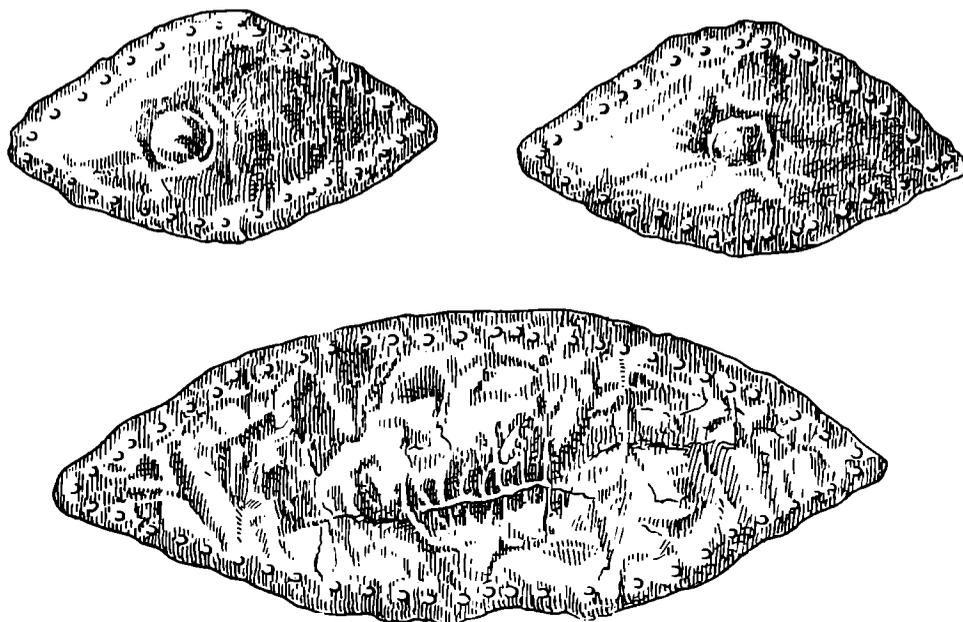

Рис. 42. Золотые наглазники и нагубник из погребения на Каменском акрополе.

слегка отогнут наружу. Контуры сосуда смягченные, профиль ребра округлый. Лощение снаружи желто-черное, внутри — желтое. Высота чашки — 5,5 см, диаметр устья — 10,5 см, диаметр поддона — 5 см (рис. 44).

К этому же комплексу принадлежат три трубчатые пронизки из тонкого листового золота (длина — 1,6—2 см, диаметр отверстия — 2 мм) и набор бус из непрозрачного и прозрачного стекла. Среди бус: а) 13 цилиндрических темного, непрозрачного стекла со втертым полосатым орнаментом (из них 8 бусин с белыми полосками, три — с голубыми и две — с желтыми); длина бусин — 1,2—1,4 см, диаметр — 0,7—0,8 см; б) цилиндрическая бусина черного непрозрачного стекла со втертым белым орнаментом в виде расходящихся усиков растений и желтыми поясками вокруг устьев; длина — 1,7 см, диаметр — 0,9 см; в) 2 бобовидные бусины синего и черного непрозрачного стекла, последняя — со втертым белым пояском; длина бусин — 1,1—1,2 см, ширина — 0,8 см; г) бочковидная бусина непрозрачного, темного стекла с выпуклыми глазками-налепами и втертым белым пояском; глазки — темносиние, в белых и желтых кольцах у основания; длина — 1,5 см, диаметр — 1,3 см; д) 4 округлые дольчатые бусы прозрачного зеленого стекла; длина 1,3—1,7 см, диаметр — 1,8—2 см; е) 2 такие же бусины поменьше: длина — 0,8—0,9 см, диаметр — 1—1,2 см; ж) округлая бусина темносинего прозрачного стекла: длина — 0,8 см, диаметр — 1,1 см.

Сосуды, поступившие в Запорожский музей¹, представляют собой веретенообразный флакон типа известных эллинистических бальзамариев и грубый лепной светильник в форме башмачка.

Рис. 43. «Мегарская» чаша из погребения на Каменском акрополе.

Ближайшие аналогии комплексу этих вещей в целом можно найти в инвентаре мавзолея Неаполя Скифского. В этом мавзолее для наиболее

Рис. 44. Лепная лощеная чашка из погребения на Каменском акрополе.

богатых и ранних погребений характерны комплекты золотых лицевых пластин (наглазники и нагубники); среди них есть типы, очень близкие по стилю и технике каменским пластинам. Здесь мы найдем и выпуклую форму наглазников, и схематическое изображение глазного яблока, и также, повидимому, зашитого рта². Погребения, где найдены наглазники, относятся к концу II—I вв. до н. э.

Другим характерным компонентом погребального инвентаря мавзолея являются веретенообразные флаконы. По узкой вытянутой форме и трем белым полоскам, нанесенным вокруг корпуса, каменский

¹ Мне лично не удалось видеть эти сосуды, однако научный сотрудник музея В. М. Пешанов любезно выслал их фотографии.

² П. Ш у л ь ц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, табл. XXIX, 1, 2, 6, 9, 10, 11, 12.

флакон ближе всего к флакону из погребения мавзолея III¹, которое, наиболее вероятно, нужно датировать концом II в. до н. э., а также имеет близкие аналогии в погребениях Артюховского кургана III—II вв. до н. э.

Профиль лепной лощеной чашки из каменского погребения повторяется, при несколько иных пропорциях верхней и нижней частей, в светлоглиняной чашке из погребения XXV мавзолея Неаполя Скифского². Эта чашка сделана на гончарном круге, но вокруг ее донной части заметны следы светложелтого лощения. Комплекс погребения нужно датировать I в. до н. э.

В другом раннем погребении мавзолея (погребение X, конец II в. до н. э.) найден светильник греческого эллинистического типа³. Светильник есть и среди инвентаря каменского погребения, однако здесь он грубой работы и «варваризованной» формы. Распространение такого рода светильников в быту каменского населения доказывает находка обломка подобного светильника при раскопках Каменского акрополя (раскоп X, 1953 г.)⁴. Золотые трубчатые пронизки, являвшиеся обычным видом украшений еще в скифских «царских» курганах, встречены в мавзолее Неаполя в большом количестве, особенно в основном погребении мавзолея — каменной гробнице⁵.

Весь набор бус из ранних погребений мавзолея Неаполя Скифского напоминает бусы из разрушенного каменского погребения. Точные аналогии цилиндрическим бусам со втертым полосатым орнаментом можно найти в погребении III; там же обнаружены и бобовидные бусы из цветного стекла, иногда с белыми поясками. Боченковидные бусы с выпуклыми глазками-налепами встречены в погребении XIII и в конском захоронении конца II в. до н. э.⁶ Одна лишь мегарская чаша каменского погребения не находит аналогий среди инвентаря погребений мавзолея. Однако вероятная ее датировка — II в. до н. э. (по определению Т. Н. Книпович и Н. М. Лосевой) — не противоречит времени, к которому нужно отнести ранние погребения мавзолея Неаполя и погребение в Каменском акрополе.

Погребение на земляном валу Каменского акрополя, судя по остаткам инвентаря, которые нам удалось собрать, несомненно, отличалось своим богатством. Повидимому, не простой обыватель был похоронен на почетном месте — в земляном валу под городской стеной⁷, может быть, близ городских ворот⁸, т. е. на таком же месте, где сооружен и мавзолей Неаполя, — у самой городской стены близ парадного въезда в город.

Отмеченные черты позволяют говорить о сходстве быта и культуры скифского населения древнего и нового центров скифского государства и лишней раз подчеркивают связь между Нижним Поднепровьем и Крымом в позднескифское время. В конце II в. до н. э. Каменское городище уже утратило свое бывшее значение важнейшего центра Скифии, однако в акрополе городища продолжало жить скифское население и среди него — представители аристократии, которые в погребальных обычаях, повидимому, стремились подражать «столичной» знати. Однако для окончательного решения вопроса о том, откуда и куда шло культурное влияние в эту эпоху, необходимо продолжить исследование захоронений в земляном валу Каменского акрополя, который, судя по находкам там человеческих костей, служил местом погребений. Изучение обряда погребения и инвентаря могил поможет уточнить характер взаимоотношений между Каменским городищем и Неаполем Скифским после перенесения центра степной Скифии в Крым.

¹ П. Ш у л ь ц. Указ. соч., табл. XVIII, 2.

² Там же, табл. XX, 6.

³ Там же, табл. XX, 4.

⁴ Материалы экспедиции 1953 г., ИИМК.

⁵ П. Ш у л ь ц. Указ. соч., табл. I, 14.

⁶ Там же, цветная вклейка III и табл. XXII, 15, и рис. 17.

⁷ По наблюдениям Б. Н. Гракова, по земляному валу акрополя проходила стена из сырцовых кирпичей.

⁸ Широкий прорыв вала в этом месте позволяет предполагать здесь их существование.

П. Д. ЛИБЕРОВ

КУРГАНЫ У СЕЛА ЧЕРЕМУШНЫ

В 1953 г. Харьковский отряд Скифской экспедиции ИИМК¹, наряду с изучением и раскопками городищ и селищ в Валковском районе Харь-

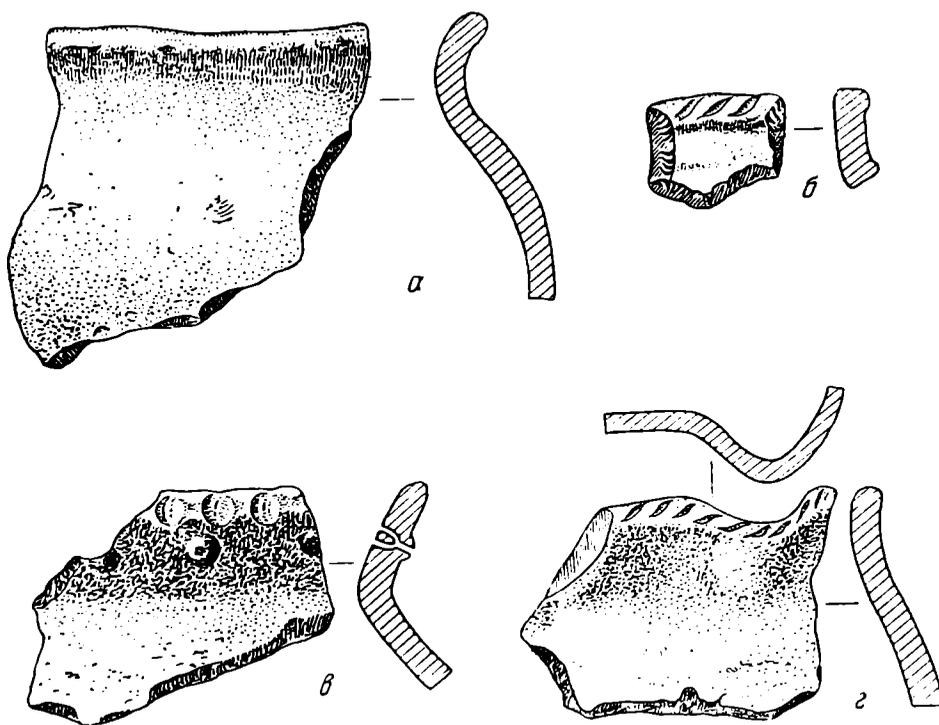

Рис. 45. Фрагменты керамики с курганов у сел Одринка и Черемушны.

ковской области (Огульчанский сельсовет), провел обследование курганных групп в окрестностях сел Огульцы, Одринки и Черемушны.

Особенно большая и очень компактная группа (до 150) курганов расположена на высоком плато между селами Одринки и Черемушны. Курганы здесь разные, есть и достигающие 3 м высоты, и еле заметные, в виде пятен. Почти все они распахиваются. Подъемный материал дает основание заключить, что эта группа относится к скифскому времени (рис. 45) и поэтому особо интересна, но в 1953 г. раскопки здесь организовать не удалось. Вторая группа — значительно меньших размеров и менее компактная — расположена к северо-западу от с. Черемушны, по левую сторону шоссе (на 46—47 км), идущего от Харькова на Полтаву. Здесь, так же

¹ В составе отряда участвовали П. Д. Либеров, Л. В. Артишевская и Н. В. Шленская.

как и в первой группе, есть курганы до 3 м высотой и мелкие, еле заметные, часто лишь в виде желтого пятна на распаханной площади. При осмотре насыпей подъемный материал не обнаружен. В этом могильнике отрядом вскрыто два маленьких кургана (схематический план одного из них приведен на рис. 46).

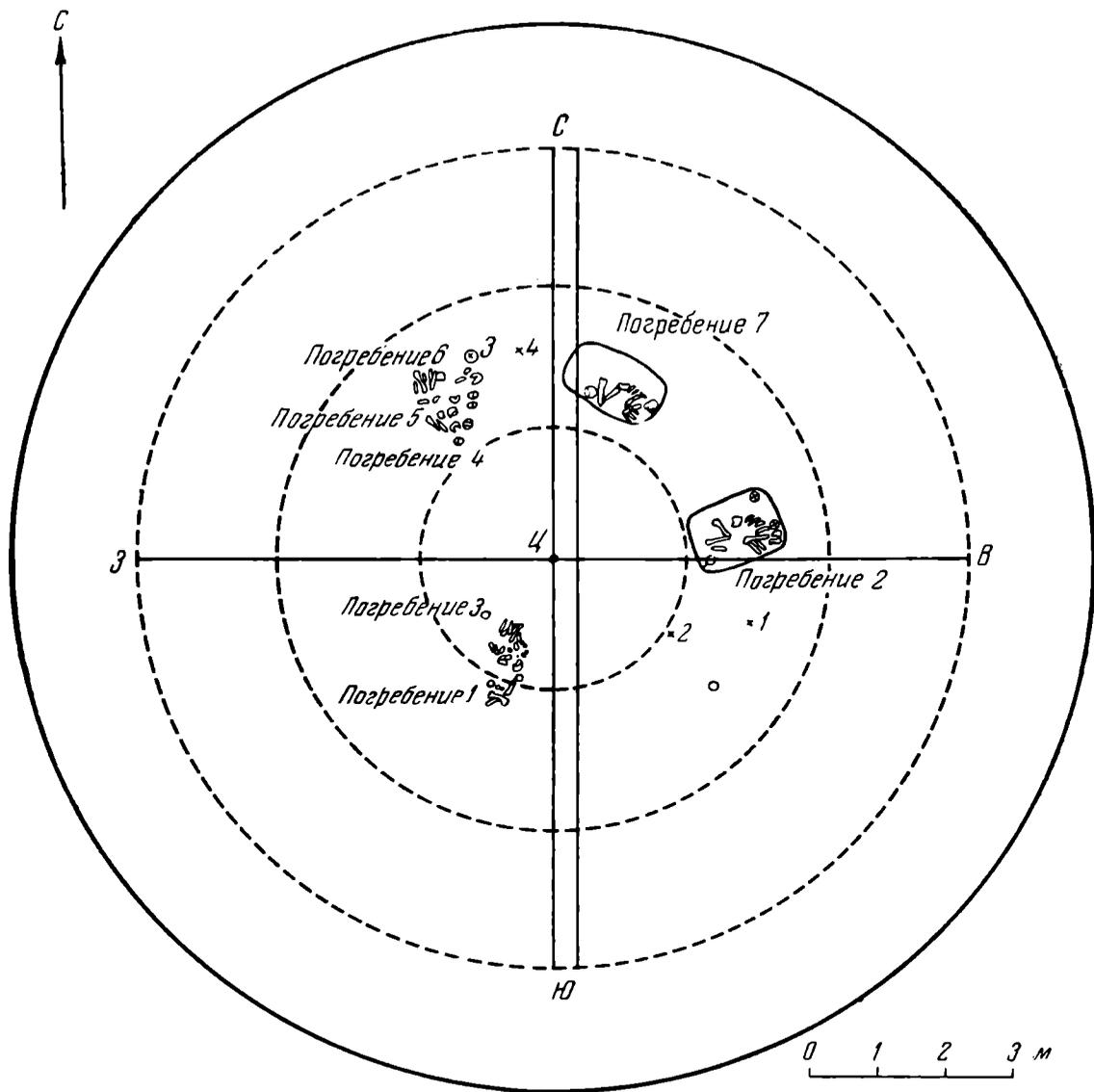

Рис. 46. Схематический план кургана № 2 у с. Черемушны.

1 — обломок лепного сосуда; 2 — лепной горшок; 3 — гнилое дерево; 4 — фрагмент венчика лепного горшка.

Курган № 1 (высотой до 0,4 м, диаметром до 18 м) сильно распахан и едва возвышается над уровнем горизонта. Раскоп диаметром 12 м велся по секторам, траншеями по окружности, шириной 2 м; посредине насыпи оставлена бровка в направлении с юга на север, шириной 0,4 м. На глубине 0,3—0,4 м в юго-восточном секторе найдены: обломки дна и венчика лепного сосуда, украшенного орнаментом по венчику и отверстиями под ним, обычными для керамики скифского времени, и кость лошади (бабка). Там же был обнаружен раздавленный сосуд баночной формы (рис. 47—1); два бесформенных фрагмента стенок сосуда найдены на глубине 0,6—0,7 м, на расстоянии 3—4 м от центра в северо-западном секторе и в 5 м от центра в северо-восточном секторе. Еще один обломок венчика встречен в северо-западном секторе на глубине 0,6 м.

Таким образом, все находки, обнаруженные в южной половине насыпи, залегали не глубже 0,4 м. По глине, орнаменту и цвету сосуды относятся явно к скифскому времени. Фрагменты керамики в северной половине на-

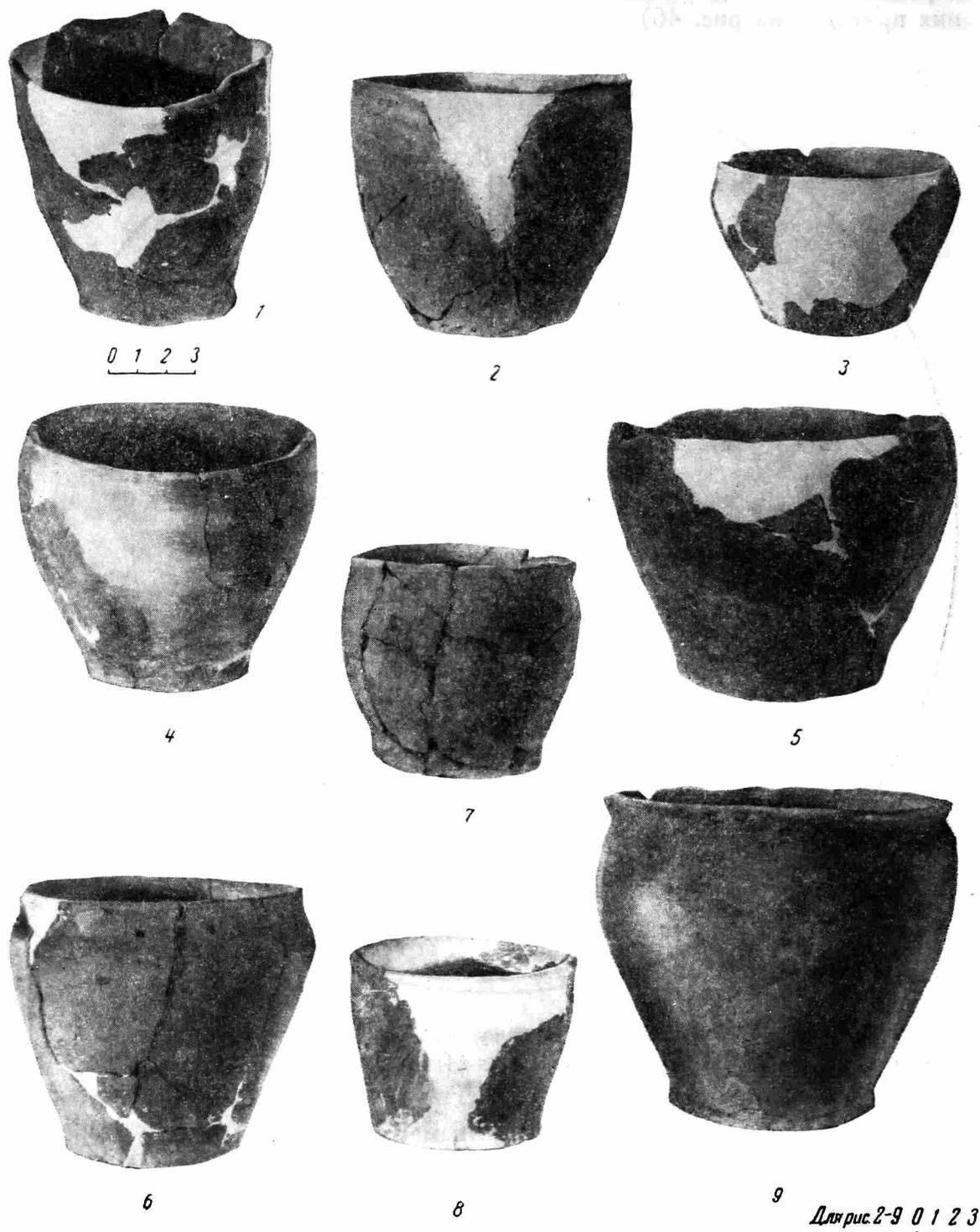

Рис. 47. Сосуды из курганов у с. Черемушны.

1 — курган № 1; 2—9 — курган № 2 (2 — в насыпи; 3 — погребение 1; 4 — погребение 2; 5 — погребение 3; 6 — погребение 4; 7 — погребение 5; 8 — погребение 6; 9 — погребение 7).

сыпи найдены на глубине 0,6 и 0,8 м, т. е. ниже предполагаемого древнего горизонта. Здесь оказался обломок венчика черноглиняного сосуда с прорисованным орнаментом, не характерным для скифского времени. Следует предположить, что находки в южной половине, обнаруженные в насыпи,

имеют непосредственное отношение к погребению, тогда как относительно керамики из северной половины кургана этого, повидимому, сказать нельзя, потому что она встречена ниже древнего горизонта. К тому же по некоторым признакам сосуда эти не свойственны керамике скифского времени.

Далее, в северо-западном секторе в 3 м к северу от центра под бровкой было открыто сгнившее дерево, оказавшееся остатками перекрытия могильной ямы. Оно лежало на глубине 0,9 м от поверхности кургана, по направлению север—юг. На глубине 1,1 м определились контуры могильной ямы неправильной, прямоугольно-овальной формы с закругленными углами. Яма была ориентирована по линии север—юг с небольшим отклонением на северо-восток—юго-запад; ширина ее — 1,5 м, длина — 2,9 м. Засыпка ямы сероватая, в большинстве рыхлая. Глубина могилы незначительна. От уровня, на котором был определен контур (1,1 м), глубина ее оказалась на концах 0,2 м и на середине — 0,25 м. Дно, таким образом, имело несколько корытообразную форму и было углублено на четверть метра в материк. Следы дерева, — возможно, остатки столбиков, — наблюдались также у западной и восточной стенок. Погребение оказалось полностью разрушенным и разграбленным¹. Встречены лишь два обломка длинных костей без эпифизов в северной части могилы, лежавшие на остатках сгнившего дерева, и один обломок длинной кости, также без эпифизов, в южной половине, находившийся в засыпке ямы, на 5 см выше дна. При зачистке дна в южной части обнаружены человеческий зуб и небольшой обломок железного предмета (наконечник стрелы?). На дне попадались также остатки сгнившего дерева и тонкий коричневатый слой тлена.

Керамика, встреченная в южной части насыпи, в сочетании с обломком железного предмета, найденным на дне могилы, позволяет считать, что погребение датируется скифским временем и, может быть, довольно ранним. Баночный сосуд относится также к этому погребению. Форма его не противоречит предлагаемой датировке, так как небольшие сосуды баночного типа встречаются на городищах и селищах этого района и в скифское время.

Курган № 2 находился к востоку от кургана № 1. Высота его не превышает 0,2 м, диаметр — до 16 м. При снятии насыпи на разной глубине раскопа (диаметром 12 м) найдены обломки лепной керамики. В юго-восточном секторе на глубине 0,85 м от вершины кургана оказался один целый сосуд (рис. 47 — 2).

В кургане вскрыто 7 погребений, расположенных по кругу, приблизительно на одинаковом расстоянии от центра (рис. 46), но на различной глубине в черноземном слое, и лишь одно погребение (7-е) было несколько углублено в грунт.

Погребение 1 без признаков могильной ямы обнаружено в 1,6 м к югу и 0,4 м к западу от центра на глубине 1 м от вершины кургана; скелет, сильно скорченный, лежал на левом боку, головой на северо-восток. Сохранность плохая, уцелели только некоторые кости ног и рук; под костями заметен тлен. Повидимому, перед лицом погребенного стоял глиняный, желтого цвета лепной сосуд острореберного типа (рис. 47 — 3).

Погребение 2 находилось в 3,4 м к востоку и 0,25 м к северу от центра, на глубине 1,1 м от вершины кургана. Контуры могильной ямы определились только при зачистке костяка. Яма прямоугольная, длина ее (северо-восток—юго-запад) — 1,3 м, ширина — 1 м; углы закруглены. Костяк лежал на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на восток, кисти рук — перед лицом, колени прижаты к животу. Сохранность костей

¹ Бесформенные сероватые пятна, обнаруженные на уровне грунта, до глубины 0,2—0,6 м, вероятно, являются следами действий грабителей.

плохая. Сверху, по бокам и под костяком замечены остатки сгнившего дерева. В ногах, в юго-западном углу ямы, стоял глиняный лепной горшок баночной формы, темносерого цвета (рис. 47—4).

Погребение 3 обнаружено на глубине 1,1 м, к северу от погребения 1, но так близко, что кости были перемешаны. Могильной ямы проследить также не удалось. В яме лежало два человеческих скелета (взрослый и детский) в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на юго-восток. Погребения плохой сохранности. Детский костяк лежал перед скелетом взрослого; рядом были положены два астрагала. В 0,5 м к северо-западу от ног костяка взрослого стоял лепной, желтого цвета горшок баночной формы (рис. 47—5). При зачистке могилы по краям, особенно с восточной стороны, отмечены остатки сгнившего дерева.

Погребения 4, 5 и 6 находились в северо-западной части кургана, на глубине 0,9 м, в черноземном слое. Погребения детские; скелеты — в скорченном положении, на левом боку, головой на восток. Сохранность костей очень плохая. При каждом костяке перед лицом или грудью стояло по одному лепному сосуду острореберной (погребение 4, рис. 47—6) и баночной формы (погребения 5, 6, рис. 47—7, 8), желто-серого цвета.

Погребение 7 обнаружено в северо-восточной части кургана, на расстоянии 2,6 м от центра, на глубине 1,2 м, в желтоватом грунте. Могила вытянута с северо-запада на юго-восток; длина ее — 1,8 м, ширина — 1 м; углы закруглены. Поверх костяка, на правой стороне груди лежали остатки сгнившего дерева. Отдельные куски его были и по бокам могилы. Костяк, сильно скорченный, лежал на левом боку, головой на юго-восток, руки согнуты в локтях, кисти — перед лицом. На левой берцовой кости стояла средней величины лепной, желтоватого цвета горшок баночной формы (рис. 47—9).

Погребения кургана № 2 отличаются особой устойчивостью погребального обряда: скорченное положение костяков на левом боку, ориентировка главным образом на восток и, отчасти, на юго-восток и северо-восток; при каждом погребении ставился глиняный горшок, чаще в головах и реже в ногах.

Время погребений можно определить лишь предположительно. При изучении керамики прежде всего можно было отметить исчезновение отчетливой острореберности сосудов, признаки которой еще заметны на сосудах из погребений 1 и 4 (рис. 47—3, 6), и отсутствие обычной для эпохи бронзы орнаментации. Поддоны сосудов, достигающие большой выразительности в скифское время, едва намечены. Обращает внимание отсутствие при погребениях следов красной краски. Все эти особенности керамики и погребального обряда позволяют предположить, что курган № 2 возник, вероятно, в конце эпохи бронзы, однако, большого хронологического разрыва между ним и курганом № 1, относящимся к скифскому времени, нет. Погребения обоих курганов сближают в некоторой степени сходный обычай закапывания горшка в насыпи или в почве, отдельно от захоронений, и баночная форма найденных горшков.

У нас нет убедительных данных для отнесения погребения в кургане № 1 к раннескифскому времени, но такое предположение весьма правдоподобно. Следует заметить также, что форма могильной ямы и погребальный обряд, отмеченные в кургане № 1, находят прямые аналогии в большом могильнике скифского времени у с. Люботино¹, расположенного к востоку, на расстоянии около 20 км от исследованного нами могильника.

---

¹ М. Ф. Б р е ч к а. Археологічне дослідження скіфських пам'яток в околицях Люботина. Наукові зап. ХДПІ, т. I, Харків, 1939; Б. А. Ш р а м к о. Пам'ятники скифського часу в басейні Северного Дону. Дисертація. Архів ІИМК.

Б. А. ШРАМКО

КУРГАН И ГОРОДИЩЕ У СЕЛА ЦИРКУНЫ

В настоящее время в бассейне Северного Донца известно более 40 курганных погребений скифского времени, но в подавляющем большинстве они либо почти целиком ограблены, либо содержали весьма незначительный, мало показательный инвентарь. Поэтому очень интересна случайная находка в кургане у с. Циркуны в 1939 г. ряда вещей скифского времени. Находки эти не были опубликованы и большей частью погибли во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., однако в архиве Археологического музея ХГУ имеются фотографии вещей, а в фондах Харьковского исторического музея сохранились обломки амфоры¹. Дополнительные сведения об обстоятельствах находки удалось получить во время поездки в с. Циркуны, при осмотре местности и из беседы с колхозниками, участвовавшими в раскопках кургана. Некоторые детали сообщил в 1949 г. И. Ф. Левицкий, видевший вещи вскоре после их находки.

В 10 км к северо-востоку от Харькова, в окрестностях с. Циркуны, на левом, низменном и песчаном берегу р. Харьков расположен большой курганный могильник. Большинство находящихся в поле курганов уже настолько распаханно, что они едва возвышаются над землей; сохранилось лишь несколько самых больших насыпей. Курган, расположенный в хозяйственной усадьбе колхоза имени С. М. Кирова, очевидно, тоже был большим. В настоящее время диаметр его насыпи — около 28 м, высота — около 1,5 м. Весной 1939 г., при постройке на нем водонапорной башни, на глубине около 2,5—3 м от вершины было встречено погребение, обряд которого восстановить не удалось. Были извлечены остатки скелета², обломки железного меча, несколько десятков бронзовых наконечников стрел и почти совсем целая античная амфора. На место находки выезжал археолог И. Н. Луцкевич, который взял найденные вещи в Археологический музей ХГУ.

Железный меч из циркуновского кургана не сохранился; судя по фотографии, это типичный двухлезвийный короткий скифский меч-акинак (рис. 48—1) длиной около 55 см. Лезвие вытянуто-треугольной формы, сломано на три части, перекрестие и рукоятка сильно повреждены ржавчиной, навершие обломано. На фотографии можно заметить, что перекрестие имело форму треугольника с вогнутым основанием (ласточкин хвост). Навершие без особых украшений, возможно, было плоское, в виде прямоугольника. По сообщению участников работ, рукоятка вначале была цела. По

¹ Фонды Харьковского исторического музея, инв. № 89.

² На сохранившейся в Археологическом музее ХГУ фотографии видны остатки черепа и обломок трубчатой кости. Вообще сохранность костей, судя по снимку, была хорошая, и надо полагать, что из могилы извлечены не все остатки скелета, а лишь те, которые попали в границы котлована для водонапорной башни.

словам И. Ф. Левицкого, навершие меча, насколько он помнил, было плоским и во всяком случае никакой орнаментации в виде стилизованных птичьих голов или когтей хищника не имело. Таким образом, меч из погребения у с. Циркуны был довольно характерного типа, аналогии которому

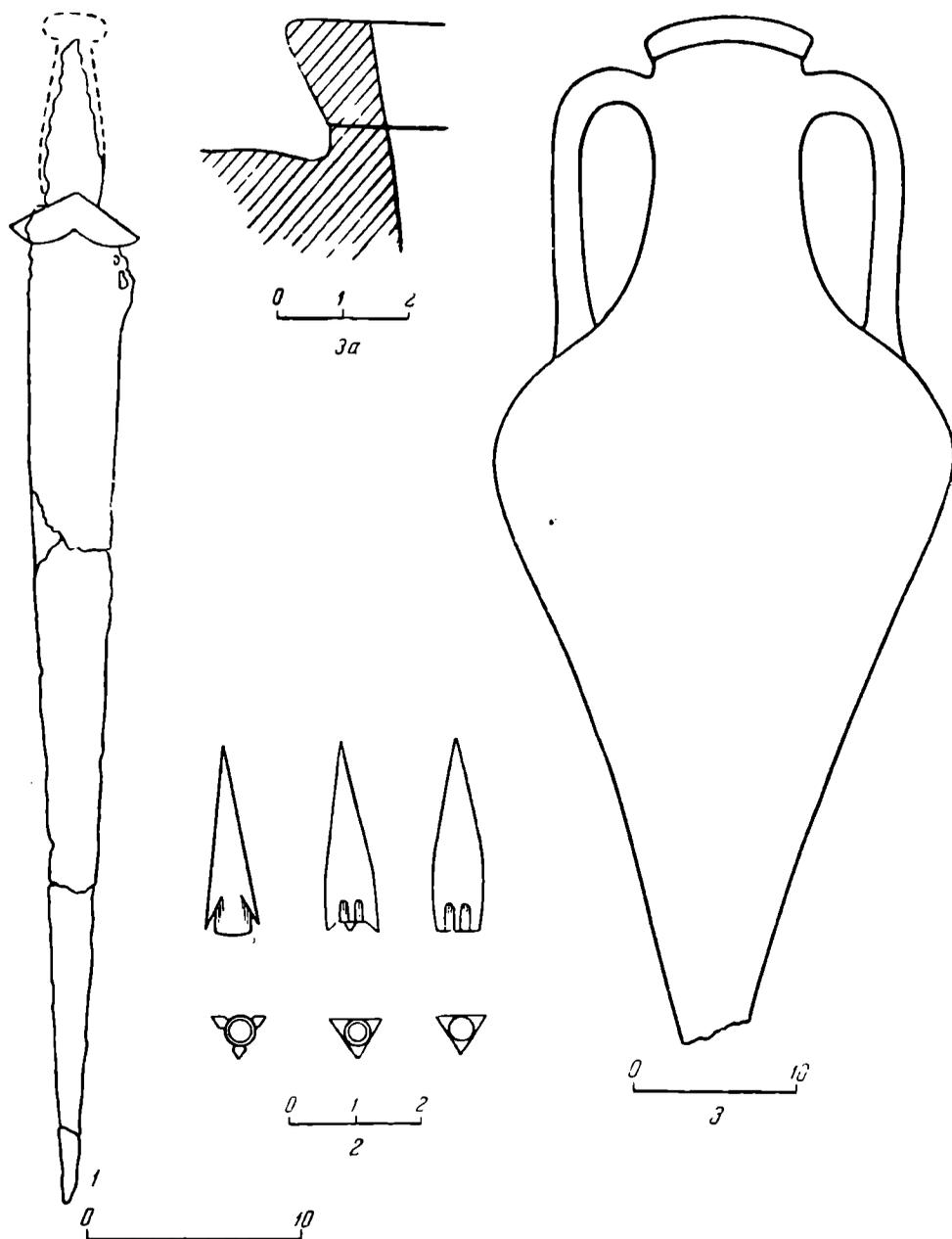

Рис. 48. Вещи из кургана у с. Циркуны.

1 — железный меч; 2 — бронзовые наконечники стрел; 3 — амфора; 3а — сечение венчика и части ручки амфоры.

можно найти в курганных комплексах скифского времени различных мест Северного Причерноморья. Достаточно указать на мечи Чертомлыцкого кургана¹, из кургана № 3 могильника «Частые курганы» под Воронежем². Такого же типа меч или кинжал известен из случайных находок на Во-

¹ Древности геродотовой Скифии, альбом, вып. 2. СПб., 1872, табл. XXXVII, 3; XL, 9, 12, 14.

² С. Н. З а м я т н и н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА. VIII, 1946, стр. 26, рис. 11.

лыни¹. Время бытования таких мечей обычно относят к IV—III вв. до н. э.² но недавняя находка Г. В. Блаватской служит доказательством того, что они появляются еще в начале V в. до н. э.³, хотя, правда, по форме нашедший этот найденный в синдском поселении меч отличается от тех, которые встречаются в степной и лесостепной Скифии.

Весьма характерны бронзовые наконечники стрел, обнаруженные в кургане. Они лежали, повидимому, в колчане, так как, по словам очевидцев, обнаружены в кучке, в одном месте. На сохранившейся фотографии видно 49 наконечников, которые, насколько можно установить по не совсем четкому изображению, принадлежат к трем хронологически вполне одновременным типам (рис. 48 — 2). Такие трехгранные наконечники стрел изящных пропорций с внутренней или с очень слабо выступающей втулкой хорошо известны по курганным погребениям IV—III вв. до н. э.⁴ Амфора из циркуновского кургана также довольно характерна (рис. 48 — 3); у нее сравнительно высокое, расширяющееся книзу горло, веретенообразное тулово и высокая стройная ножка. Кончик ножки обломан. Ручки овальные в сечении. Край венчика плоско срезан сверху и сбоку. Все эти признаки, по определению И. Б. Зеест, позволяют относить циркуновскую амфору к группе фасосских амфор IV в. до н. э.⁵

Таким образом, в кургане у с. Циркуны, очевидно, был похоронен в IV в. до н. э. какой-то представитель местной родо-племенной знати. Считать это погребение принадлежащим рядовому общиннику трудно из-за наличия в нем таких вещей, как меч и античная амфора. Привозные греческие товары несомненно ценились дорого и в памятниках скифского времени бассейна Северного Донца встречаются вообще очень редко. Единичны и находки мечей, которые также не были доступны каждому воину.

Курганный могильник на левом берегу р. Харьков, повидимому, принадлежал населению, которое жило на городище, расположенном также у с. Циркуны, но только на правом, высоком берегу реки. Городище у с. Циркуны (Б. Даниловское) известно в литературе, но изучено еще слабо. Обнаружено оно впервые в 1925 г. А. Потаповым и М. Фуксом. Последний дал довольно подробное топографическое описание оборонительных сооружений, но из вещественного археологического материала отмечает только фрагменты сосудов с венчиками, орнаментированными сквозными проколами⁶. В 1950—1952 гг. мной были произведены разведки на городище, во время которых заложено несколько шурфов в разных его частях, снят план (рис. 49) и собран небольшой подъемный материал⁷.

Сборы на поверхности и шурфы дали вполне однородный материал раннего железного века. Культурный слой средней насыщенности не идет глубже 0,45 м. Наряду с многочисленными фрагментами сосудов найдены обломки кварцитовых зернотерок, точильный брусок из песчаника, куски

¹ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. III, Киев, 1900, табл. XXXVIII, 167.

² W. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928, стр. 33.

³ Н. И. Соколовский. Боспорские мечи. МИА, № 33, 1954, стр. 143, табл. IV, 1.

⁴ P. Ra u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, 1929, табл. IX, 1 (Солоха), XI, 1 (Мастюгино), XII, с (Александрополь), XII ф. к (Чертомлык), IX, 2 (Чмырева могила), XI, 2в (Шульговка) и др.

⁵ И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, 1951, стр. 114, рис. 3, 1; е е же. Керамическая тара Елисаветовского городища и его курганного некрополя. Там же, стр. 121.

⁶ М. Фукс. Про городища скитської доби на Харківщині. Записки ВУАК, т. I, Київ, 1931, стр. 102, 103.

⁷ Б. Шрамко. Отчет о работе Северодонецкой скифской археологической экспедиции ХГУ в 1951 г. (рукопись), стр. 37—42; е го же. Отчет об археологических исследованиях ХГУ в 1952 г. (рукопись), стр. 13, 14. Рукопись и находки — в Археологическом музее ХГУ, инв. № 1309—1314, 1361, 1362.

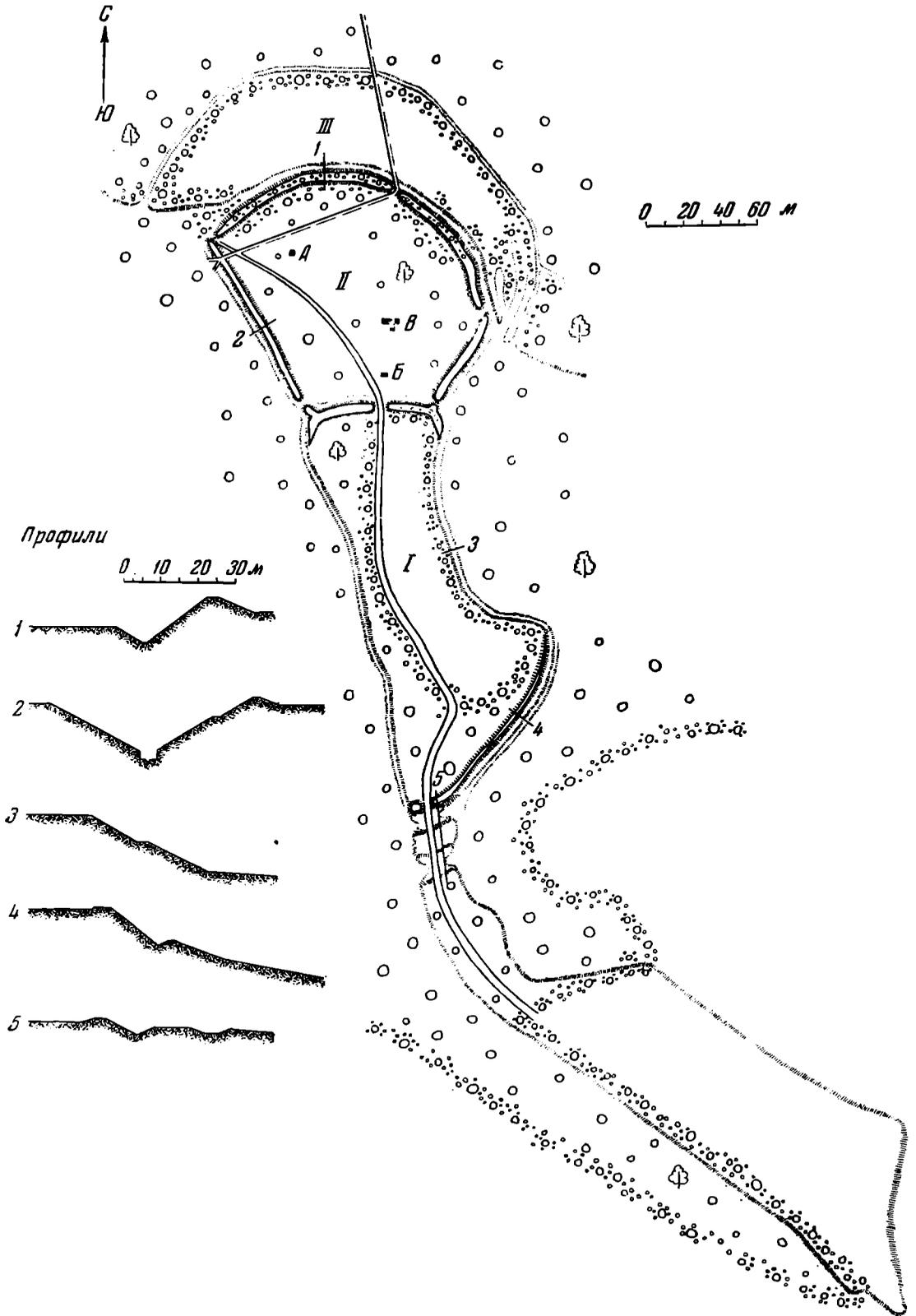

Рис. 49. План городища у с. Циркуны.

I — главный двор городища; *II* — первое предградье; *III* — второе предградье; *A*, *Б*, *В* — шурфы и раскопы (пунктирной линией, пересекающей главный двор, показана современная дренажная канава).

обожженной глиняной обломки с отпечатками прутьев, куски железного шлака, глиняное пряслице (рис. 50—8) и мелкие кости животных. Из металлических вещей обнаружен только один обломок железного предмета — булавки (рис. 50—7).

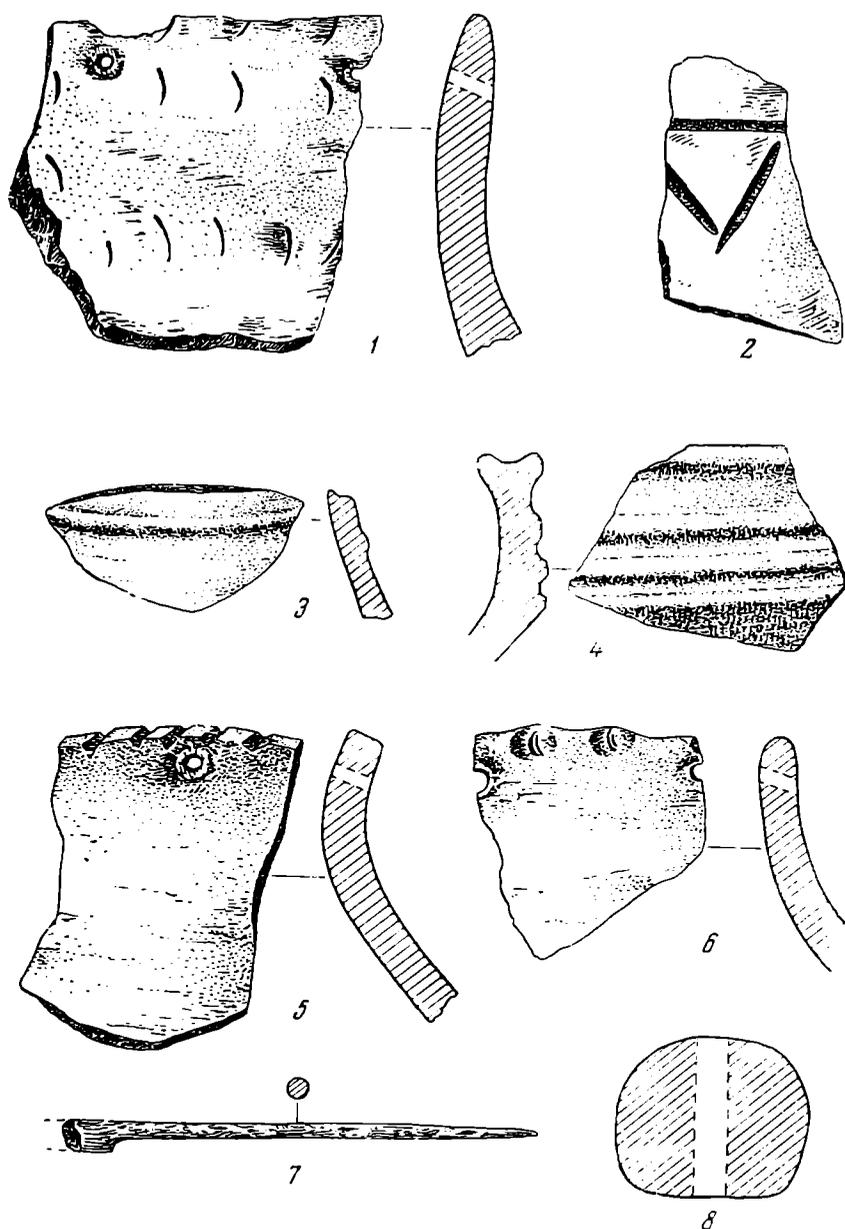

Рис. 50. Находки на городище у с. Циркуны.

1—6 — образцы керамики; 7 — железная булавка; 8 — глиняное пряслице.

Интересна керамика. Чаще всего встречаются обломки обычных лепных горшков бурого цвета, которые имеют либо гладкий слабо отогнутый венчик, либо венчик, украшенный по краю защипами и сквозными проколами, либо венчик с косыми насечками палочкой и сквозными проколами у края (рис. 50—5, 6). Реже попадались обломки больших мисок с плоским, загнутым внутрь бортиком. Из привозной греческой керамики найдено только несколько небольших фрагментов амфор, возможно, фасосских¹. Весь этот керамический комплекс весьма обычен для северодонецких городищ и селищ позднескифского времени (IV—I вв. до н. э.).

¹ По определению И. Б. Зеест.

Однако в шурфах и при сборе подъемного материала встретились черепки глиняной посуды иного облика. Следует отметить несколько фрагментов простых лепных горшков местного изготовления, отличающихся своеобразной орнаментацией. В одном случае, кроме обычных защипов и проколов по краю венчика, на стенках нанесены горизонтальные ряды ногтевых луновидных вдавлений (рис. 50—1). В другом случае стенки украшены грубоватым резным геометрическим орнаментом в виде треугольников (рис. 50—2). Грубость, небрежность техники изготовления этих сосудов резко отличают их от архаической керамики с геометрическим орнаментом, который сочетается с лощением поверхности. Грубый геометрический орнамент, как и ногтевые луновидные вдавления, характерен не для архаики, а наоборот, встречается на сосудах с территории Скифии в материалах очень позднего времени. Типичные образцы местной лепной керамики с такой орнаментацией найдены в эллинистических слоях Ольвии¹, датируемых IV в.—началом I в. до н. э.

В районе Боспора геометрическая орнаментация лепных горшков появляется, судя по имеющимся в настоящее время данным, еще позже — во II в. н. э.²

Вместе с лепной керамикой на городище встретились небольшие обломки сероглиняных сосудов, сделанных на гончарном круге. Среди них несколько стенок, фрагмент горлышка со слабо выдающимся горизонтальным валиком (возможно, от основания горлышка кувшина; рис. 50—3) и особенно интересный обломок миски с раздвоенным венчиком и со стенками, украшенными горизонтальными желобками (рис. 50—4). По своему облику эта сероглиняная керамика близка к меото-сарматской керамике Прикубанья, откуда она, по видимому, и попала в бассейн Северного Донца. В качестве аналогий можно указать, в частности, на сероглиняные кувшины с тонкими валиками у венчика и миски, бортик которых украшен узкими желобками и в верхней части слегка раздвоен. Найдены они в большом количестве в погребениях третьей хронологической группы (III в. — начало I в. до н. э.) у станицы Усть-Лабинской³. Впрочем, сделанные на гончарном круге сероглиняные миски такого типа встречаются и в позднескифских погребениях⁴.

Сероглиняная керамика городища Циркуны не дает права утверждать, что поселение здесь двуслойное, так как стратиграфически находки этой керамики не выделяются в один горизонт, а встречаются вместе с обычной лепной керамикой на разной глубине и в небольшом количестве. Они лишь подтверждают одновременность существования городища и могильника в позднескифское время и указывают на то, что в тот период еще продолжали существовать древние связи северо-донецких лесостепных племен с районом Боспора.

---

¹ Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И». Сб. «Ольвия», т. I. Киев, 1940, стр. 134, рис. 94.

² Е. Г. К а с т а н а я н. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА. № 25, 1952, стр. 262, 263, рис. 13.

³ Н. В. А н ф и м о в. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 25, 1951, стр. 173, рис. 6, стр. 175, рис. 7 (кувшины), стр. 178, рис. 9 (миски).

⁴ Е. П о к р о в с к а я. Раскопки близ села Макеевки. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 131, 137, табл. 2, 2.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАСКОПКИ ПАНТИКАПЕЯ В 1953 ГОДУ

В 1953 г. раскопки Пантикапея производились Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и Историческим факультетом МГУ совместно с ИИМК¹. Задачей экспедиции было продолжение работ 1949 и 1952 гг. в северо-восточной части Митридатовой горы; кроме того, была зафиксирована подпорная стена в 98 м к северо-востоку от первого боспорского раскопа.

На верхне-митридатском раскопе (рис. 51) работы производились к юго-западу (отсеки XVII и XVIII) и юго-востоку (отсеки XI, XII и XIII) от ранее вскрытой площади. Обследовано 150 кв. м; работы доводились до материка, выявленного на глубине до 4,5 м. Обнаружены многочисленные культурные напластования, относящиеся к античному времени, имеющие сложную стратиграфию и расположенные на различных террасах; кроме того, открыто несколько средневековых могил.

На юго-западных отсеках (XVII и XVIII) два нижних слоя состояли из коричневатого суглинки; первый — примерно 1-й половины и середины VI в. до н. э. — залегал на глубине 3,85—4,34 м, второй — последних десятилетий VI в.—1-й половины V в. до н. э. — на глубине 3,40—3,85 м². В первом слое обнаружены черепки остродонных амфор с красно-коричневыми поясами и венчик с большим белым крестом; встречались обломки амфор из черноватой глины, чернолаковой керамики, большого толстостенного сосуда с двусторонним рифлением и кости мелкого рогатого скота. Во втором слое обнаружены обломки амфор конца VI в. — начала V в. до н. э., в том числе хиосских пухлогорлых, фрагменты простой тонкостенной керамики, чернолаковой конца VI в. — начала V в. до н. э. и коринфской. Вероятно, ко времени II слоя относится плита (№ 87) из темносерого плотного камня с меткой каменотеса L на ребре. Плита, видимо, служила для работы «по красному». Лицевая сторона ее обработана шпунтом; следов троянки не видно, что подтверждает датировку ее VI в. до н. э.

На этом участке не обнаружено остатков построек доспартокидова периода. Более интересные материалы получены при исследовании напластований, относящихся к раннеспартокидову времени, дополненные небольшими дочистками 1954 г. Раскопана часть помещения дома с водостоком,

¹ Начальником экспедиции был В. Д. Блаватский, его заместителем И. Д. Марченко, начальниками раскопов: верхне-митридатского — Н. А. Сидорова, восточно-эспланадного — Н. А. Онайко, замещала последнюю А. К. Коровина. Старшими на отсеках были Э. О. Беозин, Г. А. Кошеленко, М. В. Кретович, Л. П. Маинович, И. В. Поздеева, Н. Н. Терехова и М. А. Франжуло, фотографом — Ю. С. Панютин. Число землекопов достигало 40 человек.

² См. сводную таблицу слоев в конце настоящей статьи.

который датируется последними десятилетиями V в.—началом IV в. до н. э. Выявлена стена № 90, примыкающая под прямым углом к кладке № 64 и тянущаяся с северо-востока на юго-запад. Стена вскрыта на длину 4,50 м, ширина ее — 0,47 м; в высоту она сохранилась на 0,64 м; глубина подошвы — 2,86 м. Сложена стена из известняковых средних и мелких по величине грубо отесанных блоков и рваных камней; юго-восточной сто-

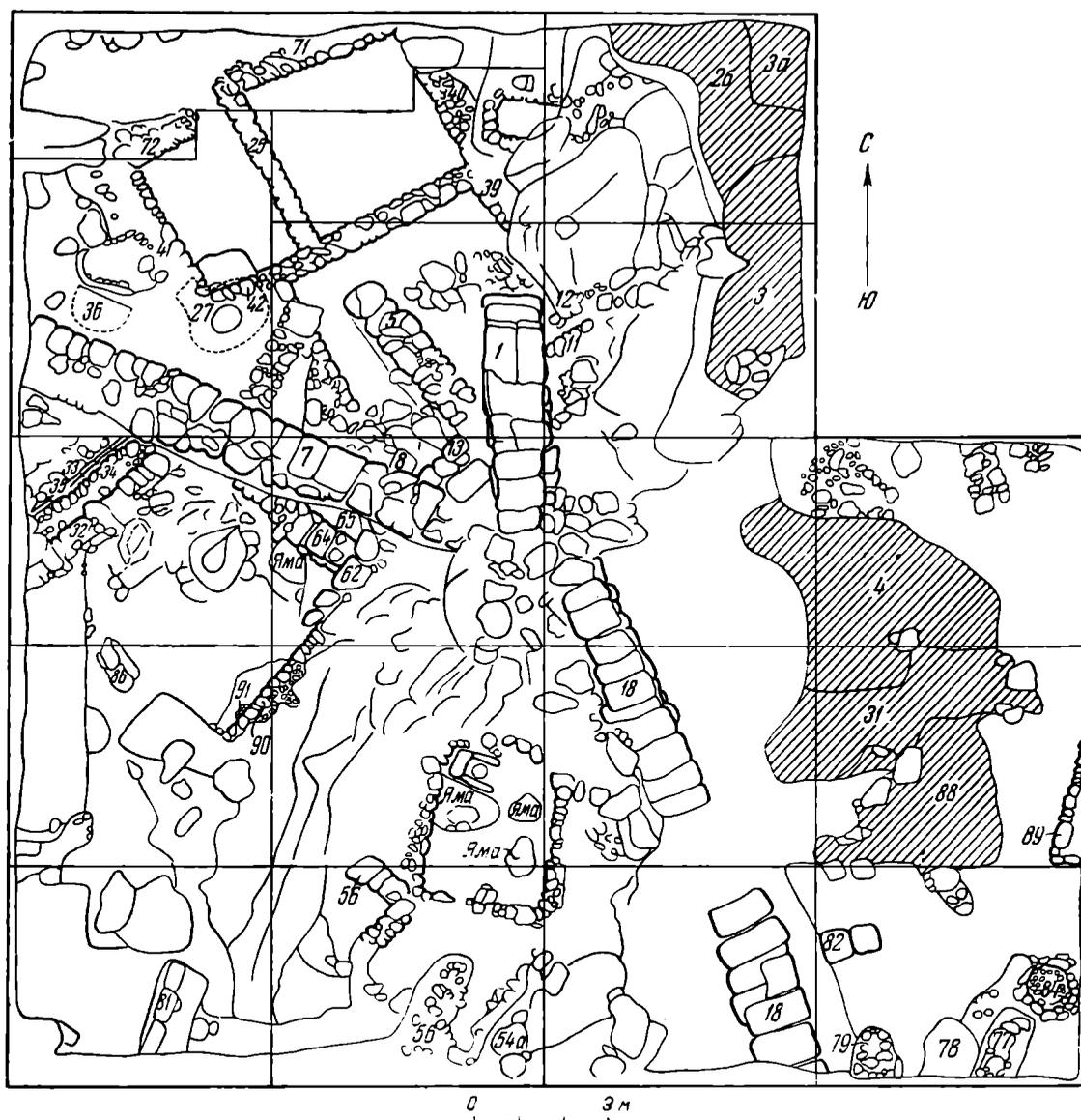

Рис. 51. План верхне-митридатского раскопа (в кружках указаны номера объектов).

роной она примыкала к крутому склону верхней террасы, причем пространство между ней и склоном было заполнено каменным бутом. С внутренней стороны на стене местами сохранилась светлосерая глиняная обмазка (толщиной около 0,01 м). К южной части стены № 90 примыкает небольшой остаток вымостки (№ 91) из мелкого рваного камня, обнаруженной на глубине 2,83—2,88 м и лежащей на пласте (10—15 см) плотно утрамбованной земли с большим количеством бутового камня.

С юго-западной стороны к стене № 90 примыкает впритык плохо сохранившаяся поперечная стенка из более мелкого камня; длина ее (включая разорвавший ее прорыв) достигает 1,69 м. Продолжением ее, вероятно, является развал фундамента (№ 86) длиной 0,95 м. К северу от развала сохранились остатки трамбовки под полом помещения.

Таким образом, намечаются очертания одного из помещений дома с водостоком. Оно почти квадратное в плане, длиной (с северо-запада на юго-восток) около 5 м, шириной 4,5 м; площадь его составляет около 23 кв. м, т. е. значительно больше самого большого из известных нам помещений дома Коя конца VI в. до н. э., не говоря о более ранних домах.

Насыпь III слоя состоит из светлокорицевого суглинка, включавшего различные находки. Обнаружены обломки остродонных амфор — пухлогорлых хиосских, фасосских, пантикапейских и фанагорийских; черепки

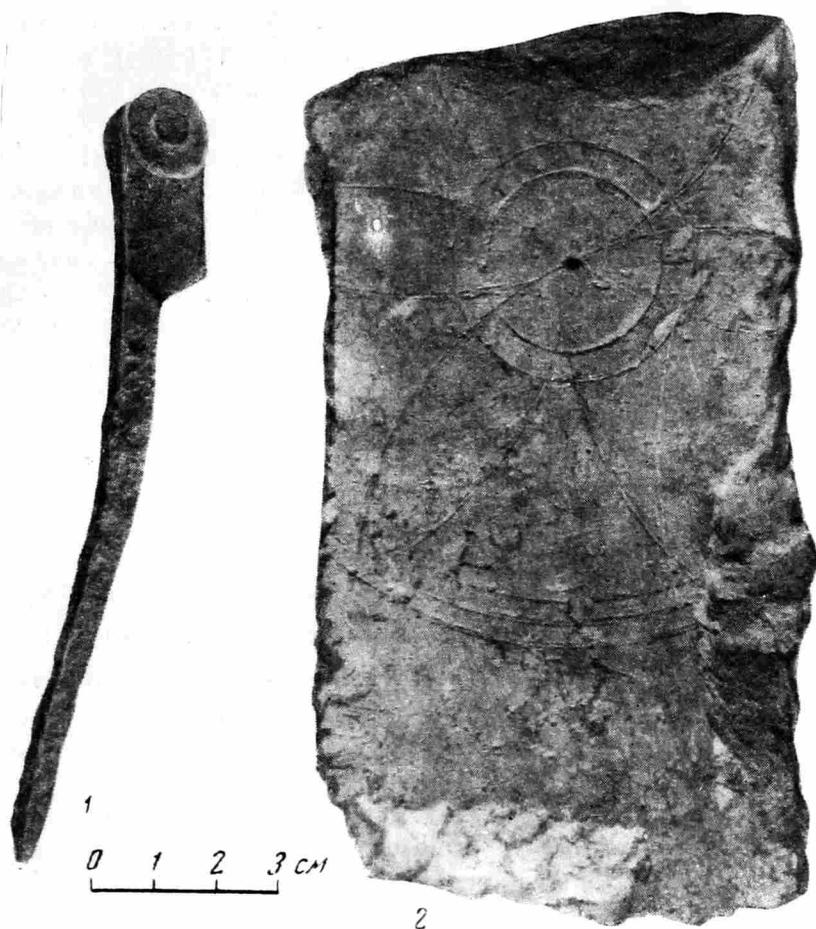

Рис. 52. Железный циркуль (1) и плитка с наброском орнамента (2).

сероглиняной и чернолаковой керамики VI, V и IV вв. до н. э., расписной керамики — родосской, коринфской, аттической чернофигурной и краснофигурной, а также фрагмент кастрюли с высокой ручкой. Обломков черепицы не встречалось. Отметим железный циркуль в виде двух ножек (часть одной утрачена), соединенных шарниром (рис. 52—1).

Выше лежал трехметровый пласт насыпи террасы III—II вв. до н. э., частично обследованной в 1949 г. В 1953 г. оказалось возможным расчленить насыпь на два горизонта: нижний — III в. до н. э. и верхний — II в. до н. э. Нижний пласт, состоявший из коричневатого суглинка, залегал на глубине от 1,81—3,20 м (верхняя поверхность) до 2,95—4,45 м (подшва). Обнаружены многочисленные находки: черепки остродонных амфор V, IV и III вв. до н. э. боспорских (главным образом пантикапейских), в том числе с клеймом O, помещенном на ножке, хиосских, самосских (среди них — с клеймом B и граффити X), синопских, фасосских, среди которых есть с клеймом на ручках и клеймом на горле, гераклеийских, часть которых — с энглифическими клеймами. Упомянем обломки лутериев, посуды простой

тонкостенной, сероглиняной, лепной и чернолаковой VI, V, IV и III вв. до н. э. Часть чернолаковых черепков украшена штампованным орнаментом, нередко встречались граффити. Найдены обломки расписных ионийских сосудов, аттических чернофигурных и краснофигурных, сетчатых арибаллических лекифов и ваз типа Гнафии. Обнаружены открытый двухрожковый светильник и обломки других, терракотовая со следами розовой краски фигурка мальчика, глиняные грузила пирамидальной формы. Из строительных материалов отметим фрагменты боспорской, синопской и гераклейской черепицы, каменную архитектурную деталь, возможно, кассету и куски штукатурки с красной обмазкой. Встречены обломки костяных и железных изделий, в том числе, повидимому, конец клинка махайры. Кости животных принадлежали крупному и мелкому рогатому скоту; встречались раковины мидий.

Над нижним пластом насыпи залегали кладка № 81—81а и развал фундамента. Кладка, сложенная из тщательно отесанных удлиненных квадров, шла с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Глубина подошвы — 2,16 м, высота — 0,16 м. В длину она выявлена на 3,3 м (включая разрыв в 0,84 м, образованный средневековой могилой № 43). Развал фундамента состоял из рваных известняковых камней, среди которых попадались обломки черепиц и амфор.

Выше развалин лежала насыпь II в. до н. э., состоявшая из пласта коричневатого-серого суглинка (от 0,51—1,14 до 1,81—3,20 м). В нем найдены черепки остродонных амфор VI—II вв. до н. э., в том числе боспорских, хиосских (встречались пухлогорлые), фасосских, среди которых были и клейменные, синопских, гераклейских (в том числе с энглифическими клеймами), самосских и коссских (один из последних — с клеймом Н). Часто попадались фрагменты амфор с надписями красной краской: А, Δ, Ι, Κ, Λ, Τ, Ψ и др. Заслуживает внимания надпись ΓΛΥ; возможно, — γλυχὺς οἶνος, «сладкое вино». Далее назовем обломки синопских и гераклейских лутериев и фрагменты посуды простой тонкостенной, сероглиняной, из коричневой глины, лощеной, лепной, а также кастрюль и боспорской массивной красноглиняной миски. Найдено много фрагментов чернолаковой керамики VI—II вв. до н. э., в том числе сероглиняной и со штампованным орнаментом; на некоторых из них были граффити. Меньше было черепков краснолаковой керамики II в. до н. э., среди них обломок большого рыбного блюда. Расписные вазы представлены фрагментами изделий от VI в. до III—II вв. до н. э. из Навкратиса, Коринфа, родосских, ионийских, аттических чернофигурных и краснофигурных (в том числе крышки леканы первой трети V в. до н. э.) и арибаллического лекифа IV в. до н. э. с изображением Гермеса, Афродиты и Эрота (рис. 53—2), а также эллинистического сосуда с росписью коричневым лаком по белой облицовке. Встречались обломки «мегарских» чаш, светильников открытых и «лаконских», терракотовых фигурок, среди которых довольно хорошо сохранилась протома богини V в. до н. э., из боспорской глины; на фигуре заметны остатки раскраски. Среди находок — глиняные грузила и одно каменное.

К строительным материалам относятся обломки черепицы боспорской и синопской (в том числе клейменной), среди тех и других попадались желобчатые калиптеры. Встречались куски штукатурки с красной облицовкой, жженого сырца (на некоторых — следы медной окиси), профилированные куски известняка и мрамора. Особо упомянем находку нижней половины амфоры, заполненную известью в порошке, вероятно, для приготовления раствора. К архитектурному декору относится обломок актотерия из известняка, к монументальной скульптуре — большая мраморная голова грифа.

Обнаружено довольно много железных и бронзовых гвоздей и их обломков, бронзовый перстень, свинцовая пластина, свернутая в трубку, серебряная монета боспорского города Аполлонии, куски железного шлака и рога со следами отпилки, обломки точильного камня, кости крупного и мелкого рогатого скота (в частности, коз), кабанов, лошадей и собак.

Рис. 53. Сосуды из раскопок Пантикапея в 1953 г.

1 — самосский кувшин (яма № 7); 2 — краснофигурный арибаллический лекиф IV в. до н. э.; 3, 3а — чернофигурный кратер VI в. до н. э. (лицевая и оборотная сторона).

Следующий—VI слой датируется I в. до н. э. К нему относятся кладка № 76 и вымостка № 74. Кладка, состоящая из четырех больших небрежно отесанных блоков, вероятно, представляет остатки разобранной в древности цокольной части стены. Она тянется с юго-юго-запада на северо-северо-восток, глубина подошвы ее—0,68 м, высота—0,22 м, ширина—0,35—0,40 м; в длину кладка сохранилась на 1,8 м, но, судя по остаткам постели (отсеки и бут), длина ее была более 5 м. Вымостка № 74 из рваных известняковых камней простиралась с северо-востока на юго-запад на 7,2 м, ширина ее—3 м; глубина залегания—0,5—1,2 м, толщина пласта—10—13 см.

Слой I в. до н. э. весьма незначителен; он состоял из коричневатого гумированного суглинка, включавшего обломки черепицы, остродонных амфор, тонкостенной сероглиняной, чернолаковой и кухонной посуды.

Выше залегал VII слой — I в. н. э., также состоявший из гумированного суглинка; толщина его была около 0,3 м. Строительные остатки здесь незначительны. К ним относится развал фундамента (№ 75) из известняковых камней средних и мелких размеров. При разборе развала обнаружены обломки остродонных амфор, в том числе светоглиняных с двуствольными ручками (I в. н. э.). В слое найдены обломки боспорской и синопской черепицы, черепки остродонных амфор, синопских и гераклеиских (есть с клеймами), простой тонкостенной посуды, лощеной и чернолаковой. Отметим краснолаковый светильник I в. н. э. и плоское цилиндрическое пряслице из коричневой глины.

VIII слой — II в. н. э. не заключал остатков построек. Он состоял из пласта темнокоричневого суглинка толщиной 0,26—0,78 м. В нем обнаружены обломки черепицы, фрагменты остродонных амфор VI—II вв. до н. э., боспорских, хиосских, фасосских, синопских (есть клейменные) и косских, а также светлоглиняных с двуствольными и профилированными ручками, черепки простых тонкостенных сосудов, в том числе боспорского красноглиняного рыбного блюда, лепной керамики, лутериев, чернолаковой посуды и краснолаковой II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э. Встречались единичные находки расписной керамики. Отметим осколок сосуда из бесцветного прозрачного стекла, глиняные грузила и маленькую бронзовую статуэтку летящего Эроса.

Обломки амфор III—IV вв. н. э. встречались лишь в верхнем пласте.

Работы на второй юго-восточной группе отсеков (XI, XII и XIII) были начаты еще в 1949 г. В 1953 г. раскопы доводились до открытия архитектурных сооружений или материка, выявленного на глубине около 2—2,5 м.

Наиболее ранним сооружением, обнаруженным в 1953 г., была округлая в плане яма (№ 84), скорее всего пашенная. Вырытая, вероятно, в V в. до н. э., она была засыпана в IV—III вв. до н. э. Верхняя часть ямы была срезана, видимо, при больших работах в I в. н. э. Стенки и дно облицованы камнем. Глубина дна достигала 2,56 м; диаметр — 1,40—1,85 м. Стенки прослеживались с глубины 1,78 м. В заполнении ямы обнаружены различные находки: в нижнем горизонте — обломки остродонных амфор VI—IV вв. до н. э., в верхнем — куски боспорской и синопской черепицы, а также боспорских, синопских и родосских амфор и чернолаковой керамики IV—III вв. до н. э. Это позволяет датировать верхний горизонт засыпки приблизительно III в. до н. э.

Примерно ко времени засыпки ямы относится пласт зеленоватой глины, выявленной в юго-восточной части раскопа на глубине 1,95—2,49 м. Находок в нем было немного: обломки черепицы, остродонных амфор IV—III вв. до н. э., боспорских, синопских и хиосских, чернолаковой посуды VI—IV вв. до н. э. и фрагмент большого мраморного лутерия.

Строительных остатков или культурных напластований II—I вв. до н. э. на юго-восточных отсеках не обнаружено. Вероятно, они были скрыты при упоминавшихся уже перепланировочных работах I в. н. э., когда пострадала и верхняя часть ямы. Эти работы производились в связи с сооружением террасы, поддерживавшейся подпорной стеной № 18, раскопанной в 1949 и 1952 гг. Лицевая сторона южной части этой стены, выявленная в 1949 г., обращена на восток—северо-восток; участок, примыкавший с этой стороны, очевидно, нивелировался при сооружении стены, причем местами землю срывали и перемещали в качестве балласта для насыпи верхней террасы. В 1953 г., видимо, удалось установить уровень

нижней террасы I в. н. э., примыкавшей к стене, — обнаружена вымостка (№ 82), от которой сохранились только две хорошо отесанные большие плиты толщиной 0,23 м и длиной 1,25 м. Глубина до их верхней поверхности — 2 м.

К тому же слою I в. н. э. относится вымостка № 88, состоящая из рваного известнякового камня, обнаруженная в средней части участка.

Культурный слой I в. н. э., состоявший преимущественно из зеленоватой глины и известковой крошки, содержал преимущественно находки III—II вв. до н. э. и лишь в небольшом числе вещи I в. н. э. Глубина залегания этого пласта — от 1,55—1,90 до 1,90—2,25 м. В нем найдены обломки черепицы боспорской (есть клейменная) и синопской, амфор боспорских, самосских, синопских IV—II вв. до н. э. (в том числе клейменных) и I в. до н. э.—I в. н. э. гераклейских, книдских и родосских, чернолаковых сосудов IV, III и II вв. до н. э., «мегарской» чаши, лагина II в. до н. э., светильник и куски штукатурки с красной облицовкой.

Выше лежала насыпь II в. н. э., относящаяся к подпорной стене № 1, открытой в 1949 г. Насыпь состояла из пласта серовато-коричневато-суглинка; глубина залегания его верхней поверхности — 0,65—0,95 м, подошвы — 1,55—1,67 м. В насыпи собраны многочисленные находки: черепки остродонных амфор от VI в. до н. э. до II в. н. э. — пантикапейских и фанагорийских, хиосских, самосских, фасосских, гераклейских, косских, родосских, синопских от IV в. до н. э. до I в. н. э., а также светлоглиняных с двуствольными ручками, фрагменты простой тонкостенной посуды из серой и черной глины, чернолаковой V, IV и III вв. до н. э., в том числе сероглиняной, краснолаковой II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э. лощеной сероглиняной с коричневато-красным лощением на желтовато-коричневатом черепке. Художественная керамика представлена обломками ионийской посуды с узором в виде полос, самосской — VI в. до н. э., эллинистического лагина и «мегарских» чаш. Упомянем керамические пробки, глиняные грузила, обломки терракотовых фигурок, светильников и лутериев.

К строительным материалам относятся куски черепицы боспорской (есть клейма, в частности, архонта Гигиэнонта), синопской и гераклейской, антефикс из боспорской глины, фрагменты капители и карниза дорийского ордера из известняка и куски камней с профилями и различной порезкой, а также фрагменты штукатурки с красной и желтой облицовкой. Наконец, отметим находки керамического шлака, бронзовых наконечников стрел, гвоздя и медных монет.

Насыпь II в. н. э. занимает довольно большую площадь. Это обстоятельство допускает предположение, что весь зубообразный выступ горы к северу, северо-востоку и востоку от верхне-митридатского раскопа был занят и отчасти возник в результате сооружения во II в. н. э. платформы с подпорной стеной № 1.

Верхние напластования III—IV вв. н. э. были сильно повреждены выборкой камня, производившейся здесь, начиная с позднеантичных времен. С хищнической выборкой связано появление развала бутового известнякового камня (№ 83) около стены № 18. Среди камней встречались обломки черепицы, остродонных амфор, в том числе реберчатых, простой чернолаковой, краснофигурной и краснолаковой посуды. Там же был найден обломок профилированного известнякового камня, — может быть, край путеала. Находки в развале, образовавшемся в результате выборки камня из подпорной стены, определяют дату разборки — это произошло не ранее III в. н. э.

К нижнему из напластований III—IV вв. н. э., т. е. к III в. н. э. или, может быть, его первой половине, относятся развалины кладки № 79. Она сооружена из рваного известнякового камня небольших размеров; глубина

подошвы ее — 0,95 м, в высоту она сохранилась на 0,2 м, в длину выявлена на 1,2 м. Кладка была покрыта бутом (№ 78), состоящим из рваного

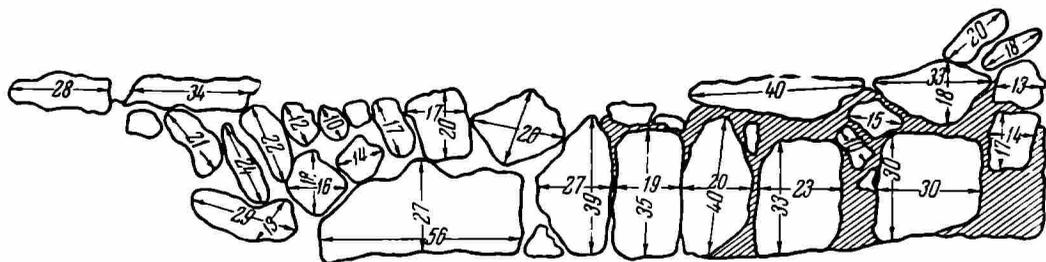

Рис. 54. Схематический чертеж фаса кладки № 89 (конец III в.—начало IV в. н. э.).

известнякового камня и крошки. При разборке бута обнаружены обломки черепицы, амфор, чернолаковой и краснолаковой посуды, а также обломок

Рис. 55. Терракотовая статуэтка, изображающая арфистку.

местного толстостенного сосуда из коричневато-черной глины с мелким рифлением внутри и снаружи, кусок керамического шлака, часть мраморной ступки, обломок каменного солена и кусок штукатурки.

К следующему из напластований III—IV вв. н. э., примерно датируемому последними десятилетиями III в.—началом IV в. н. э., относятся две кладки. Кладка № 77 — развал фундамента из рваных известняковых камней средних и мелких размеров; глубина до ее подошвы — 0,90 м, высота — 0,45 м; в длину она выявлена на 1,68 м. Кладка № 89 состоит отчасти из больших, но преимущественно из средних по размерам и малых камней, рваных или грубо отесанных (рис. 54). Характерной особенностью ее является укладка значительной части удлиненных блоков не плашмя — на длинную постель, а стоймя — на ребро. Частью камни расположены вертикально, частью — с небольшим наклоном. На этом примере мы можем видеть зарождение приемов так называемой кладки «в елочку», получивших широкое распространение в строительном деле Боспора во времена средневековья.

Кладка № 89 выявлена в длину на 2,7 м; глубина ее залегания — 1,2 м, высота — 0,65 м. К этому же слою отнесены открытые в 1949 г.

вымостка № 4 — к верхнему. Установлены и размеры их — длина вымостки № 4 достигает 6,3 м, а № 31 — 6,1 м.

Напластования III—IV вв. н. э. состоят из коричневатого-сероватого гумированного суглинка; толщина пласта от 0,65 до 2 м. В них найдено довольно много обломков боспорской, гераклейской и синопской черепицы, а также красноглиняной с массивным напылом вместо верхнего валика. Встречались куски каменной черепицы. Обнаружены фрагменты остродонных амфор от IV в. до н. э. до III—IV вв. н. э., боспорских, фасосских, гераклейских, синопских, родосских, светлоглиняных с двуствольными ручками, узкогорлых, с профилированными ручками, реберчатых и рифленых; обломки тонкостенной простой посуды, лепной, чернолаковой, краснолаковой; кастрюль, светильников, боспорского лутерия. Среди находок — глиняные пробка, грузило, пряслице, керамический шлак, кусок кирпича, фрагменты мрамора, штукатурка и железный гвоздь. Особо отметим терракотовые фигурки: полуобнаженной арфистки (рис. 55) и девушки в длинной одежде с виноградной кистью в правой руке и голубем в левой.

Как в 1949 и 1952 гг., в верхних напластованиях обнаружены средневековые могилы, впущенные в античные слои. Большая часть их найдена на юго-западных отсеках. Среди них было много детских погребений.

В могиле № 36 детский костяк лежал на глубине 1,79—1,98 м, ориентированный головой на юго-восток. У левого плеча обнаружена медная монета со следами ткани, в ногах — красноглиняный кувшинчик с двумя белыми поясками.

Могила № 37 — детское погребение, прикрытое сверху каменным закладом, обнаруженным на глубине 1,31—1,50 м. Среди камней заклада — фрагментированный крест с надписью:

†'Ενθά	Здесь
δε κχ—	
τ]άχιτε θ[ε—	покоится
ό] δωρος δ(ούλος του) [θ](εου)	Федор р(аб божий)
έν] ινδ (ικτιώνι) β	инд(иктиона) 2-го

Могила № 32 — с детским погребением в плитовой гробнице на глубине от 1,95 до 2,20 м. Сохранились следы дерева, вероятно, остатки гроба. Ориентировка на запад-северо-запад.

В могиле № 40 открыто детское погребение на глубине 2,3 м; покойник лежал головой на восток-юго-восток.

Могила № 41 — детское погребение на глубине 2,18 м, ориентированное на юго-юго-восток.

Могила № 42 — с детским погребением в плитовой гробнице, открытым на глубине 2,35—2,85 м. Покойник лежал головой на запад.

В могиле № 43 оказалась плитовая гробница длиной 2,2 м, шириной 0,92 м, глубиной от 2,8 до 3,25 м. В ящике обнаружены следы дерева — остатки гроба. Костяк женский, ориентирован на восток-юго-восток. В головах у левого плеча стоял стеклянный сосуд в виде графина с раздутым туловом, вытянутой шейкой и устьем, расходящимся раструбом. На левой руке — бронзовый браслет, около нее — незначительные остатки ткани. У шейных позвонков обнаружены бусы — мелкие и средней величины.

Могила № 44 — большая плитовая гробница длиной 2,72 м, шириной 1,1 м. Обнаружена на глубине от 2,10 до 2,65 м. В западной части ящика использована плита с рельефным изваянием цветка каллы, примерно II в. до н. э. (рис. 56). Ящик был покрыт закладом из деревянных бревен, часть их сохранилась, но под тяжестью земли они сломались и осели внутрь

ящика. Костяк ориентирован на запад-северо-запад; длина его — 1,98 м. В головах находился фрагментированный стеклянный флакон, в области таза обнаружены остатки бронзового наконечника пояса (?).

В могиле № 45 костяк длиной (до пяточной кости) 1,47 м лежал на глубине 2,9 м и был ориентирован головой на восток-юго-восток. С левой стороны черепа обнаружены медные обломки, вероятно, серьги.

В юго-восточном участке обнаружена только одна могила № 46. Костяк длиной 1,58 м, ориентированный на северо-запад, лежал на глубине 2,4 м.

Рис. 56. Могила № 44. На переднем плане — использованная при сооружении каменного ящика плита с рельефным изваянием цветка каллы (ок. II в. до н. э.).

У левого бедра обнаружены короткий железный кинжал со следами ножен, обтянутых тканью, и две костяные поделки, видимо, части поясного набора. У кисти левой руки лежал железный перстень (?), среди тазовых костей — массивная железная пряжка.

* * *

Второй раскоп был разбит к северо-западу от верхне-митридатского примерно на 25 м к югу от восточной части места работ Думберга; он состоял из трех отсеков размером 5×6 м (рис. 57). Раскопки доведены до материка, коричневатой глины («белоглазка»), обнаруженной на глубине до 2,05 м. Открыто девять культурных напластований, относящихся ко времени от VI в. до н. э. до IV в. н. э.

Самым ранним сооружением является пашенная яма № 7, вырытая не позднее начала VI в. до н. э. и засыпанная в 1-й половине — середине VI в. до н. э. Диаметр ямы в устье — 1,2 м, внизу он достигает 1,6 м. Глубина залегания верхнего края — 1,9 м, а дна — 3,5 м. Емкость ямы была около 2,5 кубометров. Яма была засыпана глиной; внизу обнаружены немногочисленные обломки амфор VI в. до н. э., ионийской керамики с узором в виде полос, фрагмент края раздутого сосуда из светложелтой глины с белыми включениями, кости мелкого рогатого скота. В верхней части найдено очень много фрагментов керамики, особенно амфор, в том числе

украшенных поясами, остродонных и с плоским дном. Почти целиком удалось восстановить сильно раздутый самосский кувшин с узором в виде пояса лака на венце и тулове (рис. 53 — 1).

К следующему — II слою относятся развалины дома 2-й половины VI в. — начала V в. до н. э. Это прямоугольное в плане здание ориентировано стенами по сторонам света. Длина его по наружным сторонам — 4,34 м, ширина — 3,50 м. В доме было только одно помещение площадью около 7 кв. м. Стены сложены большей частью из небольших, грубо

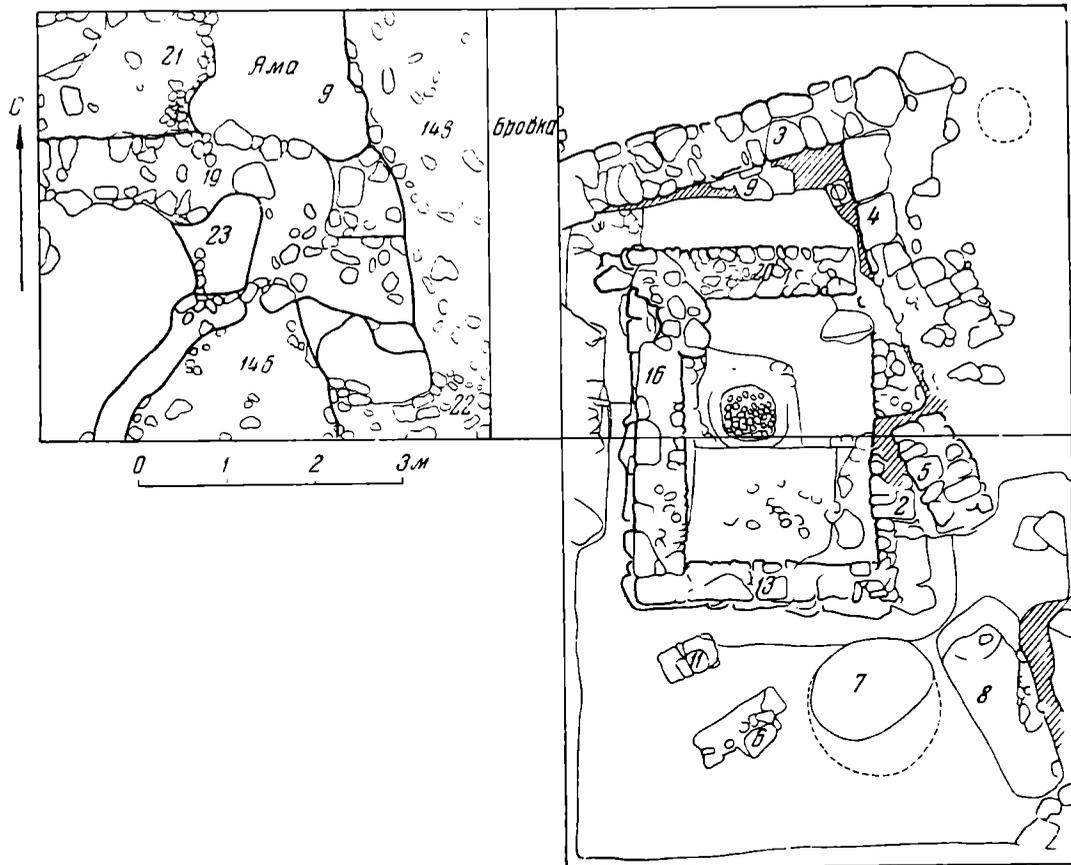

Рис. 57. План восточно-эспиадного раскопа (указаны номера объектов).

наломанных, но очень тщательно уложенных плиток известняка и мергеля на фундаментах, впущенных в материк и выступающих снаружи здания на 0,1—0,2 м в виде цоколей. Глубина залегания подошвы фундамента — 1,95 м, высота его — 0,11—0,13 м. Стены сохранились в высоту в основном на 0,4—0,5 м, наибольшая же высота — 1,37 м; ширина их — от 0,46 до 0,60 м. На внутренних сторонах местами сохранились остатки белой глиняной обмазки. Пол состоял из нескольких напластований черепков, известковой крошки и суглинка; верхнее из них лежало на глубине 1,8 м, нижнее — 2,3 м. На горизонте нижнего пола обнаружен выложенный черепками под круглой в плане печи (№ 24), по форме напоминающей литейную. Внутренний диаметр ее — 0,6 м, толщина стенок — не менее 0,10—0,12 м, возможно, — 0,15 м.

Найденные около и внутри дома куски железного и медного шлака, а также каменные формы для отливки ювелирных изделий (рис. 58), позволяют предполагать, но не утверждать, что дом принадлежал металлургу. В доме обнаружено довольно много черепков различных сосудов, среди них — фрагментированная большая остродонная амфора.

Культурный слой 2-й половины VI в. — начала V в. до н. э. состоял из коричневатого суглинка, местами с прослойками золы. Толщина пласта была 0,6—1,0 м. В нем обнаружены многочисленные обломки остродонных амфор VI в. — начала V в. до н. э., в том числе хиосских; примечателен обломок верхней части амфоры из светложелтой глины с черными включениями; массивный венец ее горизонтальный, сильно отогнутый, суживающаяся кверху ручка резко изогнута коленом (рис. 59).

Рис. 58. Литейные формы (камень).

Дно амфоры вогнутое и завершалось внизу небольшой площадкой. Найдены также обломки пифосов; большого, диаметром около 0,3 м, раздутого сосуда из коричневатокрасноватой боспорской глины; простой тонкостенной посуды, в том числе боспорской ойнохой VI в. до н. э.; посуды сероглиняной, лепной, иногда с черным лощением; кастрюль из боспорской глины, лутерия, чернолаковой керамики и расписной — ионийской с узором в виде полос, клазоменской и аттической чернофигурной. На одном из киликов, — вероятно, посвятельная, надпись Афродите.

Почти полностью был собран из обломков аттический чернофигурный кратер 2-й половины VI в. до н. э. На лицевой стороне его представлена Афина в борьбе с гигантом между двумя зрителями, на обратной — два бьющихся кулачных борца между двумя судьями (рис. 53—3). Отметим обломки открытых светильников, пирамидального грузила и черепицы из светлокоричневой глины с черной облицовкой, бронзовый нако-

нечник стрелы, бусину, кусок рога со следами отпила, астрагал, кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и лошади, кости рыб, раковины устриц и мидий.

Следующий слой IV в. до н. э. сохранился лишь на небольшой части поверхности участка, на остальной же — напластования V—I вв. до н. э. и I в. н. э. полностью отсутствуют. Они были скрыты, вероятно, при больших городских перепланировках II в. н. э., подобных тем, которые были произведены при сооружении платформы на верхне-митридатском раскопе. Интересно, что на большей части площади восточно-эспланадного раскопа, в лежавших непосредственно над слоем VI в.—начала V в. до н. э., более поздних напластованиях II—III вв. н. э. из числа ранних находок встречались почти одни обломки керамики VI в.—начала V в. до н. э., а материал IV в. до н. э.—I в. н. э. попадался в ничтожном количестве.

К слою IV (II в. или конца II в. — начала III в. н. э.) относятся остатки фундамента № 11 и развал № 8а. Фундамент состоит из двух тесаных блоков общей длиной 0,7 м; глубина залегания их — 1,60—1,75 м. С этим же слоем связан пласт коричневатого суглинка, лежавший на глубине от 1,03—1,48 до 1,42—1,75 м и заключающий различные находки: обломки черепицы боспорской и синопской, амфор с VI в. до н. э. до II—III вв. н. э. (есть с профилированными ручками и реберчатые). Выделяется стенка огромного сосуда типа амфоры с орнаментом в виде рядов насечек. Найдены также черепки простой посуды, в частности, боспорской с горизонтальными ребрами, кухонной, лепной чернолаковой, краснолаковой II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э., а также расписной ионийской. Упомянем фрагменты краснолаковых светильников I—II вв. н. э., терракотовых фигурок. Среди прочих находок — бронзовый ключ, две медные монеты, осколки античного оконного стекла, капители дорийского ордера (высота — 0,14 м, диаметр эхина — 0,34 м) и мраморной плиты с исполненными нарезкой овами (длина — 0,46 м). Попадались кости домашних животных.

Выше залегали напластования III—IV вв. н. э.; количество их не ограничивалось тремя, как это наблюдалось при работах предшествующих лет, а достигало пяти.

К нижнему из слоев III—IV вв. н. э. (пятому) относится фундамент № 7, сложенный из больших и средних по величине известняковых камней. Глубина залегания его подошвы — 1,5 м, длина — 0,86 м.

В VI слое вскрыты развалины дома, состоящие из кладки № 3, тянущейся с востока-северо-востока на запад-юго-запад, примыкающей к ней с юга под прямым углом кладки № 4, заключенной между ними вымостки (№ 9), расположенного южнее ее настила пола (№ 18) и загородки (№ 17). Кладка № 3 состоит из больших и средних известняковых камней, рваных и грубо отесанных, уложенных неровно с прокладками из мелкого камня. Глубина залегания ее — 0,94—1,25 м; в высоту она сохранилась на 0,30—0,55 м, причем на фундамент приходится 0,18 м. Кладка № 4 состоит из таких же камней, что и предыдущая. Вымостка, вскрытая на глубине 1,25 м, выложена из камней, толщина которых — около 10 см. Расположенный на той же глубине настил пола представляет собой пласт беловатой глины толщиной 2—4 см. Над настилом возвышается небольшая каменная загородка (№ 17), которая тянется с северо-северо-запада на юго-юго-восток; высота ее — 0,33—0,40 м, длина достигает 1,14 м, а ширина — 0,15 м.

Назначение загородки установить трудно; возможно, она отделяла место хранения каких-либо продуктов, с чем согласуется наличие в том же помещении каменной ступы, стоявшей у стены. Ступа была выдолблена из

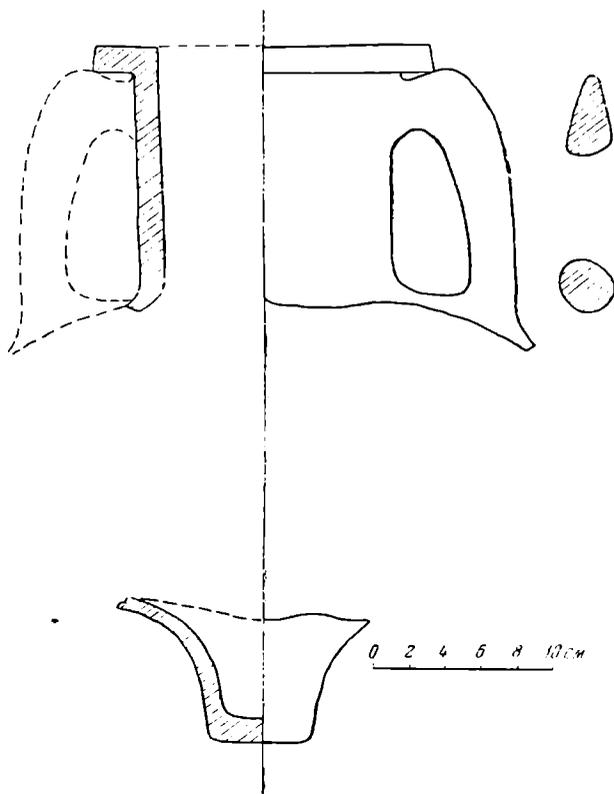

Рис. 59. Амфора из слоя второй половины VI—начала V в. до н. э.

почти квадратного (0,28 × 0,26 м) блока высотой 0,17 м. Круглое углубление в ней имеет диаметр 0,15 м и глубину 0,12 м. К тому же слою относятся остатки кладки № 6 и примыкающей к ней с запада вымостки № 10. От кладки сохранилось два куска, общая длина их — 2,36 м, высота — до 0,40 м, глубина залегания — 1,35 м; сложена она из грубо отесанных известняковых блоков.

В слое VII вскрыт развал рваных и грубо отесанных камней (№ 8), в слое VIII — кладка № 5 и вымостки № 2 и 14. Кладка, залегавшая на глубине 0,61 м, состоит из небрежно отесанных блоков; сохранилась она в длину на 1,07 м, а в высоту — на 0,35, причем на долю фундамента приходится 0,16 м. Фундамент несколько шире стены: ширина его — 0,68—0,72 м, а стены — 0,60 м. Развал вымостки № 2 состоит из неплотно лежащего рваного известнякового камня, толщина пласта — 0,15 м. Длина развала достигала 4 м. Продолжением его, вероятно, являются развалы № 2а, 2б и 2в и вымостки № 14, 14а и 14б. К верхнему — IX слою относится развал вымостки (№ 1) из рваного камня. Толщина пласта — 0,15—0,25 м, глубина залегания верхней поверхности — 0,4—0,5 м; длина достигала 9,6 м. При разборе вымостки среди камней обнаружены обломки черепицы, верхняя часть боспорской терракотовой фигурки богини позднеантичного времени типа так называемой Астарты и железный наконечник стрелы.

Верхние напластования, в основном состоящие из черно-коричневого или коричневатого-гумированного суглинка мощностью около 1,5 м, включали многочисленные находки. Это были обломки амфор от VI в. до н. э. до IV в. н. э., в том числе хиосских (пухлогорлых), боспорских, синопских (I в. до н. э. — I в. н. э.), светлоглиняных с двуствольными и профилированными ручками, узкогорлых реберчатых и рифленых; фрагменты черепиц боспорских, гераклейских и синопских, в том числе первых веков нашей эры. Заслуживает упоминания синопский седловидный калиптер римского времени; длина его — 0,43 м, ширина — 0,165 м, высота — 0,054 м, толщина стенок — 0,019 м. Затем назовем черепки простой тонкостенной посуды — сероглиняной, из коричневой глины, — в том числе кастрюль, лепных сосудов, среди которых встречались украшенные орнаментом; лощеных, чернолаковых, краснолаковых II в. до н. э. и I—IV вв. н. э.; расписных — ионийских и чернофигурных; фрагменты светильников, целый светильник; куски терракотовых фигурок; керамические пробки; глиняные грузила, в том числе одно пирамидальной формы с оттиснутыми на нем знаком Ω; большое глиняное пряслице, обломки глиняной цедилки, украшенная маской часть жаровни, куски бракованных керамических изделий, осколки прозрачного стекла, бусина из голубоватой пасты, каменное ядро.

Среди находок укажем медные монеты и маленькое бронзовое зеркало. Встречались остатки строительных материалов: куски штукатурки с красной обмазкой, облицовочная плитка из голубовато-сероватого мрамора и др. Особо отметим обломок плитки с процарапанными на ней кругами и фигурой в виде шестилистника, — возможно, набросок архитектурного орнамента (рис. 52—2), — и кусок известкового раствора из пяти перемежающихся слоев красного и белого цветов толщиной от 2 до 6 мм, — вероятно, застывшей около творяла массы известки. Наконец, упомянем кости крупного и мелкого рогатого скота и свиньи; попадались кости со следами отпилов.

Обнаружено несколько ям античного времени; глубоких повреждений нового времени не наблюдалось, за исключением ямы № 9 глубиной 2,42 м.

Таковы результаты работ на восточно-эспланадном раскопе. Они дали возможность изучить богатые напластования VI в. до н. э. с пашенной ямой, каменным домом, вероятно, крытым черепицей, и доказали существование в Пантикапее металлургического дела в доархеаноктидово время. Не

менее существенно и отсутствие здесь напластований, относящихся к IV в. до н. э. — I в. н. э., что в сопоставлении с результатами исследования верхне-митридатского раскопа свидетельствует о грандиозных планировочных работах в боспорской столице во II в. н. э. Наконец, установление 5 напластований III—IV вв. н. э. поможет изучить мало исследованный поздний период истории Боспора.

Таким образом, работы 1953 г. на обоих раскопах обогатили наши представления о стратиграфии Пантикапея.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Сводная таблица слоев по данным раскопок
1949, 1952—1953 г.*

Даты слоев	Верхне-митридатский раскоп 1949 и 1952 гг.	Восточно-эспланадный раскоп 1953 г.	Единая шкала слоев по данным 1953 г.
Конец VII в. — 1-я половина VI в. до н. э.	1	1	1
2-я половина VI в. — первые десятилетия V в. до н. э.	2	2	2
2-я половина V в. до н. э. — начало IV в. до н. э.	3	—	3
IV в. до н. э.	4	(3)	4
III в. до н. э.	5	—	5
II в. до н. э.	5a	—	6
I в. до н. э.	6	—	7
I в. н. э.	7	—	8
II в. н. э.	8	4	9
III—IV вв. н. э.	Примерно { III в. н. э. {	5	10
		6	11
	Примерно { IV в. н. э. {	7	12
		8	13
		9	14
	10		
	11		

А. Н. КАРАСЕВ

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НА ОЛЬВИЙСКОЙ АГОРЕ В 1953 ГОДУ

Отряд Ольвийской археологической экспедиции по изучению агоры в 1953 г. сосредоточил все работы в северной ее части на раскопе Ез.

Работами предыдущих лет выявлено, что здесь в древности находились культовые сооружения. В 1952 г. были открыты монументальный алтарь *А*, V—IV вв. до н. э. из известняка и следы мраморного алтаря III в. до н. э. (рис. 60). К югу от него частично вскрыта северная стена сооружения *Б*, возведенная из огромных, до 1,8 м длины, блоков известняка. В 1953 г. продолжалось изучение непосредственного окружения алтаря *А*. В результате работ раскрыта часть мощеной щебнем площади, на которой стоял алтарь. От сооружения *Б*, квадратного в плане ($4,75 \times 4,75$), сохранились только остатки северной стены; остальные три стены полностью были разбросаны еще в древности (рис. 61—1). Удалось установить два строительных периода. Нижний ряд плит, лежащий на материке, довольно резко отличается от остатков верхней кладки качеством известняка, размером плит и характером их обработки. Известняк нижнего ряда плит — светложелтого цвета, очень плотный; эти плиты, почти одной и той же толщины (около 0,3 м), образовывали в древности ровную площадку, которая в дальнейшем была почти полностью разобрана. Остались лишь те плиты первого строительного периода, которые оказались под кладкой из огромных квадров, относящейся ко второму строительному периоду. Сохранилось три ряда таких крупных блоков светлосерого известняка. Все они — вторичного употребления. Почти на всех заметны следы первоначальной укладки и сколы, образовавшиеся при разборке более раннего памятника. Судя по характеру обработки плит, они могли принадлежать зданию эллинистического периода. Необычность планировки (точный квадрат) и монументальность постройки заставляют предположить, что сооружение *Б* во второй строительный период было культовой постройкой, воздвигнутой не позже II в. до н. э.

В непосредственной близости от этого здания, к западу и юго-западу от него, продолжалась расчистка вымостки *б* из мелкого камня (рис. 60). Вымостка — очень хорошего качества и великолепной сохранности. Датируется она V в. до н. э. и связана, очевидно, с квадратным сооружением *Б* первого периода.

К югу на одном уровне с вымосткой *б* открыта вымостка *а* из щебня и крошки, сильно пострадавшая в последующие периоды. В первые века нашей эры здесь находилась гончарная мастерская, от которой частично раскрыты остатки печи *В*, обнаруженные сразу же по снятии гумуса, в сероглинистом слое. Печь в плане прямоугольная. Открыты северо-западный угол ее и часть квадратного столба. На поду печи обнаружена болванка

от калиптера. Печь, по всей вероятности, принадлежит к типу гончарных печей с двумя столбами внутри и подобна открытой ранее в нижнем городе Ольвии. В непосредственном окружении печи встречались обломки бракованной черепицы и шлаки.

На расстоянии 4 м к востоку от алтаря *A* в вымостке *a* из щебня и крошки обнаружено прямоугольное углубление *Г* размером $1,2 \times 1,8$ м.

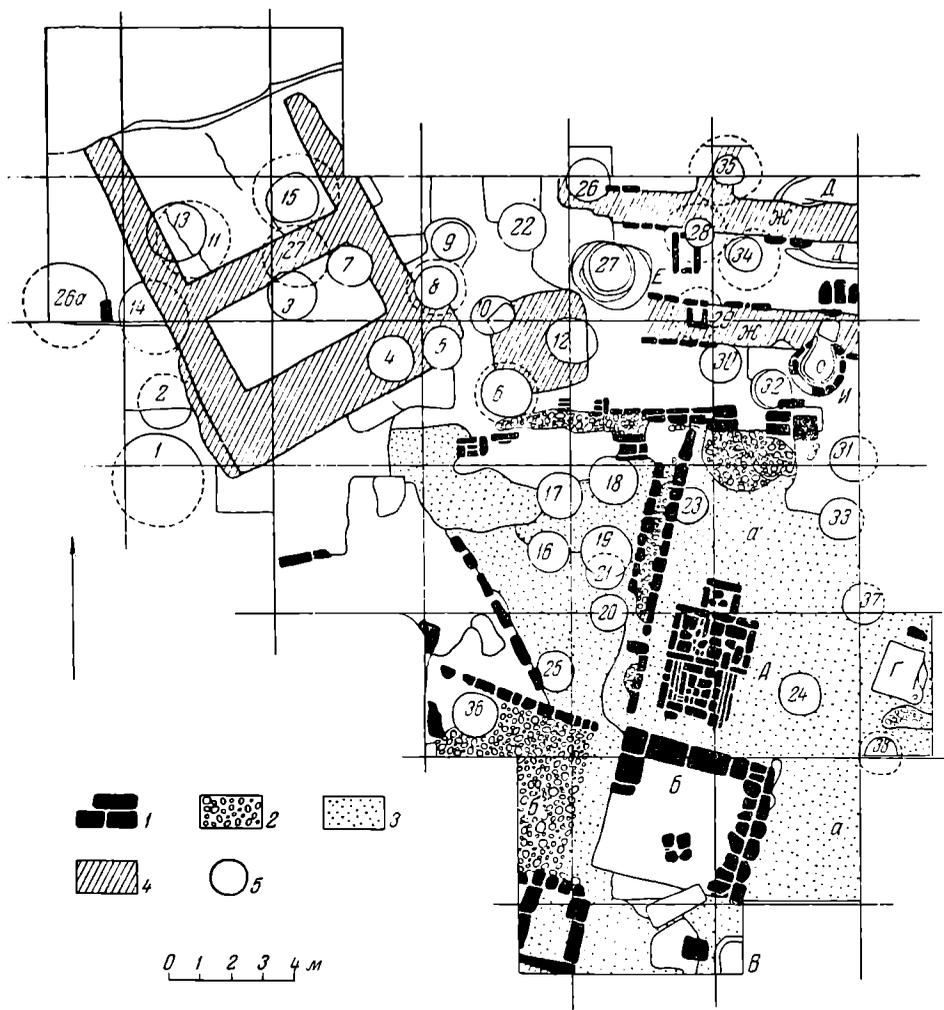

Рис. 60. Ольвия. Агора, раскоп Е₃, план.

1 — каменные кладки и отдельные камни; 2 — вымостки из мелкого камня; 3 — вымостки из щебня и крошки; 4 — слоистые субструкции; 5 — ямы; А — алтарь из известняка; В — культовое сооружение (ок. II в. до н. э.); В — остатки гончарной печи; Г — остатки фундамента мраморного алтаря (V в. до н. э.); Д — углубление в материке, заполненное плотным грунтом с фрагментами керамики VI в. до н. э.; Е — жертвенник V в. до н. э.; Ж — слоистые субструкции; З — постаменты для скульптур; И — гончарная печь; а, б — вымостки.

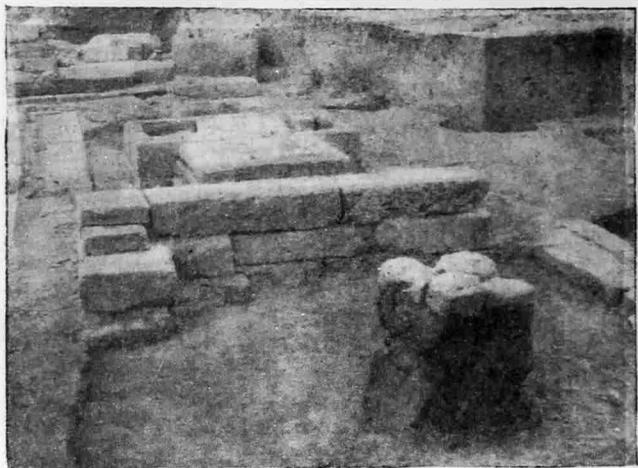
В процессе раскопок здесь встречались обломки белого мрамора. По размерам, форме, глубине залегания, а также судя по скоплению обломков мрамора, часть которых была довольно крупных размеров, следует признать, что на месте углубления, вероятнее всего, находился мраморный алтарь, сооруженный также в V в. до н. э., но полностью разрушенный и разобранный в древности.

Здесь же обнаружены остатки 5 круглых ям хозяйственного назначения (№ 24, 31, 33, 37 и 38), в заполнении которых встречены находки, относящиеся к I—II вв. н. э.

Северо-восточная часть раскопа оказалась насыщенной разнообразными строительными остатками.

К древнейшему периоду, VI в. до н. э., относится углубление в материке *Д*, раскрытое частично. Оно полуовальной формы, глубиной 1,2 м и заполнено было очень плотным грунтом с большим количеством мелких фрагментов ранней керамики, преимущественно чернофигурных киликов. Назначение этого углубления можно определить только после дальнейшего раскрытия его в восточном и северном направлениях.

К числу наиболее интересных открытий 1953 г. на агоре следует отнести открытие жертвенника *Е* V в. до н. э. (рис. 61—2). Жертвенник размером 1,40 × 1,02 м первоначально был сложен из квадров известняка. На всех камнях видны следы длительного горения. Затем жертвенник неоднократно перестраивался. Легко разрушаемый огнем известняк был заменен сырцовыми кирпичами. Сохранились следы 4 переделок, причем каждый раз все четыре стенки покрывались тонким слоем штукатурки, окрашенной в белый цвет.

1

2

Рис. 61. Остатки северной стены сооружения *Б* (1) и слоевые субструкции храма (2). В центре — жертвенник *Е*.

Раскрытые частично в 1953 г. слоевые субструкции *Ж* (рис. 60) сохранились плохо. Находясь сравнительно высоко, они подверглись сильному разрушению в поздний период существования города. Эти субструкции резко отличаются от всех ранее открытых в Ольвии тем, что они были как бы «облицованы» хорошо отесанными и поставленными на ребро квадратами известняка (рис. 61—2). Планировка открытой части фундаментов, их размеры, необычный прием окаймления слоевых субструкций плитами и высокое качество самих субструкций свидетельствуют о том, что вскрытые остатки фундаментов принадлежали храму, по всей вероятности, периптеру, сооруженному в IV в. до н. э.

Фундаменты южной стены наоса идут вдоль северного борта раскопа. На расстоянии 2 м к югу находятся субструкции, поддерживавшие колонны южного фасада периптера. Южнее в 1953 г. были обнаружены еще два постаментов *З*, на которых в древности, по всей вероятности, были установлены мраморные статуи. Уцелели лишь нижние пласты постаментов, стоявших на одной прямой линии (с запада на восток) с открытыми ранее. Судя по их залеганию, постаменты относятся к V в. до н. э. Здесь же обнаружена мраморная база, первоначально служившая для установки крупной статуи; затем плита была расколота пополам, существовавшая на боковой плоскости надпись полностью сбита, а на бывшей нижней плоскости плиты были вырублены новые пазы для ног новой статуи, меньшего размера.

К первым двум векам нашей эры относятся 13 вновь открытых ям хозяйственного назначения. Особенно интересны ямы № 28, 34 и 35, в заполнении которых собрано большое количество разнообразной керамики I—II вв. н. э. Наряду с хорошо датированной краснолаковой керамикой найдено довольно много посуды местного производства, среди которой следует отметить группу сероглиняных сосудов с лощеным орнаментом.

Рис. 62. Обломок мраморной плиты с надписью
V в. до н. э.

К этому же времени относится и гончарная печь *И*. Первоначально ее внутренний диаметр был 1,35 м. В центре находился подпорный столб. Затем печь была переделана: размеры ее сократились до 0,86 м в диаметре, а центральный столб был удален.

В 1953 г. на раскопе *Ез* найдено 4 обломка мраморных плит с остатками надписей. Особо следует отметить обломок посвятительной надписи (рис. 62) Аполлону—Дельфинию.

В. М. СКУДНОВА

КОМПЛЕКС НАХОДОК ИЗ РАСКОПОК СВАТИЛИЩА
КАБИРОВ В НИМФЕЕ

Во время работ Нимфейской экспедиции в 1951 г. открыт интересный комплекс вещей, оказавшихся в яме около святилища кабиров. Эти находки, в частности, могут, как нам кажется, помочь в решении вопроса о времени начала клеймения гераклеийских амфор.

Яма обнаружена в 5 м на восток от святилища; вырыта она почти целиком в архаическом культурном слое, на глубине 3,2 м от современной поверхности городища. Яма круглая, диаметр ее — 1,5 м, глубина — 1,5 м. Заполнявшая земля — черная, рыхлая, не отличалась по цвету от окружающего грунта.

Большинство сосудов, обнаруженных в яме, брошено в нее уже негодными к употреблению — с трещинами и выбоинами или разбитыми.

В первой группе находок была чернолаковая чашечка со штампованным орнаментом; ниже лежали в обломках остродонная амфора с энглифическим клеймом на горле — $\Sigma\text{T}\Lambda\text{Σ}\text{I}\text{X}\text{O}\text{P}\text{O}$; горло лекифа с ручкой, красной глины, со следами белой обмазки; обломки серых сосудов, — главным образом кувшинов, — и лутерия из синопской глины. Ниже обнаружены мелкие камни и масса морских раковин. Под этим слоем, на глубине 0,75 м, лежали две остродонные амфоры с трещинами: одна — фасосская, другая — с энглифическим клеймом на горле — $\text{EY}\text{P}\text{Y}\Delta\text{M}\text{O}$.

Вокруг амфор оказалось пять разбитых кухонных круглодонных сосудов, обломки чернолаковых киликов и чашечек и двух лепных горшков. Тут же найдена челюсть дельфина.

Ниже повторился слой раздавленных морских раковин с землей, под которым лежало еще одно скопление керамики: обломок чернолакового рыбного блюда, часть рыбного блюда боспорского производства, краснофигурный лекиф с изображением сфинкса, большое количество кувшинов и чашек из серой глины и крышек красноглиняных сосудов.

На глубине 1,3 м встречены: глиняная разбитая амфора с энглифическим клеймом на горле — $\text{N}\text{O}\Sigma\Sigma\text{O}$, разбитый сероглиняный лощеный кувшин с двумя рядом расположенными ручками и многочисленные обломки амфор (42 днища разных форм). На дне ямы найдена целая амфора с энглифическим клеймом на горле — $\text{O}\text{N}\Lambda\Sigma\text{O}$.

Кроме челюсти дельфина, обнаружено еще 14 мелких обломков костей животных.

Датирующим материалом для этого комплекса можно считать краснофигурный лекиф, чернолаковые и некоторые другие сосуды без росписи.

От лекифа сохранилось поврежденное тулово (высотой 5,7 см) на узкой кольцеобразной подставке. Над поясом ов, расположенных косо, изображена

приземистая фигура сфинкса вправо. Рисунок не отличается ни тщательностью, ни мастерством.

По форме лекиф полностью совпадает с краснофигурным лекифом, тоже не первоклассной работы, найденным на афинской агоре в колодце, находки из которого относятся к последним десятилетиям V в. до н. э.¹

Обломки чернолаковых сосудов из нимфейской ямы большей частью тоже датируются концом V в. до н. э. Сюда относятся: обломок чернолаковой чашечки на кольцеобразной подставке, с загнутым внутрь краем; дно цвета глины с чернолаковыми концентрическими поясами; фрагмент чернолакового горла от краснофигурного гутуса, такого же, как из указанного выше колодца на агоре Афин²; обломок чернолаковой чашки с узким краем, отделенным снаружи желобком, с частью штампованного узора из мелких пальметок на дугах³.

Большое количество таких чаш со штампованным орнаментом и без него найдено в Нимфее в святилище Деметры и в городе, в слое V в. до н. э.

Обломок дна чернолакового тонкостенного килика, на эхинообразной подставке, с частью штампованной пальметки на дне, — такой же формы, как и многочисленные килики — приношение в святилище Деметры. Такие чернолаковые килики неоднократно встречались в могилах конца V в. до н. э. в некрополях Нимфея, Пантикапея, Ольвии и среди керамики колодца на афинской агоре⁴.

К самому концу V в. до н. э. должна быть отнесена чернолаковая чашечка (рис. 63 — 1), найденная в верхнем горизонте заполнения ямы. Небольшого размера (диаметр — 10 см, высота — 4,4 см) чашечка отличается массивностью, особенно — загнутый внутрь край. Подставка широкая, низкая, с вогнутой нижней частью, обрамленной двумя узкими поясками. Дно с конусообразным выступом посередине все покрыто лаком.

Внутри чашечки — штампованный орнамент из семи больших пальметок на дугах, расположенных вокруг пояса из семи мелких ов в кругах из мелких косых насечек.

Нимфейской чашечке по форме наиболее близка чернолаковая чашечка из Олинфа⁵; у нее такая же подставка и такой же штампованный орнамент из пальметок и ов. Отличие заключается в отсутствии на олинфской чашечке круга насечек и в том, что подставка ее оставлена в цвете глины. Чернолаковая чашечка из колодца на афинской агоре также близка нимфейской по форме, но на ней нет штампованного орнамента⁶.

В нимфейской чашечке, наряду с некоторыми чертами, присущими чашам IV в. до н. э. (конусовидный выступ на дне и насечки в орнаменте), сохраняется четкость формы, характерная для сосудов V в. до н. э., — массивный край и форма подставки. Таким образом, чашечку можно отнести к последним годам V в. до н. э.

Только один обломок чернолакового рыбного блюда с толстой подставкой и узким поясом цвета глины вокруг солонки относится к началу IV в. до н. э.

Чернолаковые рыбные блюда V в., с плоской солонкой и небольшими краями, встречаются редко; эта форма получает широкое распространение в IV в.

В публикации материалов из раскопок Олинфа (1928—1931 гг.)⁷ все

¹ *Hesperia*, т. XVIII, 1949, № 4, табл. 81, № 10.

² Там же, табл. 85, № 19.

³ Для формы чашечки и штампованного узора см. *Hesperia*, т. XVIII, 1949, табл. 92, № 61 и 62.

⁴ Там же, табл. 94, № 157 и 161.

⁵ *Olynthus*, т. V, 1933, табл. 155, № 586 (диаметр 11,6 см, высота 3,8 см).

⁶ *Hesperia*, т. XVIII, 1949, стр. 329, рис. 5, № 63.

⁷ *Olynthus*, т. V, 1933, табл. 190, 191; 1931 и 1934, ч. XIII; 1950, табл. 94, рис. 79 и 232, № 76.

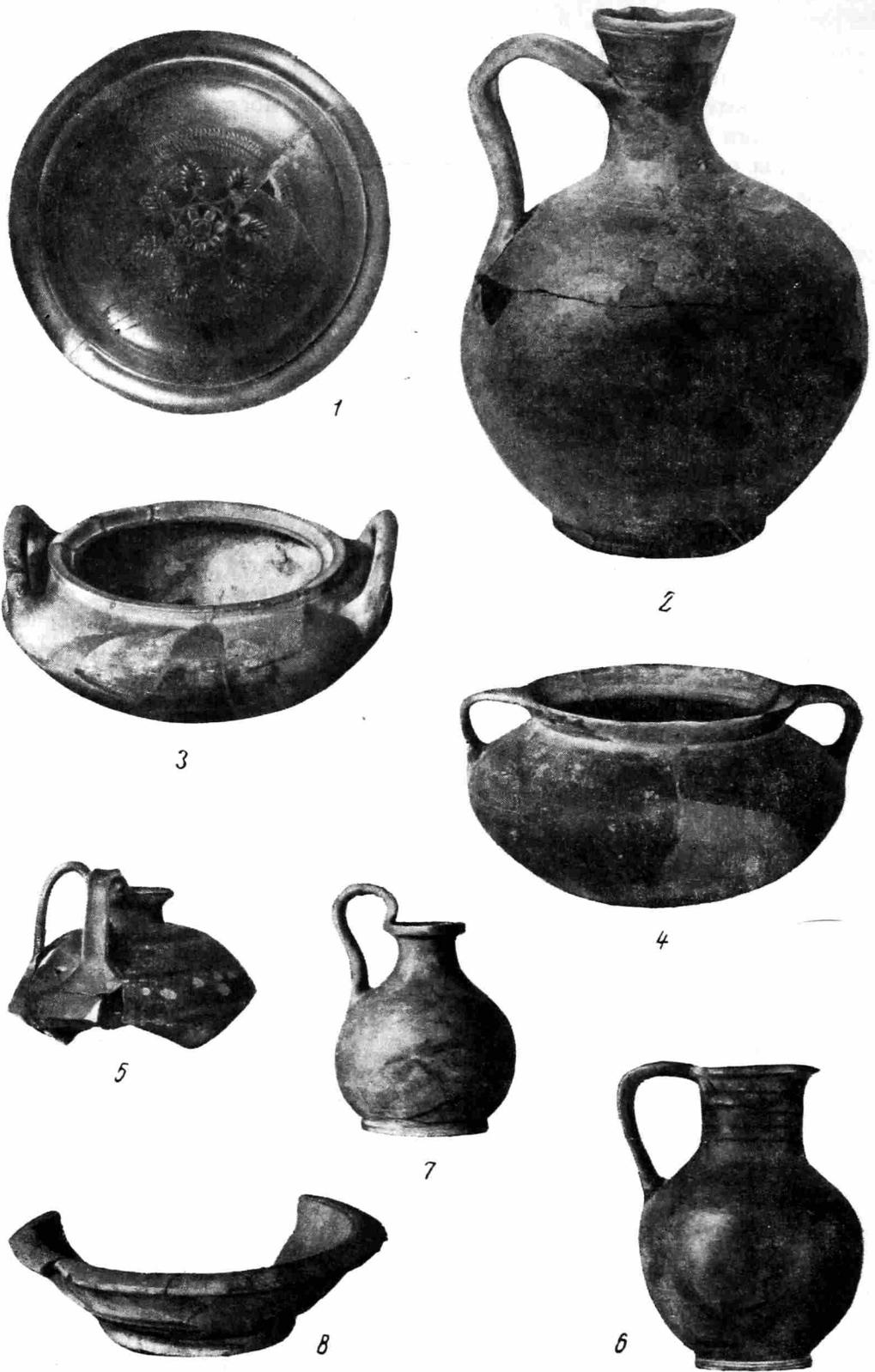

Рис. 63. Сосуды из ямы в Нимфее у святилища кабиров.

1 — чернолаковая чашечка (Нф-51.961); 2 — сероглиняный лекиф (Нф-51.991); 3, 4 — круглодонные сосуды с выступом для крышки (Нф-51.987); 5 — кувшин с биконическим туловом (Нф-51.993); 6 — кувшин с ребристым горлом (Нф-51.992); 7 — кувшин со следами красного лощения по поверхности (Нф-51.969); 8 — синопский лутерий (Нф-51.116).

чернолаковые рыбные блюда датированы второй половиной IV в. до н. э., хотя некоторые экземпляры можно отнести к раннему IV в., точно так же, как и фрагмент нимфейского блюда. Таким образом, большинство расписных сосудов, найденных в яме, относится к концу V в. до н. э. и только один — к началу IV в. до н. э.

Нерасписные сосуды тоже датируются этим небольшим промежутком времени.

Четыре круглодонных сосуда с выступом для крышки у венчика принадлежат к одной из распространенных форм тонкостенной кухонной посуды. Три из них имеют сильно сплющенное тулово с круглыми вертикальными ручками, поднимающимися на 1 см над низким венчиком (рис. 63—3). Тулово четвертого сосуда более округлое, а вертикальные ручки плоские (рис. 63—4). Кухонные сосуды этой формы, обычно с закопченным дном, встречаются в большом количестве в классических и эллинистических слоях городов Северного Причерноморья: в Пантикапее¹, Мирмекии², Тиритаке, Ольвии³. Классификация этих сосудов по типам дана Т. Н. Книпович⁴, но среди опубликованного ею материала преобладают эллинистические образцы, поэтому только один экземпляр⁵ сходен с нимфейскими. В. Ф. Гайдукевич приводит различные формы сосудов местного производства из Мирмекии⁶, относящихся к III—II вв. до н. э. Среди них нет похожих на нимфейские, так как они относятся к другому времени. Значительно ближе к трем нимфейским сосудам круглодонные, но более плоские и с втулкой сосуды из Афин⁷, из комплекса, относящегося к 460—440 гг. до н. э. Более округлое тулово имеют кухонные сосуды V в. до н. э., тоже из Афин⁸ и Коринфа⁹. Близкий сосуд с втулкой хранится в Керченском музее¹⁰; подобные найдены и на о. Эгине, и на Родосе. Реконструкция найденного на о. Эгине кухонного сосуда, но с углублением в дне, не встречающимся в Северном Причерноморье, приведена Блинкенбергом при публикации материала из Линдоса¹¹.

Как видно из перечисленных находок, сосуды этого типа были распространены в Греции в классическое время. На многих из них имеются втулки, которые отсутствуют на нимфейских, найденных в яме, но в округе святилища Деметры в слое конца V в. до н. э. сосудов с втулками встречено довольно много. Четвертому из найденных нами сосудов, с плоскими ручками, близкие аналогии есть среди посуды V в. до н. э. из Олинфа¹².

Кухонные сосуды из ямы в Нимфее должны быть отнесены ко второй половине V в. до н. э. Подтверждение этой дате, помимо приведенных соображений, можно видеть в четкой форме низкого венчика со свободно поставленными ручками, что резко отличает найденные нами сосуды от эллинистических типов с плотно прижатыми ручками и отогнутым венчиком.

¹ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 217, рис. 72, 3 и 6.

² В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекии в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 201, рис. 112.

³ Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И». Сб. «Ольвия», т. I. Киев, 1940, стр. 14, табл. XXIX, XXX.

⁴ Там же, стр. 129.

⁵ Там же, табл. XXIX, 5.

⁶ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 201.

⁷ *Hesperia*, т. IV, 1935, стр. 494, рис. 16, № 78 и 79.

⁸ *Hesperia*, т. V, 1936, стр. 343, № 5184.

⁹ *Hesperia*, т. VI, 1937, стр. 305, рис. 36, № 205.

¹⁰ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 202, рис. 114.

¹¹ C. Blinkenberg. *Lindos Fouilles de l'acropole*. Berlin, 1931, стр. 623, рис. 62

¹² *Olynthus*, т. XIII, табл. 137, № 217 и 218.

Из четырех кухонных сосудов, разобранных выше, два сделаны из красной глины с белыми вкраплениями и являются изделиями боспорского производства (рис. 63—4); два других, — из плотной коричневатой глины с блесками, — повидимому, привозные. Публикуя такие сосуды, найденные в Афинах, Л. Толкот обращает внимание на то, что кухонная посуда, имеющая большое распространение в Афинах, не аттического, а островного производства¹. Отмечается сходство глины кухонных сосудов с глиной хиосских остродонных амфор. Возможно, что два нимфейских круглодонных сосуда тоже островного происхождения.

Значительное место среди керамических находок из ямы занимают серые, со следами лощения, сосуды местного производства. Выявлено несколько типов, но главным образом кувшины с шаровидным туловом на кольцеобразной подставке, с реберчатым горлом и плоской или двустольной ручкой (рис. 63—6). Громадное количество серых кувшинов этой формы, характерной для V в. до н. э., было найдено в самом городе и в святилище Деметры в Нимфее. Той же формы серые кувшины входят в инвентарь погребения V в. до н. э. в Ольвии².

Лекиф серой глины, со следами лощения на шарообразном тулове (рис. 63—2), является пока единственным среди серой посуды Нимфея.

К этой же группе керамики относятся плоская одноручная чашечка на кольцеобразной подставке, с лощением, и чашечка с черным покрытием. Последняя принадлежит к намечающейся среди серой керамики Нимфея группе сероглиняных сосудов с черным блестящим покрытием, как бы подражающим черному аттическому лаку.

По форме среди серой керамики, найденной в яме, особо интересен кувшин с биконическим туловом, с двумя вогнутыми ручками, расположенными почти рядом на венчике и расходящимися у основания на 7,5 см (рис. 63—5). В верхней части тулова стенки выпуклые, в нижней резко скошены в кольцеобразной подставке. Горло низкое, с отогнутым венчиком, отделено от стенок узким рубчиком. Сосуд сделан из коричневатой глины, серой в изломе, с белыми вкраплениями и покрыт плотной черной краской. По форме кувшин похож на ионийские (VI и V вв. до н. э.) с поясками, с таким же туловом и расположением ручек. Фрагмент ионийского сосуда этой формы найден в нимфейском святилище Деметры в слое начала V в. до н. э.; такой же встречен в Тиритаке³. Издавая его, Р. В. Шмидт опубликовала как аналогию кувшин из Афин, очень близкий по форме нимфейскому серому сосуду⁴. Также близок ему сосуд, найденный в колоде на афинской агоре⁵. Приведенные аналогии позволяют датировать нимфейский кувшин тоже концом V в. до н. э. Среди серой местной керамики Нимфея эта форма встречается впервые и, очевидно, является повторением привозных сосудов, немногочисленных и в самой Греции. Следует отметить находку в яме обломков другого, такого же по форме сосуда, но без черного покрытия.

Среди посуды из местной красной глины — чашек⁶, крышек сосудов с шишечкой⁷ — интересны кувшин со следами красного лощения, с высоко

¹ L. Talkott. Attic black-glazed stamped ware and other pottery from a fifth century well. *Hesperia*, т. IV, 1935, стр. 513, № 77—79.

² Могила № 54, раскопки 1906 г., Эрмитаж, инв. № Ол-1783; могила № 68, раскопки 1910 г., Эрмитаж, инв. № Ол-10662; могила № 47, раскопки 1912 г., Эрмитаж, инв. № Ол-13072.

³ Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 242, рис. 10.

⁴ *Hesperia*, т. VII, 1938, № 3, стр. 346, рис. 30.

⁵ *Hesperia*, т. XVIII, 1949, табл. 96, № 92.

⁶ Типы см. В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 202; рис. 115, 10, 11.

⁷ Типы см. Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 140; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 202, рис. 113.

изогнутой ручкой, по форме относящейся к V в. до н. э. (рис. 63—7), и синопский лутерий на плоской подставке (рис. 63—8).

Заслуживает внимания одноручная красноглиняная чашечка со слегка загнутым краем, покрытая черной краской, причем покрытие не похоже ни на черное лощение, широко распространенное на серых сосудах Нимфея, ни на тусклый лак привозной посуды. Возможно, что этот экземпляр является местным подражанием чернолаковым сосудам.

Обломков лепных сосудов в яме было мало, и только два дают представление о форме сосудов: один большой горшок с отогнутым краем и другой — тонкостенный, с выступом для крышки у края.

Кроме перечисленных сосудов, в яме найдены несколько разбитых остродонных амфор, которые удалось восстановить.

Сверху находилась амфора с клеймом на горле ΣΤΑΣΙΧΟΡΟ/ΤΩΝΟΣ; между именами помещена эмблема — палица (рис. 64—1 и 65—1).

Второе имя восстанавливается как ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ. Повторение этих двух имен вместе мы встречаем на клеймах из Керчи и Ольвии¹, а также на амфоре из кургана близ Петуховки², где амфора найдена вместе с чернолаковым киликом конца V в. — начала IV в. до н. э.

По этим аналогиям можно считать, что и на нимфейской амфоре имя Аристоноса стояло без предлога. Имя Стасихора часто встречается на гераклейских клеймах. Обычно оно стоит на первом месте с эмблемой в виде палицы; его сопровождают разные вторые имена³. Б. Н. Граков относит эти имена по шрифту ко II группе гераклейских клейм.

Вторая гераклейская амфора, найденная вместе с фасосской, имеет клеймо с одним именем, расположенным в две строки, — ΕΥΡΥΔΑΜΟ (рис. 64—2 и 65—2).

Такие же клейма найдены в Ольвии на обломке горла из насыпи кургана IV в. до н. э.⁴ и на амфорах из подбойной могилы 1910 г. (№ 64), комплекс инвентаря которой датируется концом V в. до н. э., а также из подбойной могилы в кургане близ Петуховки⁵ и из Керчи⁶. На всех клеймах имя Эвридамо разделено на две строки и исполнено крупными буквами, кроме клейма из Ольвии, на котором размер букв значительно меньше.

Третья гераклейская амфора имеет двустрочное клеймо — ΝΟΣΣΟΕΠΙ/ΑΙΘΕΡΟΣ (рис. 64—3 и 65—3). Имя Носсос встречается многократно на гераклейских клеймах с разными вторыми именами и всегда стоит первым⁷, в то время как имя магистрата Айтероса — всегда вторым и с предлогом ΕΠΙ⁸. Вероятно, Айтерос — современник Стасихора, так как эти два имени фигурируют на одном клейме, хранящемся в ГИМ⁹. Б. Н. Граков указывает, что имена Носсос и Айтерос, вообще редкие, характерные для энглифических клейм¹⁰.

Последней в яме лежала амфора с клеймом ΟΝΑΣΟ¹¹. По форме она ближе к типу гераклейских амфор, напоминающих фасосские. Амфора с таким же

¹ Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и черепицах Эрмитажного собрания. Пгр., 1917, стр. 126, № 159, 160

² М. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. «Praehistorische Zeitschrift», V, 1913, стр. 38 и 40.

³ Б. Н. Граков. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Труды ГИМ, вып. 1, М., 1926, стр. 201, приложение 1.

⁴ Курган, раскопки 1904 г. Эрмитаж, инв. И Ол-5541; могила № 64, раскопки 1910 г., Эрмитаж, инв. № Ол-10878.

⁵ М. Ebert. Указ. соч., стр. 53.

⁶ Е. М. Придик. Указ. соч., стр. 124, № 110.

⁷ Там же, стр. 120, № 19 и 21; стр. 125, № 138 и 142; стр. 143, № 4.

⁸ Там же, стр. 119, № 3 и 5; Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 201, приложение № 1—А, 1.

⁹ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 201, приложение № 1, и стр. 170, табл. I, № 3.

¹⁰ Там же, стр. 180 и 182.

¹¹ Эрмитаж, инв. № Нф-51.943.

клеймом найдена в кургане № 10 у Аджигола¹, в котором ни одна вещь комплекса — чернолаковый килик, чашечка на ножке, краснофигурный ле-

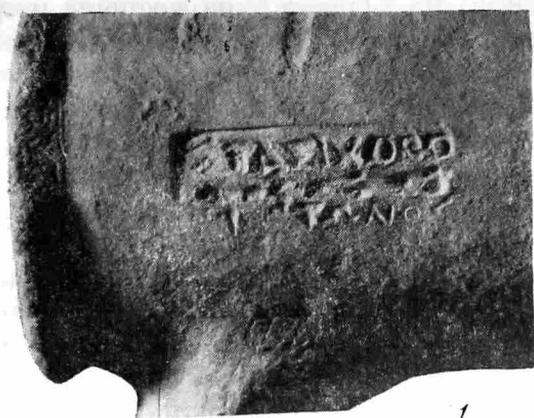

Рис. 64. Амфоры из ямы у святилища кабиров в Нимфее.
1—Нф-51.939; 2—Нф-51.941; 3—Нф-51.942; 4—Нф-51.940.

киф и самосская амфора с поясками — не может быть датирована позднее конца V в. до н. э. Такое же клеймо, происходящее из Ольвии, Б. Н. Граков относит по шрифту к I группе². Имя ONAZO , — довольно редкое, —

¹ М. Еbert. Указ. соч., стр. 26.

² Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 205, № 55.

1

2

3

4

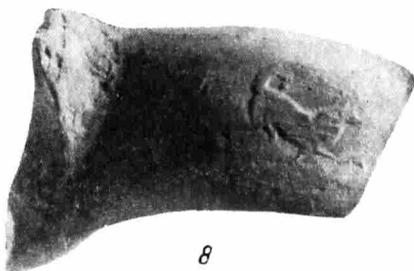
5

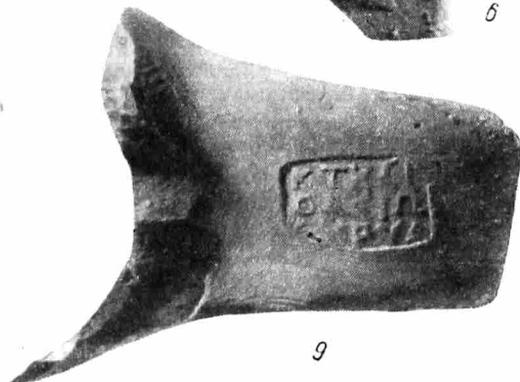
6

7

8

9

Рис. 65. Клейма на амфорах из ямы у святилища кабиров.

обычно встречается одно. Интересно клеймо из Ольвии¹, на котором под именем ΟΝΑΣΟ помещена эмблема — палица. Клеймо оттиснуто дважды, так как верхнее вышло недостаточно ясно.

Пятая амфора из ямы — фасосская, с клеймом на ручке (рис. 64 — 4 и 65 — 5). Имя размещено в две строчки, причем вторая читается обратно; между строками — палица. Клеймо очень редкое, и только одна аналогия происходит из Керчи². Буквы обоих клейм мелкие и очень четкие, размеры клейм совпадают; возможно, что клейма исполнены одним штампом. Е. М. Придик относит это клеймо к группе неизвестного происхождения, но форма амфоры и тип глины заставляют ее считать фасосской.

Кроме целых амфор, в яме найдены многочисленные обломки, в том числе 42 днища амфор из различных центров³.

Б. Н. Граков в своей работе намечал хронологические рамки группы перечисленных нами клейм: с последней четверти IV в. до н. э. до третьей четверти III в. до н. э., хотя алфавит клейм, по его словам, «довольно ранний для эллинистической эпохи»⁴.

И. Б. Зеест в статье «О типах гераклеийских амфор» отмечает, что, как ей известно, Б. Н. Граков в настоящее время начальную дату энглифических клейм отодвигает до середины IV в. до н. э.⁵ Но эта датировка несколько расходится с данными изучения комплекса нимфейских находок, рассмотренных нами выше. Сомнительно, чтобы керамике конца V в. и начала IV в. до н. э. сопутствовали амфоры середины IV в. до н. э. Если бы все гераклеийские амфоры лежали в верхнем слое заполнения ямы, можно было бы считать, что они попали туда последними и что яма просуществовала длительное время. Но амфоры чередовались с керамикой конца V в., начиная с верхних горизонтов и до дна, причем это не первый случай находок энглифических амфор в слоях конца V в. до н. э. в Нимфее⁶. Кроме того, и в двух курганах, у Аджигола и Петуховки, в закладах подбойных могил конца V в. и начала IV в. до н. э. были найдены гераклеийские амфоры, даже с теми же клеймами, как и на нимфейских из ямы⁷. Заклады подбойных могил в Ольвии конца V в. тоже состояли из амфор с энглифическими клеймами⁸.

В Нимфее в здании V в. до н. э. вместе с чернолаковыми кубками, украшенными поясом штампованных пальметок и ов, и чернолаковой чашкой⁹ найдено горло с энглифическим четким клеймом ΕΥΑΡΧΟ/ΜΟΛΟΣΣΟΣ¹⁰. На вымостке указанного дома в Нимфее найдено горло с клеймом из мел-

¹ Эрмитаж, инв. № Ол-13546.

² Е. М. Придик. Указ. соч., стр. 111, № 231 (хранится в Эрмитаже).

³ Типы днищ см. В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г. МИА, № 4, 1941, стр. 124. рис. 20.

⁴ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 175.

⁵ И. Б. Зеест. О типах гераклеийских амфор. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 48; см. также А. А. Нейхарт. Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритакиморья в эллинистическую эпоху. Автореферат диссертации. Л., 1951, стр. 9.

⁶ Обломки гераклеийских амфор с энглифическими клеймами: Эрмитаж, инв. № Нф-40. 110; Нф-40. 471; Нф-41. 465.

⁷ М. Еbert. Указ. соч., стр. 26, 36, 38, 39, рис. 42; стр. 40, 42, 46, рис. 48; стр. 53.

⁸ Ольвия, могила № 64, раскопки 1910 г., в подбое — амфоры с клеймами ΕΥΡΥΔΑΜΟ (Эрмитаж, инв. № Ол-10878) и ΓΝΡΥΟΣ (Эрмитаж, инв. № Ол-10875); могила № 68, раскопки 1910 г., — с клеймами ΓΝΡΥΟΣ (Эрмитаж, инв. № Ол-10869). . . . ΩΤΗΡΟΣ (Эрмитаж, инв. № Ол-10879), ΕΥΡΥΔΑΜΟ (Эрмитаж, инв. № Ол-10876), вместе с чернолаковым киликом (Эрмитаж, инв. № Ол-10349); могила № 74, раскопки 1910 г., — с клеймом ΔΑΜ. . . ΙΟ (Эрмитаж, инв. № Ол-10880), вместе с краснофигурным лекрифом (Эрмитаж, инв. № Ол-10334).

⁹ М. М. Худяк. Работы Нимфейской экспедиции 1939 г. Труды античн. отд. Гос. Эрмитажа, I, табл. XI, 1—3.

¹⁰ Е. М. Придик. Указ. соч., стр. 124, № 107; М. Еbert. Указ. соч., стр. 40, (вместе с клеймом ΣΤΑΣΙΧΟΡΟ).

ких, плотно поставленных букв — ΚΟΑΣ/ΕΠΙΛΙΣΤΟΝΟΥ, эмблема — дельфин. Не желая загромождать статью многочисленными примерами, укажем, что и в святилище Деметры встречались энглифические клейма в культурном слое конца V в.—начала IV в. до н. э.¹

Все изложенное заставляет нас поставить вопрос о возможности отнести некоторые гераклеийские амфоры с энглифическими клеймами к началу IV в. до н. э.

Разный шрифт перечисленных клейм не находится в противоречии с нашей предполагаемой датировкой, так как Б. Н. Граков отмечает, что «при ближайшем рассмотрении алфавита оказывается, что формы букв встречаются в очень разнообразных сочетаниях и едва ли представляется возможность разбить их на точные хронологические группы. Здесь приходится руководствоваться не столько формой отдельных букв, сколько общей манерой письма. Эта последняя также разнообразна»².

Присутствие фасосской амфоры с клеймом в комплексе материала из нимфейской ямы тоже не должно вызывать сомнения. Фасосские клейма неоднократно встречались в Нимфее, главным образом в святилище Деметры, вместе с керамикой конца V в. до н. э. — чернолаковыми киликами, украшенными резным и штампованным орнаментом, с обломками краснофигурного кратера и терракотами-протомами:

1) безбородая голова вправо, вокруг надпись ΘΑΣΙΟΝ/ΜΕΓΩΝ/ΑΡΧΕΣΤΡΑΤΟΣ (рис. 65 — 6)³;

2) эмблема — заяц, над ним следы — ΘΑΣΙΟΝ (рис. 65 — 7)⁴;

3) эмблема — собака (рис. 65 — 8)⁵;

4) ΚΤΗΣΙ/ΘΑΣΙΩ/ΕΥΡΥΑ (рис. 65 — 9)⁶.

Датировка фасосских клейм в настоящее время получает большую четкость. В. Грэс устанавливает их раннюю датировку — 425 г., относя клеймо с безбородой головой и именем Мегон к последнему десятилетию V в. до н. э., позднее 411 г.⁷

Редкое фасосское клеймо с эмблемой лиры найдено было в Нимфее в 1952 г. в слое V в.⁸ (рис. 65 — 4) на амфоре, изготовленной из глины темнокрасного цвета, изобилующей мелкими блестками.

Рассмотренный материал позволяет отнести перечисленные фасосские клейма к концу V в. до н. э.

Очень многие сосуды из ямы относятся к концу V в. до н. э. Они найдены, как это уже указывалось, на разной глубине. Это заставляет прийти к выводу, что поврежденные сосуды были сложены в яму одновременно, видимо, в начале IV в. до н. э.

Близость ямы к святилищу кабиров и характер ее заполнения одновременным материалом определяют ее назначение как места, куда складывались вышедшие из употребления сосуды святилища.

Привлекая аналогии, мы неоднократно обращались к керамике из колодца на афинской агоре, в котором оказывался почти одновременный материал. Этот комплекс помогает уточнению многих датировок керамики; кроме того, он важен и потому, что входящие в него вещи близки по характеру находкам в нимфейской яме. Колодец на агоре, глубиной 17 м, был

¹ Обломки гераклеийских амфор с энглифическими клеймами. Эрмитаж, инв. № Нф-41. 428, Нф-41. 429, Нф-41. 430, Нф-48. 986, Нф-48. 980.

² Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 175.

³ Ср. Е. М. Придик. Указ. соч., табл. II, 9, стр. 50, № 306. Эрмитаж, инв. № Нф-48. 1003.

⁴ Ср. там же, табл. IV, 15, стр. 53, № 389. Эрмитаж, инв. № Нф-48. 191.

⁵ Ср. там же, табл. IV, 14, стр. 54, № 401. Эрмитаж, инв. № Нф-48. 994.

⁶ Ср. там же, стр. 47, № 232—234. Эрмитаж, инв. № Нф-48. 991.

⁷ V. Grase. Early Thasian stamped amphoras. American journal of archaeology, 1946, t. 50, № 1, стр. 31, 32.

⁸ Ср. Е. М. Придик. Указ. соч., табл. VII, II, стр. 54 и 463.

заброшен еще в древности, видимо, вследствие несчастного случая, так как на дне его был обнаружен костяк 20-летнего юноши. Позднее в колодец брошена битая посуда. Публикуя этот материал, Корбет¹ не касается назначения колодца, но отнюдь не считает его мусорной ямой, в которую бросалась в течение ряда лет негодная посуда.

В Афинах и Коринфе² открыты еще несколько подобных колодцев, заполненных одновременным материалом. Употребляемое в отчетах и публикациях название «колодец» не всегда применимо ко всем ямам, вырубленным в скале. Часто можно встретить объяснения, что колодец не был вырублен до воды из-за твердости грунта³. Вероятно, эти ямы вырубались в древности не как колодцы, а предназначались для других целей.

Такая круглая яма глубиной 3 м на северном склоне Ареопага⁴ была заполнена керамикой третьей четверти VII в. до н. э. Недалеко от святилища Афродиты и Эрота, расположенного под Эрехтейоном, в «колодец V» глубиной 17,8 м был сброшен материал, относящийся к концу VI в. до н. э.⁵

К перечисленным примерам можно добавить колодец V в. до н. э. (460—440 гг.), открытый около Стои Атгала, и ямы на агоре Коринфа⁶.

Это свидетельствует о том, что вышедшая из употребления посуда из существовавших здесь с древних времен святилищ складывалась в ямы, специально для этого предназначенные. И прямоугольная шахта, вырубленная в скале около Гестеиона, с керамикой третьей четверти VII в. до н. э. тоже относится к подобным ямам⁷.

Во всех этих ямах мы встречаем по большей части одни и те же формы сосудов — килики, скифосы, лекифы, а также нерасписные кувшины, горшки и остродонные амфоры, или являвшиеся приношениями в святилище, или употреблявшиеся при культовых обрядах. И когда они приходили в негодность, их складывали в ямы, расположенные поблизости.

Приведенный выше археологический материал из Греции подтверждает предположение, что нимфейская яма тоже, повидимому, предназначалась для вышедших из употребления сосудов святилища.

Интересно, что еще одно подобное хранилище, относящееся к архаическому святилищу кабиров в Нимфее, частично открыто под оборонительной стеной города. Среди находок — обломки аттического чернофигурного кратера, большая чернофигурная лекана, одноручные горшки с вертикальными лощеными линиями и 4 остродонные хиосские амфоры с припухлыми горлами.

Конечно, по количеству и качеству сосудов нимфейские ямы-хранилища далеко уступают указанным ямам Афин и Коринфа, но мы не должны забывать, что имеем дело с фактами и явлениями, характеризующими маленький городок Боспора, в котором очень своеобразно развивалась жизнь, конечно, отличавшаяся от городов самой Греции.

---

¹ Peter E. Corbett. Attic pottery of the later fifth century. *Hesperia*, т. XVIII, 1949, № 4, стр. 298, 299.

² *Hesperia*, т. IV, 1935, стр. 472; т. VII, 1938, стр. 167, 188, 363, 412, 556.

³ *Hesperia*, т. VII, 1938, стр. 412.

⁴ Там же, стр. 188.

⁵ Там же, стр. 162, рис. 1 и стр. 167, рис. 2, планы.

⁶ *Hesperia*, т. VI, 1937, стр. 257.

⁷ *Hesperia*, т. IV, 1935, стр. 363, план; т. VII, 1938, стр. 363.

Т. Н. КНИПОВИЧ

ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ РИМСКОЙ ЦИТАДЕЛИ В ОЛЬВИИ

Археологическое изучение Ольвии проводилось в 1953 г. в очень ограниченных масштабах¹. Раскопкам подвергались только северная часть ольвийской агоры («Е — север») и один из участков территории римской цитадели (участок М), результаты исследования которого изложены в настоящей статье.

Изучение этой территории, т. е. южной части верхнего города, ограниченной Заячьей и первой Поперечной балками, начато уже давно. Первые проведенные здесь работы относятся еще к тому периоду, когда по общему плану Б. В. Фармаковского решались основные вопросы о характере городища, его границах, значении отдельных частей. Раскопками 1904—1906 гг. было установлено, что южная часть верхнего города была районом, особо укрепленным во II—III вв. н. э., в связи с чем и дано название «римская цитадель».

Основным результатом работ 1904—1906 гг. можно считать открытие оборонительных сооружений, относящихся не только к позднему времени, но и ко всем периодам жизни Ольвии; это дало возможность сделать ряд наблюдений широкого исторического значения. Но следует отметить, что оборонительные сооружения явились почти единственными обнаруженными в эти годы строительными остатками — все остальное было либо крайне фрагментарным, либо тоже так или иначе связано с системой обороны города.

С территории римской цитадели происходит ряд особенно интересных находок, прежде всего богатый эпиграфический материал. Необходимость возобновления здесь систематических археологических исследований была совершенно очевидна.

Раскопки территории цитадели возобновлены в 1951 г. и продолжены в 1952 г. Исследованию подверглось два участка: участок М вблизи составлявшей северную границу цитадели первой Поперечной балки, у западной части этой балки, и участок Л в центральной части цитадели.

Результаты работ 1951 г. изложены в двух небольших статьях². Наиболее интересным было открытие строительных остатков, относящихся к первым векам нашей эры, существенно дополнившее наши представления

¹ В Ольвийской экспедиции 1953 г. участвовали: сотрудники ЛОИИМК Т. Н. Книпович (начальник экспедиции), А. Н. Карасев (начальник отряда), Е. И. Леви; сотрудники Эрмитажа А. И. Вошинина и М. П. Ваулина; аспирант Эрмитажа Я. В. Доманский; Н. Л. Грач; сотрудники Ольвийского заповедника Ф. М. Штительман и Г. С. Иванина.

² Т. Н. Книпович. Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции. КСИИМК, 51, 1954, стр. 112 и сл.; ВДИ, 1953, № 1, стр. 183 и сл.

о строительстве послегетской Ольвии. На участке М установлено наличие мощных наслоений, относящихся также и к догетскому периоду, которые главным образом и исследовались в 1952 г.¹ В западной части участка, к западу от перистильного двора первых веков нашей эры, были обнаружены остатки дома V—III вв. до н. э. Открыт обширный подвал, разделенный сложенной из камня стенкой на два помещения; немного отступя от западной стенки подвала сохранилась небольшая часть стены верхнего, надземного этажа. Подвал был вскрыт не весь — над северо-восточной его четвертью временно оставлена часть очень фрагментарно сохранившегося более позднего сооружения.

Рис. 66. Ольвия. План раскопа. М, 1953 г.

Доследование дома V—III вв. в пределах подвальных помещений составило основную задачу работ 1953 г. Северо-восточная часть подвала была освобождена от находившихся выше строительных остатков, после чего расчищены и исследованы на всем протяжении восточная и северная стены; таким образом, вскрыта вся площадь подвала размером $5,65 \times 3,72$ м (рис. 66). Стены его изнутри были оштукатурены глиняной обмазкой и побелены; пол глинобитный. В юго-восточном углу восточного помещения открыта еще в 1952 г. глубокая яма, заполненная характерным материалом классического, частью еще и архаического времени.

Обращают внимание обширность подвала и большое количество интересных находок, встречавшихся и в 1952, и в 1953 гг. Следует особо отметить обломки черепицы с синопскими клеймами, прекрасный глиняный акротерий в виде крупной пальметки, относящийся еще ко второй половине V в. до н. э., интересные импортные сосуды, фигурки птичек из цветного стекла и т. д. Все эти находки устанавливают, что дом построен во второй

¹ Поскольку в 1953 г. исследованию подвергался только участок М, работ 1952 г. на участке Л я касаться не буду.

половине V в. до н. э. и существовал затем, подвергаясь перестройкам, в IV и III вв. до н. э. Несомненно, это остатки богатого и хорошо оформленного дома: он интересен как первое открытое нами на территории цитадели строение догетского периода. Доследование его представляет одну из необходимых очередных задач дальнейших работ.

Для полного исследования северной стены подвала раскоп был несколько расширен к северу. При этом вблизи северной стены, почти параллельно ей, обнаружены остатки другой стены, отличавшейся исключительной монументальностью.

Вскрытая в 1953 г. часть стены (общей протяженностью 11,35 м) достигает ширины около 3 м и сохранилась на высоту до 1,3 м.

Основу фундамента составляют громадные камни, почти не обработанные или отесанные очень примитивно; выше — камни меньших размеров и очень различные, среди них много камней вторичного использования, есть и крупные булыжники. Кладка скреплена глиной, местами положенной очень обильно.

Фундамент почти везде возведен на материке, на глубине 5,12—5,20 м.

Мощность кладки не допускает сомнений в том, что обнаруженная стена являлась северной оборонительной стеной римской цитадели. Встречавшиеся между камнями находки дают возможность проверить время сооружения: это конец II в., если не начало III в. н. э. Следовательно, стена была воздвигнута в период, когда Ольвия уже окончательно подпадает под власть Рима.

В «траншее 1905 года»¹ Б. В. Фармаковский открыл, несомненно, часть этой же стены, уделив ей тогда очень мало внимания. Между тем даже открытая сравнительно небольшая часть сооружения — очень эффектный и характерный памятник, дополняющий наше представление о системе обороны Ольвии; дальнейшее его исследование входит в число первоочередных задач.

На весьма ограниченной территории, прилегающей к открытому участку монументальной стены, могли быть сделаны лишь отдельные наблюдения, касающиеся ранних культурных наслоений этой части города. Но обнаруженный здесь материал очень показателен. Особенно интересен целый набор родосских расписных киликов, относящихся еще к первой половине VI в. до н. э.; к сожалению, все килики найдены раздавленными. К тому же времени относятся и некоторые другие находки. Интересны обнаруженные также в нижнем слое обломки горшков еще предскифского периода.

Из других наметившихся объектов следует указать вскрытые у восточного борта раскопа на довольно низком уровне (3,5—4 м от дневной поверхности) остатки какого-то производства медных изделий. Площадка была покрыта горелой глиной; рядом находилась яма, заполненная золой с кусками медного шлака и обломками глиняных тиглей. Среди отбросов производства встречались медные дельфинчики, целые и обломки. Выяснение значения этого, безусловно, очень важного комплекса возможно только при расширении раскопа на восток.

Небольшие по масштабам работы 1953 г. на территории цитадели оказались, бесспорно, интересными. Они позволяют внести некоторые дополнения и в план ближайших археологических исследований этой части города. К ранее поставленным задачам доследования двух крупных строительных комплексов следует прибавить: 1) дальнейшее раскрытие монументальной стены и 2) специальное исследование архаического слоя, уже сейчас давшего ряд характерных находок.

¹ ОАК за 1905 г., стр. 23, 24, рис. 24.

Ж. ВОЖАРОВА

(Болгария)

РАННЕСЛАВЯНСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ СЕЛА ПОПИНА

Настоящая статья является предварительным сообщением о керамике, обнаруженной во время разведочных раскопок на одном из самых ранних славянских поселений в Болгарии. Поселение это находится в урочище Дренчето, в 4 км к западу от с. Попина, Силистренской околии (Северо-восточная Болгария). Расположено поселение на возвышенности, окруженной болотами — бывшими озерами — и оврагами, делающими его труднодоступным. Площадь его в настоящее время распахана, а две трети участка глубоко перекопаны, поэтому культурный слой сильно нарушен. На поверхности встречается довольно много фрагментов грубых сосудов, сделанных из глины, содержащей большие примеси дресвы и шамота.

В 1954 г. автором, по поручению Археологического института Болгарской Академии наук, были произведены у с. Попина небольшие раскопки. На вскрытом участке (около 80 кв. м) хорошо прослеживается культурный слой мощностью до 1 м, верхняя часть которого нарушена глубокой вспашкой.

Культурный слой однороден и стратиграфически не расчленяется. На подстилающем его материке в одном месте раскопа обнаружено скопление обожженной глины в виде пятна диаметром 1,6 м и толщиной 10—12 см; сверху залегал тонкий слой пепла и древесных углей. На другом участке обнаружена часть каменной стены, может быть, — жилища, уходящего в борт раскопа. Длина стены — 1,37 м, ширина — около 1 м, высота — 0,65 м. Здесь же, на камнях стены найдено большое количество черепков глиняных сосудов.

Фрагменты глиняных сосудов в раскопе распространяются неравномерно; они сосредоточены в нескольких местах. Различно количество их и по глубине залегания. Так, на глубине 0—0,4 м от поверхности найдено 84 фрагмента, далее на отметках 0,4—0,6 м — 160, а от 0,6 до 0,85 м — 445 экземпляров. Подавляющее большинство глиняных сосудов сделано на медленно вращающемся ручном гончарном круге. Стенки таких сосудов неравномерно выгнуты, венчики низкие, в большинстве случаев отогнуты наружу. На донышках заметны следы подсыпки песка. Реже встречаются лепные сосуды (рис. 67—1), а также сделанные от руки, но в верхней части подправленные на примитивном гончарном круге.

Из найденных фрагментов удалось полностью составить 7 сосудов:

1. Горшок слегка профилированный, с прямым венчиком и слабо срезанным краем. Орнамент — неправильно врезанные бороздки, нанесенные по стенкам и доходящие до дна. Толщина стенок — 1 см; диаметр горлышка — 18 см, дна — 10 см, а самой широкой части тулова — 21 см. Высота — 19,6 см.

2. Горшок со слегка отогнутым наружу венчиком. Орнамент — врезанные бороздки, нанесенные на стенки через интервалы. Диаметр горлышка — 19,4 см, дна — 10 см, наиболее широкой части тулова — 20,2 см. Высота сосуда — 22 см.

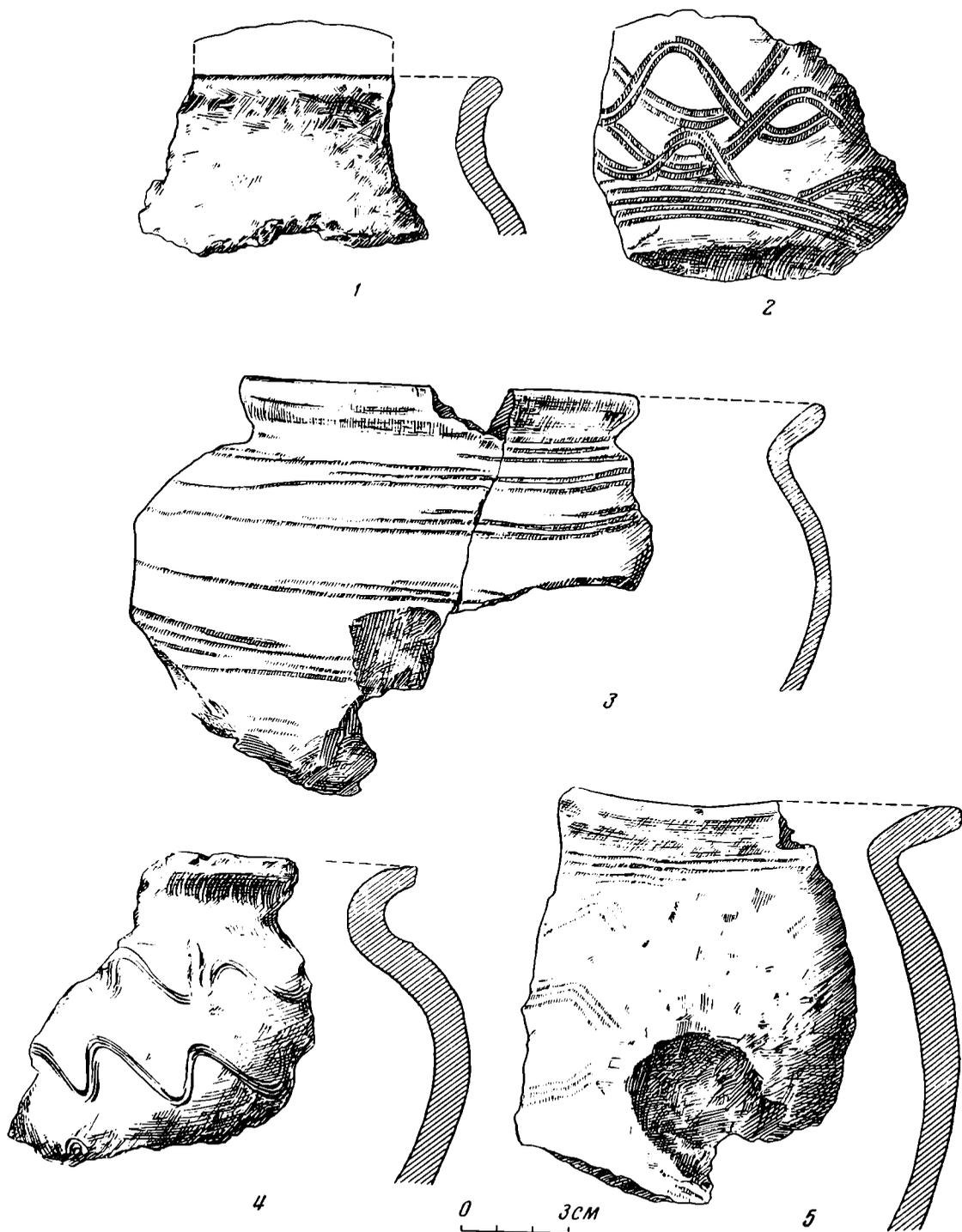

Рис. 67. Фрагменты глиняных сосудов из поселения у с. Попина.

3. Горшок с прямым, сильно отогнутым наружу венчиком, со срезанным краем. Орнамент — горизонтально врезанные бороздки, опоясывающие сосуд, а между ними — косо расположенные линии, образующие арки. Толщина стенок — 1 см; диаметр горлышка — 17 см, дна — 8 см, а самой широкой части — 15,2 см. Высота сосуда — 18,5 см.

4. Горшок с прямым, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 68 — 2). Орнамент — пояски из глубоко врезанных неправильных линий. В интер-

валах между поясками нанесены одна под другой неправильные волны. Сосуд — толстостенный (1—1,1 см). Диаметр горлышка — 10 см, самой широкой части тулова — 11,2 см. Диаметр дна — 9 см. Высота — 15 см.

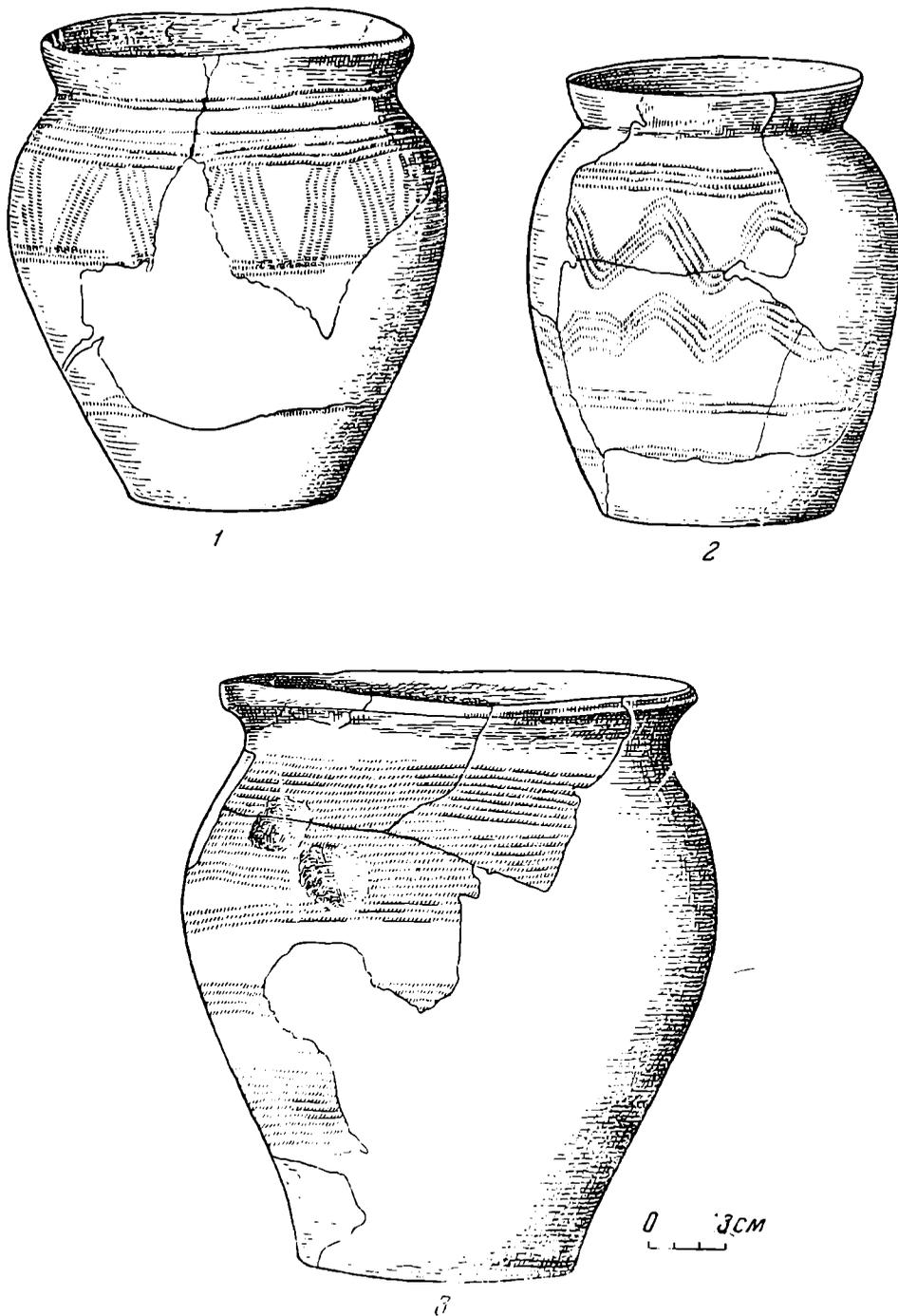

Рис. 68. Глиняные сосуды из поселения у с. Попина.

5. Горшок с высоким прямым, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 68 — 1). Орнамент — врезанные опоясывающие линии, а под ними — косо врезанные линии, образующие арки. Диаметр горлышка — 16,6 см, дна — 8,6 см, наибольший диаметр тулова — 17,5 см. Высота сосуда — 18 см.

6. Горшок с прямым венчиком, сильно профилированный, с маленьким и срезанным краем. Орнамент — мелкие волны, опоясывающие сосуд.

Стенки тонкие (0,4 см). Диаметр горлышка — 16 см, дна — 7,5 см, наиболее широкой части тулова — 17,4 см. Высота — 19 см.

7. Горшок с сильно отогнутым венчиком, резко срезанным краем (рис. 68—3). Орнамент — глубоко врезанные линии, нанесенные с интервалами и опоясывающие сосуд. Диаметр устья — 21 см. Наибольший диаметр тулова — 16 см, дна — 11,5 см.

Наряду с целыми сосудами на поселении найдено много частей подобных сосудов:

1. Венчик горшка, слабо отогнутый наружу, и высокое горлышко. Цвет красный. В изломе — темносерая полоса с двумя красными поясами по сторонам. В глине много примесей кварца. Толщина стенки — 1 см.

2. Часть сосуда с сильно отогнутым наружу венчиком. Край слабо срезан. Поверхность сильно шероховатая. Орнамент — волнистые ленты. Цвет темносерый. В изломе черепок темносерый до черного, с множеством примесей частиц кварца и белых камешков. Толщина стенки — 1—1,2 см (рис. 67—4).

3. Две трети верхней части сосуда, приближающиеся к сферической форме; венчик прямой, чуть выгнутый наружу, со срезанным краем. Орнамент — несколько врезанных линий, нанесенных через интервалы. Стенки тонкие (0,5 см). Диаметр горлышка — 18 см, а в наиболее широкой части тулова — 22 см (рис. 67—3).

4. Часть горлышка сосуда. Отогнутый наружу венчик с легко срезанным краем. Поверхность шероховатая. Орнамент — врезанные линии, нанесенные под венчиком на стенках сосуда неправильными острыми волнами. Цвет красный. В изломе черепок темносерого цвета; заметна примесь кварца. Толщина стенок — 0,5—1,2 см (рис. 67—5).

5. Горлышко сосуда (большой фрагмент) с профилированным венчиком, со срезанным краем. Поверхность шероховатая. Орнамент — волнистые линии, нанесенные несколькими поясами. Черепок в изломе темносерый до черного; большая примесь кварца и белого камня. Толщина стенки — 0,6—1 см.

6. Фрагменты горлышка с профилированным наружу венчиком. Правильно срезанный край. Поверхность шероховатая. Орнамент — группа мелких и более крупных волнообразных полос, нанесенных гребнем, несколькими поясами. В изломе черепок светлосерого цвета; заметны обильные примеси белого камня. Толщина стенок — от 0,6 до 1,3 см.

7. Части высокого горлышка плавно профилированного горшка. Край слегка срезанный. Цвет красно-коричневый. Орнамент — врезанные линии, нанесенные по стенкам сосуда и начинающиеся у венчика. Толщина стенки 0,1—1,2 см. В изломе черепок темносерого цвета; в глине много примесей белых камешков.

8. Две трети маленького горшка (отсутствует дно). Венчик плавно выгнутый наружу. Орнамент — по стенкам группа глубоко врезанных линий, а на них — группа неправильных встречных волнообразных полос, образующих ромбы. Сосуд толстостенный (1—1,5 см). Диаметр горлышка — 11 см. Наибольший диаметр тулова — 15,5 см.

9. Часть горшка с горлом. Венчик утолщенный и слегка выгнутый наружу. Форма сферическая. Орнамент — на стенках сосуда глубоко врезанные линии. Толщина стенок — 0,8 см. Диаметр устья — 16 см.

10. Верхняя часть горшка с плавно выгнутым наружу венчиком. Орнамент — волнообразные и врезанные прямые линии; группа волн нанесена на стенки и внутреннюю сторону горлышка. На внешней стороне венчика — группа врезанных линий. Сосуд толстостенный (1 см; рис. 69—1).

11. Маленькие фрагменты горлышка толстостенного горшка с широко выгнутым наружу краем. Поверхность шероховатая. Орнамент — волнистые полосы, нанесенные несколькими поясами; такой же орнамент — на вну-

тренней стороне венчика. Цвет темносерый до черного. Черепок в изломе темносерый; заметна примесь белых камешков. Толщина стенок — 0,7—1 см.

12. Горлышко горшка. Венчик сильно профилированный наружу, с широким срезанным краем. Поверхность шероховатая. Орнамент — волнистые полосы, нанесенные несколькими поясами в верхней части сосуда. На внутренней стороне горлышка — такой же орнамент, как и на стенках. Толщина стенок 0,4—0,6 см (рис. 69—2).

13. Два фрагмента горшка с сильно профилированным венчиком. Край остро срезан. Поверхность шероховатая. Орнамент на стенках — несколько поясов волнистых полос, нанесенных гребнем. На внутренней стороне — орнамент из врезанных линий. В изломе черепок — серого цвета; множество примесей частиц кварца и белого камня. Толщина черепка 0,5—0,8 см.

14. Горлышко сосуда с сильно профилированным наружу венчиком, со срезанным краем. Поверхность шероховатая. Орнамент — волнистая полоса, нанесенная несколькими поясами. Такой же орнамент — на внутренней стороне венчика. В изломе черепок — серого цвета. Толщина стенок — 0,4—0,6 см.

15. Три фрагмента горлышка горшка с сильно вогнутым под прямым углом венчиком. Край срезан. Поверхность шероховатая. Орнамент — неправильно врезанные линии и неправильные волнистые полосы. Черепок в изломе — темносерого цвета; глина с примесью кварца и белого камня. Толщина черепка 0,7 см.

16. Фрагментированное горлышко горшка, с сильно отогнутым срезанным краем. Поверхность чрезвычайно шероховатая. Орнамент — два пояса врезанных линий, между которыми волнистые полосы. Черепок — серого цвета; в глине — примесь кварца и белого камня. Толщина стенок — 0,6 см (рис. 69—3).

17. Горлышко сосуда с сильно профилированным венчиком, с неравномерно сглаженным краем. Поверхность шероховатая. Орнамент — горизонтально врезанные линии, неправильные волнистые полосы. Черепок — темносерого и красного цвета; в изломе видны примеси белого камня и кварца. Толщина стенок — 0,7 см.

18. Части горлышка сосуда, сильно профилированные. Широкий срезанный край. Поверхность шероховатая. Орнамент — мелко врезанные линии, сделанные тонким инструментом; они опоясывают сосуд. На внутренней стороне нанесен орнамент из широких волнистых полос (два ряда). Черепок в изломе — темносерого цвета; глина с примесью белого камня и кварца. Толщина стенок — 1—1,2 см. Доньшки у всех сосудов плоские.

Большинство гончарных сосудов — орнаментировано. Орнамент состоит из волнистых и горизонтальных бороздок, которыми часто покрывается вся поверхность сосуда — от края венчика до дна. Комбинации этих бороздок составляют 4 основных орнаментальных приема:

1. Неправильно врезанные бороздки, покрывающие всю поверхность сосуда (рис. 67—3).

2. Глубоко врезанные бороздки, которые с интервалами опоясывают сосуд.

3. Неправильно врезанные бороздки; в интервалах между ними — несколько групп неправильных крупных волн, образующих ромбы. Как вариант нужно отметить врезанные бороздки, образующие вместо ромбов арки; второй вариант — только две группы волнистых полос.

4. Основным является орнамент, состоящий из волнистых бороздок, которые, начинаясь недостаточно ясно проведенными волнистыми линиями, обычно крупными, часто нанесенными одна над другой (рис. 69—3), переходят в маленькие равномерно нанесенные волны. Волны нанесены по одной и группами.

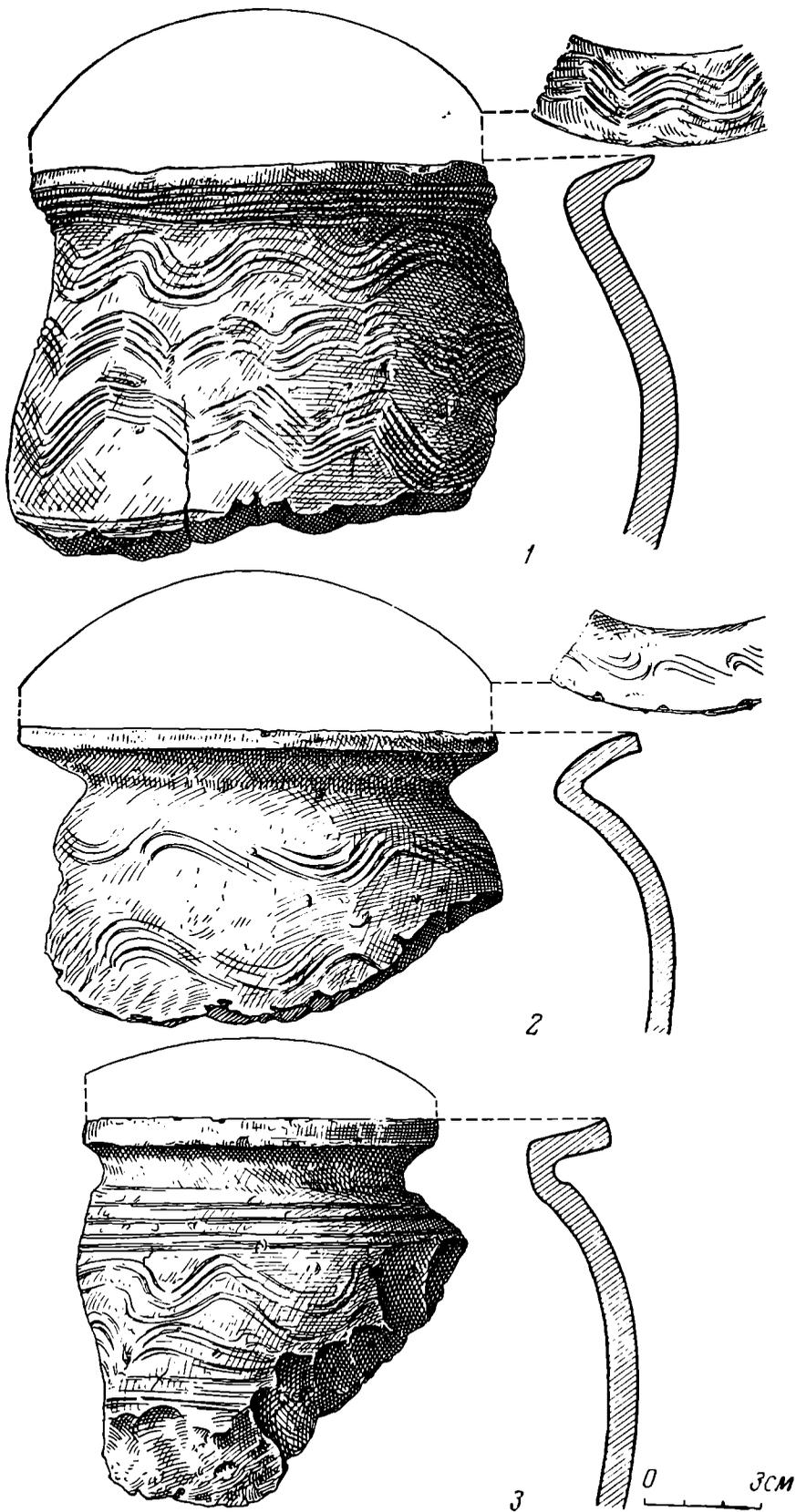

Рис. 69. Фрагменты глиняных сосудов из поселения у с. Попина.

Орнамент из поясков врезанных линий или маленьких и средних волн нанесен и по внутренней стороне горлышка (рис. 69—1, 2). Встречается он также на его внешней стороне.

Значительное количество собранной керамики (70 сосудов), богатое разнообразие ее форм и орнаментации — все это свидетельствует о широком распространении гончарного производства, при котором сосуды изготавливались с помощью самого примитивного круга. Находка большого количества посуды в одном месте раскопа и то, что сосуды не носят следов употребления, дает основание предположить, что здесь была расположена гончарная мастерская¹.

Керамика, найденная на поселении возле с. Попина, до сих пор была неизвестна в Болгарии. Наиболее близкие аналогии ей мы находим прежде всего среди сосудов роменско-боршевского типа² и в керамике, обнаруженной на чешской территории³. Очевидно, описываемая керамика развивалась путями, общими с родственной ей славянской керамикой.

Круг этого раннеславянского типа посуды очень широк, и поэтому, бесспорно, в ней наблюдаются некоторые различия; например, на керамике с нашей территории встречаются орнамент по внутренней стороне венчика и сферовидная форма сосуда с сильно профилированным венчиком. Эти различия дают право поставить вопрос о влиянии других местных культур.

Судя по тому, что между керамикой из с. Попина и керамикой роменско-боршевского типа, а также материалами, описанными в чешской литературе, наблюдается очень большая общность, в этнической принадлежности обитателей поселения возле с. Попина не приходится сомневаться: они были славянами.

К какому времени относится поселение у с. Попина? Датирование материала, кроме керамики, сейчас в нашем распоряжении нет.

Глиняные сосуды, как уже отмечалось, изготавливались на примитивном гончарном круге; следовательно, они более ранние, чем хорошо известные нам в Болгарии средневековые сосуды, выделанные на ножном, быстро вращающемся круге.

Для средневековых болгарских центров — Плиски, Мадары, Преслава и др. — характерны изготовленные на ножном гончарном круге сосуды из хорошо обработанной глины с примесью песчаных зерен, украшенные волнистым орнаментом или рифлением, со знаком на дне, т. е. керамика, которая в археологической литературе датируется IX—XI вв. В 2 км от исследованного поселения, в урочище Калето возле того же с. Попина, в 1954 г. производились раскопки городища⁴. Здесь была обнаружена средневековая керамика IX—XI вв. В урочище Джежова лозя, недалеко от раскопа, керамика из которого является предметом рассмотрения настоящей статьи, также было заложено несколько небольших шурфов. В трех из них открыт культурный слой мощностью до 0,5 м, содержащий средневековую керамику IX—XI вв.; в четвертом под культурным слоем со средневековой керамикой прослеживается слой с грубой раннеславянской керамикой, точно такой же, как на исследуемом поселении. Следовательно, описанные нами

---

¹ Как нам стало известно, в 1955 г. на этом селище автором статьи, действительно, открыты керамические обжигательные печи. (Ред.)

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 97; М. Макаренко. Орнаментация керамических виробів в культурі городищ роменського типу. *Niederbühv sbornik*. Praha, 1925, стр. 329, рис. 14—18; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 38, рис. 7; И. Ляпушкин. Археологические памятники в бассейне Ворсклы. КСИИМК, XIX, 1948, стр. 36, рис. 8.

³ Josef Poulík. *Staroslovanská Morava*. Praha, 1948; его же. *Jižní Morava země dávných Slovanů*. Brno, 1948—1950.

⁴ Раскопки в местности Калето близ с. Попина производились под руководством М. И. Артамонова при участии румынских и болгарских археологов.

сосуды, сделанные на примитивном гончарном круге, более ранние, чем изготовленные на ножном, быстро вращающемся круге.

На основании исторических и археологических данных поселение у с. Попина можно датировать VII—VIII вв.

Будущие раскопки, очевидно, дадут возможность уточнить дату. Но уже теперь можно сказать, что наша археология впервые открыла памятники того времени, когда славяне начали заселять территорию Болгарии. Открытие на болгарских землях раннеславянской культуры расширяет горизонт наших знаний, ломает традиции, мешавшие некоторым болгарским археологам видеть, что славянские древности существуют не только в рамках болгарского средневековья (IX—XII вв.), но и в более ранние периоды.

Изучение поселения возле с. Попина представляет большой научный интерес для решения проблем, связанных с этногенезом болгарского народа. Славянские племена и их культура имеют большое значение для решения вопроса о формировании болгарской народности.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

А. П. ЧЕРНЫШ

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК СТОЯНКИ МОЛОДОВА 5
НА ДНЕСТРЕ

При исследованиях многослойной стоянки Молодова 5, находящейся на правом берегу Днестра, на территории Кельменецкого района Черновицкой

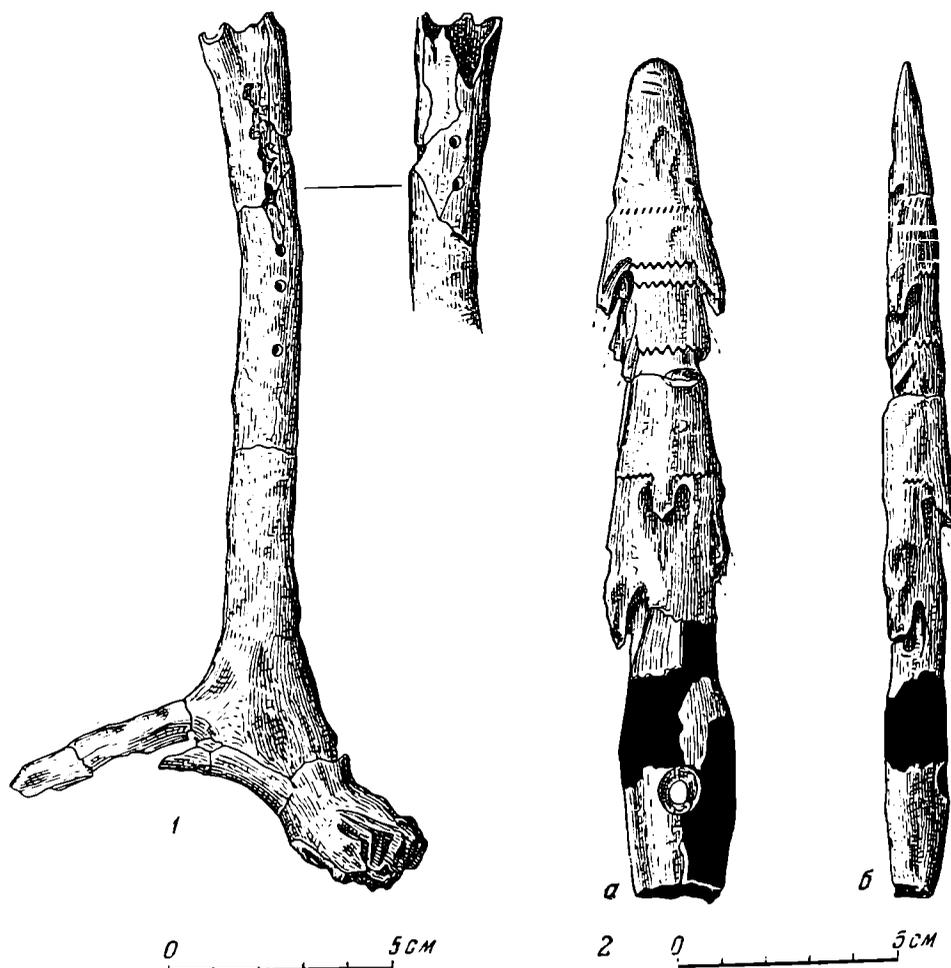

Рис. 70. Флейта (1) и гарпун (2) из рога.

области, в 1954 г. обнаружен еще один древний музыкальный инструмент типа флейты (рис. 70 — 1).

В отличие от первой флейты, встреченной в четвертом позднемадленском горизонте стоянки при раскопках 1953 г.¹, вторая флейта найдена во втором горизонте культурного слоя, ближе к поверхности, что свидетельствует о ее более позднем времени; на основании кремневого инвентаря этот горизонт нами датируется временем конца палеолита.

Флейта была найдена в светложелтом суглинке на глубине 1,59 м от условной нулевой линии, по уровню которой производилась нивелировка залегания культурных отложений при раскопках в 1953—1954 гг. Как и предыдущая, вторая флейта сделана из рога северного оленя; ее длина — 195 мм, средний диаметр — 14 мм. Корпус флейты имеет ответвление, так как для изготовления был использован рог с отростком. В корпусе проделаны сквозное горизонтальное отверстие и небольшие вертикальные диаметром 1—2 мм. В мундштучной части флейты на ее верхней стороне хорошо сохранились 3 вертикальных отверстия, расположенных по одной линии, на небольшом расстоянии; кроме того, заметны еще следы 4 отверстий, также расположенных по одной линии. Таким образом, на верхней стороне мундштучной части сделано 7 вертикальных отверстий, а на оборотной — два.

На нижнем конце флейты также проделаны 2 отверстия: первое — у раздвоения рога, второе (диаметром 2 мм) — сбоку, в его основании; через второе выдувался воздух из внутренней полости. Флейта была орнаментирована: на поверхности основания рога кремневыми орудиями вырезаны линии, сходящиеся под углом в виде елочки.

Флейта, в отличие от находки 1953 г., кроме горизонтального отверстия имела 10 вертикальных и одно отверстие в основании. Это свидетельствует о большей технической сложности инструмента, рассчитанного на воспроизведение большего количества звуков.

Новая находка флейты является не только показателем существования в палеолитическое и мезолитическое время музыкальных инструментов, но и того, что музыкальные инструменты постепенно развивались, совершенствовались. Флейта, найденная в 1954 г. на стоянке Молодова 5, — наиболее сложный музыкальный инструмент, известный нам в настоящее время с палеолитических стоянок.

* * *

Вторая интересная находка на стоянке Молодова 5 — это гарпун из рога оленя (рис. 70 — 2). Гарпуны, как известно, — одно из наиболее совершенных орудий первобытного человека. Они свидетельствуют о высоком уровне развития техники обработки кости и рога. Самые древние гарпуны появились впервые в конце палеолитического времени, в эпоху мадлен. В процессе развития техники производства первобытного общества этот вид оружия охоты на зверей и крупную рыбу постепенно совершенствовался и усложнялся. Вместо одного ряда зубьев, характерных для наиболее ранних мадленских гарпунов, появляются второй ряд зубьев и отверстия на нижнем конце гарпуна.

На территории СССР известно сравнительно небольшое количество гарпунов интересующего нас времени. Наиболее древние относятся к мезолитическому времени. Так, например, гарпуны с двойным рядом зубьев встречены на стоянке Верхоленская гора; П. П. Ефименко сопоставляет ее с группой позднейших стоянок Енисейского края, «в которых уже начинает ощущаться приближение неолитической эпохи»². На территории Европейской части СССР древние гарпуны с двумя рядами зубьев найдены пока лишь

¹ А. П. Черныш. Флейта палеолитического времени. КСИИМК, 59, 1955, стр. 129, 130.

² П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 589.

в Крыму и на Кавказе: на стоянке Мурзак-коба (4 экземпляра) и на стоянке Гварджилас-кде (1 экземпляр)¹. Первая среди этих стоянок датируется тарденуазским временем, вторая относится к 3-й хронологической группе позднепалеолитических стоянок Кавказа, которая соответствует памятникам азильского времени.

Ни один из указанных гарпунов не имеет отверстий на нижнем конце, которые обычно встречаются на гарпунах (с двойным рядом зубьев), известных по памятникам азильского времени Западной Европы.

При раскопках стоянки Молодова 5, на глубине 1,1 м, в светложелтых лёссовидных суглинках, в горизонте 1а, встречен гарпун с двумя рядами зубьев и отверстием на нижнем конце, аналогичный в известной степени гарпунам азильских памятников. Для изготовления его был использован рог благородного оленя, специально расщепленный на две части. Размеры гарпуна — около 187 × 24 × 12 мм. Гарпун — коричневого цвета, плоский в сечении, верхняя часть его уплощена, а самый конец овальный, пришлифованный с двух сторон. Сохранились остатки трех пар зубьев, симметрично размещенных с двух сторон. Кроме того, один шип помещен отдельно, на внешней плоскости оружия. Верхний ряд зубьев ограничивается двумя симметрично расположенными небольшими бородками; следы таких же бородок заметны по краям ниже. Нижняя часть гарпуна — ромбовидной формы. В связи с этим не было необходимости изготавливать специальные шипы-ограничители. Нижний конец гарпуна не имеет конического окончания, приспособленного для насаживания. Он прямоугольный, с отверстием диаметром 6—10 мм. На поверхности оружия, особенно по краям и на концах, заметны следы орнамента в виде параллельно и зигзагообразно расположенных черточек.

Гарпун со стоянки Молодова 5 отличается от гарпунов со стоянок Верхоленская гора, Мурзак-коба и Гварджилас-кде наличием отверстия на нижнем конце, а от 3 экземпляров из Мурзак-кобы и Гварджилас-кде — симметричным расположением зубьев. Лишь на четвертом гарпуне из Мурзак-кобы также есть следы симметрично расположенных зубьев².

Среди гарпунов со стоянок Западной Европы наиболее близки молодовскому найденные в гроте Мас д'Азиль. Необходимо отметить, что азильские гарпуны не тождественны гарпуну из Молодова 5, особенности которого заключаются в наличии шипа на внешней поверхности и бородок над зубцами и нижними зубьями.

Находка гарпуна сложной формы на Днестре свидетельствует о существовании здесь в мезолитическое время, как и в Крыму, высокого уровня техники обработки метательных орудий из кости и рога. Условия залегания находки вместе с материалами мезолитического времени позволяют предположить возможность обнаружения при дальнейших раскопках аналогичных орудий более простого устройства, относящихся к мадленскому времени, до сих пор на территории СССР неизвестных.

---

¹ С. Н. Бибииков. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма. Ученые записки ЛГУ, вып. 13, 1949; С. Н. Замятин. Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ, 1935, № 2.

² С. Н. Бибииков. Указ. соч., табл. I, № 7.

А. А. ФОРМОВ

ДОАНДРОНОВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В КАЗАХСТАНЕ

В последние годы опубликованы некоторые материалы со стоянок эпохи энеолита в Казахстане¹. Хотя эти материалы добыты путем сборов, благодаря им впервые удалось составить представление о культуре Казахстана, предшествовавшей эпохе развитой бронзы, хорошо известной по андроновским могильникам². Число зафиксированных сейчас доандроновских поселений уже превысило число андроновских стоянок, известных в настоящее время в Казахстане и изученных пока лишь на Тоболе и на Иртыше. Но совершенно иное положение в Казахстане с изучением погребений, относящихся к эпохе раннего металла. Андроновские погребения найдены во всех районах Казахстана, и число их достигает нескольких сот, однако ни одного доандроновского погребения до сих пор не опубликовано.

Вряд ли отсутствие находок этих памятников случайно, если учесть многочисленность доандроновских стоянок и андроновских могильников. Скорее приходится думать, что у населения Казахстана эпохи энеолита бытовали такие обряды погребения, которые лишь в редких случаях оставили следы. Нам кажется наиболее вероятным допустить существование обряда трупосожжения. В подтверждение этого мнения приведем несколько фактов. Во-первых, как отмечает К. В. Сальников, в раннеандроновских курганах Южного Приуралья трупосожжение широко распространено, а в более поздних курганах оно уступает место трупоположению³. Очевидно, более древний обряд в андроновской культуре уже изживался. Во-вторых, для соседнего с Восточным Казахстаном Томского района Сибири мы знаем трупосожжения примерно афанасьевского времени (Томский могильник)⁴. В-третьих, можно указать некоторые материалы и о ранних трупосожжениях в самом Казахстане.

В 1903 г. краевед Ф. Н. Педашенко обследовал на дюнах к северо-востоку от Семипалатинска несколько развеянных ветром погребений в виде

¹ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 49—58; его же. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 3—18.

² Выводы из этих материалов, сделанные нами, в основном приняты специалистами (см. работы С. П. Толстова, К. В. Сальникова и др.). Резкой критике они были подвергнуты лишь В. Н. Чернецовым (МИА, № 35, 1953, стр. 56), считавшим, что отмеченные нами различия памятников энеолита разных областей Казахстана — различия хронологические, а не культурные. С этим никак нельзя согласиться, ибо трудно понять, почему в сборах под Семипалатинском, заключающих тысячи черепков и кремней, совсем нет «ранних», по В. Н. Чернецову, предметов, а на десятках стоянок Приуралья представлены только ранние памятники при полном отсутствии поздних. Впрочем, В. Н. Чернецов в сводной таблице XX непоследовательно называет стоянки Приуралья кельтеминарскими и дает им предложенные нами даты.

³ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 112.

⁴ М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 24, 1952.

трупосожжений, сопровождавшихся кремневыми наконечниками стрел (треугольными с выемкой в основании, черешковыми и ланцетовидными), осколками топаза, дымчатого или горного хрусталя, керамикой «с простейшим орнаментом» и в ряде случаев кусками медной руды. Среди многих трупосожжений обнаружено одно трупоположение, вытянутое по линии север — юг¹. Вот все, что известно об этих интереснейших находках. В том же районе, в 5 км к северо-востоку от Семипалатинска, около бывшей Соловьевской мельницы, в 1935 г. открыто захоронение, содержащее каменные нешлифованные топоры и керамику. Погребение было в яме размером 2 × 3 м, обставленной деревянными столбами. В северо-западном и юго-восточном углах могилы найдено по два конских черепа. Следов захоронения человека не обнаружено, но отмечено углистое скопление в северо-западном углу ямы². Неясность описания заставляет воздержаться от анализа условий погребения, но нельзя не отметить, что в раннеандроновских курганах Приуралья встречается обставка ямы столбами³, черепа коней обнаружены в андроновской могиле у Кокчетава⁴, а подвески из клыков кабана обычны в погребениях эпохи бронзы.

Для Западного Казахстана у нас имеются еще более неопределенные сведения о «трупосожжениях неолитического возраста» по рр. Уралу, Уленте и Исель-Анкату⁵. Приведенные данные указывают на то, что в эпоху энеолита в Казахстане были распространены погребения в виде трупосожжений без внешних признаков на поверхности, чем и объясняется то, что мы их почти не знаем. Судя по находке Ф. Н. Педашенко под Семипалатинском, попадались и отдельные трупоположения. Это неудивительно, так как в любой культуре мы встречаемся с несколькими обрядами погребений.

В Казахстане в 1937 г. было случайно открыто еще одно трупоположение, инвентарь которого сохранился. Погребение обнаружено в пос. Северный Джар-Куль на берегу оз. Светлый Джар-Куль, в 35 км к северо-западу от Кустаная; вещи сохранены учителем П. С. Загородным. На берегу Светлого Джар-Куля находится интересная стоянка, известная по сборам П. С. Загородного, хранящимся в Кустанайском музее. Микролитический инвентарь стоянки очень типичен: наконечники стрел с выемкой в основании и плоской зубчатой ретушью, нанесенной с брюшка, ножевидные пластины с краевой ретушью, концевые скребки, конические нуклеусы, утюжок-гладилка и т. д. Керамика орнаментирована гребенчатым штампом⁶.

С этой стоянкой связано, очевидно, и погребение. Внешние признаки на поверхности не зафиксированы. Положение костяка и его ориентировка не выяснены; известно лишь, что находка сделана на глубине 2 м. В Кустанайском музее сохранились отдельные кости скелета (фрагменты черепа, позвонок, ребро, фаланга пальца), явно не подвергшиеся действию огня. При погребении найдено 5 каменных предметов⁷. Три из них, сделанные из яшмы, находят полную аналогию в инвентаре стоянки Светлый Джар-Куль. Это концевой скребок на пластине длиной 4 см, шириной 1,2 см, с ретушью на обоих боковых краях, нанесенных со спинки пластины

¹ Отчет Семипалатинского подотдела Западносибирского отдела РГО за 1903 г. Семипалатинск, 1904, стр. 15—18.

² А. Х. Маргулан и Е. И. Агеева. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР. Изв. Академии наук Казахской ССР, серия археологическая, вып. 1. Алма-Ата, 1948.

³ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 100.

⁴ М. Н. Лентовский. Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа Казахской ССР. Кокчетав, 1928.

⁵ Е. М. Тимофеев. Урало-Каспийская степь как объект археологического изучения. Сб. «Урало-Каспийская степь», № 4, Уральск, 1930, стр. 117.

⁶ А. А. Формозов. Энеолитические стоянки Кустанайской области. Бюллетень КИЧП, 1950, № 15, табл. II.

⁷ Хранятся в Кустанайском областном музее под шифром А-V.

(рис. 71—4); обломок ножевидной пластины длиной 3,5 см, шириной 1,5 см, трапецевидной в сечении, с ретушью по одному концу (рис. 71—3), и резец на углу сломанной пластинки длиной 3 см, шириной 1,5 см (рис. 71—5). Аналогичные вещи известны со всех микролитических стоянок Казахстана. Четвертый предмет — обломок двусторонне обработанной заготовки овальной формы с овальным сечением, длиной 5 см, шириной 3 см (рис. 71—2).

Самая замечательная находка — каменный сверленный полированный молот, изготовленный из позднегерцинского сиенита, выходы которого известны на Тоболе между пос. Придорожным и Валерьяновским (рис. 71—1). Длина молота — 9,5 см, высота в наиболее широкой части — 4,5 см; круглые, слегка вытянутые ударные площадки разных размеров: диаметр передней — 2,5 см, задней — 3,5 см. Сверление правильное, одностороннее. Сверлина диаметром 2 см расположена ближе к задней площадке (расстояние от краев сверлины до задней площадки — 2,5 см, до передней — 5 см). Ширина молота — 5,3 см; бока его близ сверлины охватывают невысокий валик шириной 1 см, служивший для укрепления наиболее слабой части близ сверлины, где при ударе орудие могло скорее всего расколоться.

Это третья находка каменного сверленного молотка в Казахстане; два другие, обушкового и клиновидного типов (по определениям А. В. Городцова), известны по старой покупке Уйфалви Мезо-Ковешд в Оренбурге. По его словам, молотки были найдены на оз. Балкаш¹. Погребение на Светлом Джар-Куле определено можно датировать началом II тысячелетия до н. э., так как сверленных орудий типа найденного молота, относящихся к III тысячелетию до н. э., пока неизвестно, а в андроновское время уже не встречаются микролитические орудия вроде концевых скребков и резцов на углу сломанной пластинки.

Находка на Светлом Джар-Куле впервые позволяет судить о погребениях доандроновского времени в Казахстане, одновременных афанасьевским погребениям Сибири, но не сходным с ними.

Находка на Светлом Джар-Куле впервые позволяет судить о погребениях доандроновского времени в Казахстане, одновременных афанасьевским погребениям Сибири, но не сходным с ними.

Находка на Светлом Джар-Куле впервые позволяет судить о погребениях доандроновского времени в Казахстане, одновременных афанасьевским погребениям Сибири, но не сходным с ними.

¹ Ch. E. de Ujfalvy de Mezö-Kovesd. Expédition scientifique française en Russie, vol. II. Paris, 1879, стр. 134—138.

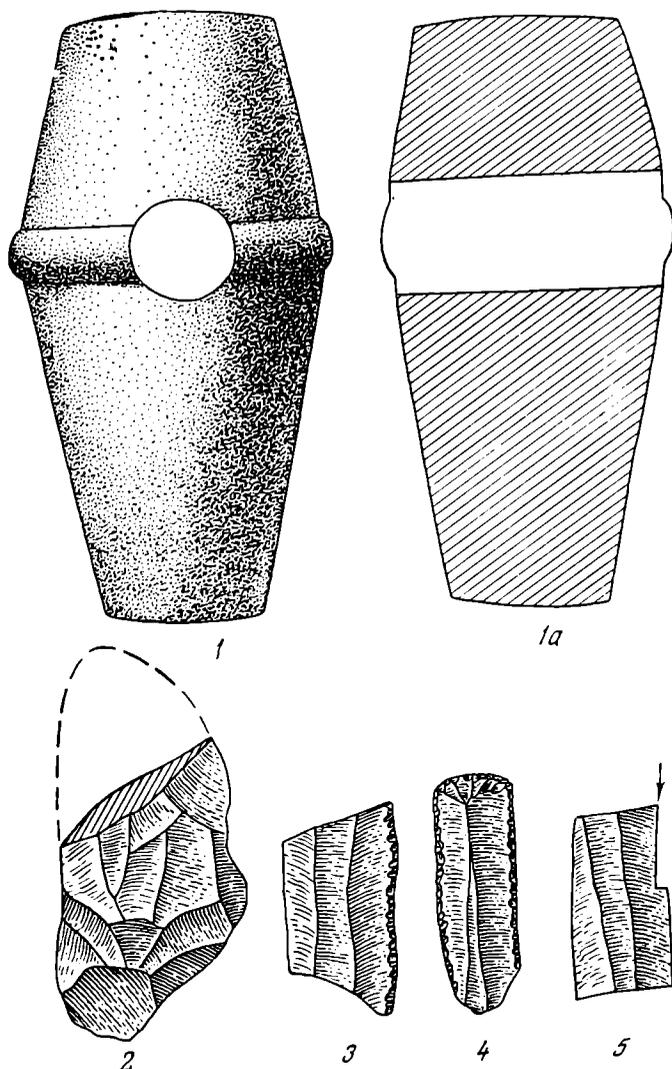

Рис. 71. Инвентарь из погребения у Светлого Джар-Куля.

1, 1а — каменный сверленный полированный молот; 2 — обломок двусторонне обработанной заготовки; 3 — обломок ножевидной пластины; 4 — концевой скребок; 5 — резец (2/3 н. в.).

К. В. ГОЛЕНКО

ХЕРСОНЕССКАЯ МОНЕТА С БОСПОРСКОЙ
НАДЧЕКАНКОЙ

Собранию Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина¹ принадлежит интересная херсонесская монета.

Лицевая сторона. Бюст городского божества «Херсонас»² в венке вправо. Перед ним — верхняя часть лиры, скрытой небольшой овальной надчеканкой. Кругом: ΕΔΕΥ—ΘΕΡΑ[Σ].

Оборотная сторона. Бегущая вправо Дева с дротиком в левой поднятой руке и луком в правой. Слева за богиней видна передняя часть лани влево. Кругом: ΧΕΡ[ΟΙ]—[ΝΕ[ΣΟΥ] (рис. 72—1).

Этот тип монеты наиболее обычен в нумизматике Херсонеса времени так называемой «второй элевферии». Вариант, к которому принадлежит монета, общеизвестен и неоднократно издан. Публикации наиболее близких экземпляров можно найти в трудах Б. В. Кёне, А. В. Орешникова и А. Н. Зографа³.

А. Н. Зограф на основании характерности стиля херсонесских монет, аналогичных публикуемой, и медных монет боспорского царя Рискуприда III (210—226 гг.) датировал первые временем «около 220 г.»⁴. Номинал монеты из Керченского музея, по А. Н. Зографу⁵, — тетрассарий, высший в чекане Херсонеса этого времени.

Публикуемая монета отличается от всех известных подобных монет (рис. 72—2) наличием надчеканки, что совершенно несвойственно монетам «второй элевферии». Вообще на херсонесских монетах весьма часто встречаются надчеканки, но лишь на тех, которые относятся к эллинистическому периоду. Правда, известны довольно редкие надчеканки с изображением Девы во весь рост с дротиком в руке, но эти монеты датируются еще I в. н. э. В надчеканке же на публикуемом экземпляре помещено тонко исполненное, но стилистически грубое изображение бюста мужчины влево в диадеме (или венке), ленты которой видны сзади (рис. 72—10). По-

¹ С собранием монет Керченского музея автор имел возможность ознакомиться благодаря любезности директора музея Ф. Т. Гусарова и заместителя директора Л. И. Чуистойвой. Им же обязан автор разрешением опубликовать данную монету.

² А. В. Орешников. Херсонас, божество Херсонеса Таврического. ИАК, вып. 65, стр. 144 и сл.; его же. Олицетворение общины Херсонеса Таврического на монетах. ИРАИМК, II, стр. 159 и сл.; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 158 и сл.

³ Б. В. Кёне. Исследование об истории и древностях города Херсонеса Таврического. СПб., 1848, табл. IV, № 9; А. В. Орешников. Собрание древностей, гр. А. С. Уварова, вып. VII. М., 1887, стр. 46, № 307; А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXVIII, № 1.

⁴ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 159.

⁵ Там же, стр. 158.

Рис. 72. Боспорские и херсонесские монеты III в. н. э.

1, 2 — херсонесские монеты; 3 — боспорская, Рискупорида III; 4—9 — Рискупорида V (4—6 — медные; 7 — билловый статер, 250 г.; 8, 9 — статеры, 263 и 265 г.); 10, 11 — увеличение монет 1 и 5 в четыре раза.

добная надчеканка совершенно несвойственна Херсонесу вообще, но находит себе точную аналогию среди надчеканок на боспорских монетах. Надчеканки такого же штампа известны на одной монете Рискупорида III (рис. 72—3 и на двух — Рискупорида V (240—267 гг.; рис. 72—4, 5, 11).

Эти надчеканки, несмотря на свою малочисленность (автору известны лишь 7 экземпляров), выделяются в совершенно самостоятельную серию, известную по монетам Рискупорида III, Ининфимея (234—239 гг.) и Рискупорида V. При этом, как удалось установить, монеты Рискупорида V, подвергшиеся надчеканке, выпущены в первой половине правления этого царя (в основном — в 250 г.). Они легко выделяются из числа других благодаря полному сходству портрета царя на медных монетах (рис. 72—6) и на статерах (рис. 72—7), которые, как известно, имеют обозначение года (в боспорской эре).

Не менее точно можно датировать и время самих надчеканок (рис. 72—10, 11) на основании совпадения отдельных деталей изображения на них и на статерах 263—265 гг. (рис. 72—8, 9) в трактовке одежды, концов диадемы (или венка) и общих черт портрета царя (или императора).

Значительную редкость монет с надчеканками 263—265 гг. можно легко объяснить прекращением выпуска монет медного номинала при Рискупориде V, что было вызвано катастрофическим обесценением основной денежной единицы Боспора — статера, еще во II в. золотого, а к концу III в. уже деградировавшего до меди.

Датировка надчеканки 263—265 гг. никак не может повлиять на правильность предложенной А. Н. Зографом датировки типа херсонесской монеты, так как для III в. на Боспоре как раз характерна одновременная надчеканка монет разного времени выпуска.

Наличие боспорской надчеканки на херсонесской монете, несомненно, случайно. Боспорская и херсонесская медь III в. служила только внутригосударственной разменной монетой и выпускалась в большом количестве. Если бы боспорские цари использовали херсонесские монеты, снабженные надчеканками, в качестве боспорских, то это явление приняло бы массовый характер, чему противоречит редкость, очевидно, даже уникальность экземпляра из Керчи. Следует также иметь в виду, что обращение иностранной, перечеканенной боспорскими штемпелями, монеты последний раз было еще при Асандре (47—17 гг. до н. э.). Кроме того, среди находок на боспорских городищах, кажется, не зарегистрировано ни одной херсонесской монеты III в.

Однако надчеканка херсонесской монеты на Боспоре вполне объяснима, если учесть спешку в работе монетных дворов III в. и факт одновременной надчеканки монет разных царей, типов и номиналов, тем более, что херсонесская монета указанного типа и, например, монеты Рискупорида III типологически близки друг другу (бюст вправо, круговая легенда на лицевой и сложный сюжет на оборотной стороне).

Как мы уже говорили, монета с подобной надчеканкой дополняет весьма ограниченный список монет с указанными надчеканками восьмым экземпляром для всей группы и пятым — для данного типа.

Херсонесская монета подтверждает также и факт долговременного обращения медной монеты на Боспоре в III в.

К. В. ГОЛЕНКО

К ДАТИРОВКЕ ПАНТИКАПЕЙСКИХ ТЕТРАДРАХМ

Пантикапейские тетрадрахмы, у которых на лицевой стороне изображена голова Аполлона в венке влево, а на оборотной — пасущийся конь¹ влево и под обрезом — ΓΑΝΤΙ (рис. 73—8, 9), стали известны исследователям давно; но встречаются они довольно редко, хотя их и часто публиковали². Так, А. Л. Бертье-Делагарду, зарегистрировавшему для своих весовых исследований все известные ему золотые и серебряные монеты Северного Причерноморья, было известно лишь 8 экземпляров тетрадрахм³. Весовая система, по которой они чеканены, — аттическая, что определил А. Л. Бертье-Делагард, исходя из среднего веса монет, равного 15,59 г⁴. По аттической системе серебро в Пантикапее начало чеканиться только с последней четверти III в. до н. э.; очевидно, ввиду этого обстоятельства, а также наличия изображения головы Аполлона на всех монетах конца III—II вв. до н. э., А. Л. Бертье-Делагард соединил тетрадрахмы с другими монетами (с головой Аполлона) этого времени в одну серию.

А. Н. Зограф⁵, правда, с некоторыми сомнениями, присоединился к датировке А. Л. Бертье-Делагарда, уточнив ее до 3-й четверти III в. до н. э. Отметив типологическую связь тетрадрахм и остального серебра конца III—II вв. до н. э., А. Н. Зограф сопоставил выпуск первых с чеканкой тетрадрахм других городов Причерноморья этого времени. Добавочными аргументами подобной датировки послужило А. Н. Зографу сравнение формы легенды тетрадрахм и некоторых медных монет 3-й четверти III в. до н. э., а также сравнение изображения коня на оборотной стороне монет и коней чертомлыцкой вазы⁶.

¹ В старой литературе коня ошибочно принимали за Пегаса.

² Например, Г. Спасский. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846, табл. 1, № 2; Б. Кёне. Описание музеума кн. В. В. Кочубея и исследование об истории и нумизматике греческих поселений в России, т. I. СПб., 1857, стр. 358, № 78 (там же ссылки на все известные Б. Кёне публикации этих монет); П. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря... Одесса, 1884, табл. XXI, № 103; X. X. Гиль. Новые приобретения моего собрания. ЗРАО, т. V, 1892, табл. V, № 32; A. v. Sallet. Königliche Museen zu Berlin. Beschreibung der antiken Münzen, Bd. I, Berlin, 1888, табл. II, № 14.

³ А. Бертье-Делагард. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. ИС, II, 1913, стр. 87.

⁴ Там же.

⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 180.

⁶ Действительно, сходство коня, изображенного на тетрадрахмах, и пасущегося коня на чертомлыцкой вазе — полное (общий тип лошади, подстриженная грива, одинаковая постановка ног и пр.), что в меньшей мере можно видеть при сопоставлении чертомлыцких коней и коней, изображенных на монетах Ларисса, приведенных А. П. Манцевич в качестве аналогии (А. П. Манцевич. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху. ВДИ, 1949, № 2, стр. 196 и сл.).

Рис. 73. Серебряные (2, 4—9) и медные (1, 3) монеты Пантикапея, IV в. до н. э.

В недавно вышедшей статье Д. Б. Шелов¹ подробно останавливается на датировке интересующих нас монет. Повторив и развив замечания А. Н. Зографа, он справедливо отметил ряд особенностей этих монет, отличающих их от остального комплекса серебра конца III—II вв. до н. э., и присоединился к датировке А. Н. Зографа.

Но подобная датировка еще недостаточно обоснована. Кроме изображения головы Аполлона и аттической системы, по которой биты тетрадрахмы и позднее серебро, все противоречит соединению обеих групп. Так, тетрадрахм известно сравнительно немного; чеканены они из хорошего серебра и очень тщательно, монетный кружок их хорошо обработан, изображения выполнены тщательно, вес устойчив.

Серебряные монеты конца III—II вв. весьма многочисленны; их вес претерпевает значительные понижения для всех типов (до 40% внутри типа), что указывает на долговременность чеканки, чего нельзя сказать о тетрадрахмах. Серебро этих монет низкопробное, кружок часто недостаточно тщательно обработан, чеканка и общий стиль изображений очень небрежны.

Кроме того, сравнение начертания буквы «пи» в легенде тетрадрахм и серебра конца III—II вв. до н. э. противоречит их сближению; в легенде тетрадрахм «пи» — более раннего начертания — П. Переход от подобной формы к более поздним П, Р, П прослеживается на монетах Пантикапея 2-й четверти III в. до н. э.²

Эти, а также другие перечисленные выше соображения заставляют пересмотреть датировку пантикапейских тетрадрахм.

С первого взгляда пантикапейские тетрадрахмы и серебро Пантикапея IV в. до н. э. не имеют ничего общего между собой: последнее билось по эгинской системе, почти все монеты IV в. до н. э. имеют на лицевой стороне изображение головы сатира. Но в старой нумизматической литературе есть публикация некоторых типов монет, которые почему-то незаслуженно были оставлены без внимания современными исследователями и которые могут оказать помощь в уточнении датировки тетрадрахм.

На этих монетах мы позволим себе остановиться несколько подробнее.

1. Лицевая сторона. Голова бородатого сатира в венке влево.

Оборотная сторона. Голова Аполлона в венке влево, слева легенда ΠΑΝΤΙ (рис. 70—4).

А. Л. Бертье-Делагарду было известно два таких экземпляра. Их вес — 12,66 г и 9,37 г³. Они издавались Б. Кёне, А. Сибирским, П. О. Бурачковым и в последнее время Ю. С. Крушкол⁴.

2. Лицевая сторона. Голова бородатого сатира в венке влево.

Оборотная сторона. Пасущийся конь влево (рис. 73—5), внизу — ΠΑΝΤΙ, т. е. то же, что и у тетрадрахм.

Вес этой монеты — 8,25 г. Повидимому — unicum. Издана Н. de Nanteuil⁵.

3. Лицевая сторона. Голова безбородого сатира в венке влево.

Оборотная сторона. То же, что у предыдущей монеты.

¹ Д. Б. Шелов. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, № 33, 1954, стр. 66 и сл.

² К. В. Голенко. Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э. КСИИМК, 58, 1955, стр. 131—138.

³ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 83.

⁴ Б. Кёне. Указ. соч., стр. 345, № 22; А. Sibirskij. Catalogue des médailles du Bosphore Cimmerien. SPb., 1859, табл. II, № 63; П. Бурачков. Указ. соч., табл. XIX, № 48; Ю. С. Крушкол. Ранние монеты Пантикапея как исторический источник. ВДИ, 1950, № 1, стр. 183 и сл., табл. IV, № 1.

⁵ Н. de Nanteuil. Collection de monnaies grecques. Paris, 1925. стр. 235, табл. XLII, № 691.

Известны 2 экземпляра (рис. 73—6—7). Изданы А. Л. Бертье-Делагардом¹. Их вес 9,10 г и 6,08 г. На одной из монет (№ 6) автор ясно различал следы перечеканки и полагал, что материалом для этой операции послужила изношенная или сознательно подчищенная дидрахма (эгинской системы), на оборотной стороне которой был наложен штамп тетрадрахмы, а лицевая осталась прежней. Нам кажется несколько странной перечеканка монеты лишь одним штемпелем, но поскольку эта монета известна лишь по воспроизведению, то вопрос о технике ее чеканки остается открытым.

О самостоятельности этого типа свидетельствует второй экземпляр, чеканенный на новом кружке, на оборотной стороне которого, — кстати сказать, так же как и на некоторых тетрадрахмах, — изображены между ног коня кустики травы.

Изображения оборотных сторон обеих монет совершенно идентичны изображениям тетрадрахм (для монет на рис. 73—5—7 — оборотная сторона тетрадрахм, для монеты на рис. 73—4 — лицевая)².

Однако изображения лицевой стороны (голова бородатого или безбородого сатира) этих монет ничем не отличаются от типов многих монет IV в. до н. э. Разбираемые нами монеты особенно близки двум типам крупных монет, которые А. Н. Зограф датировал концом IV в. до н. э.:

1. Лицевая сторона. Голова бородатого сатира в венке влево. Обратная сторона. Лук, стрела, легенда ΓΑΝΤΙ (рис. 73—1).
2. Лицевая сторона. Голова безбородого сатира в венке влево.

Оборотная сторона. Голова быка в $\frac{3}{4}$ влево, легенда ΓΑΝ.

Монета последнего типа без каких-либо существенных типологических отличий чеканилась и в меди (рис. 73—3), и в серебре³ (рис. 73—2). Серебряные монеты чеканены по эгинской системе; они — дидрахмы, их средний вес — 11,7 г⁴.

Кроме того, исчерпывающей аналогией (по лицевой стороне) монет типа, приведенного на рис. 73—4—7, могут служить золотые пантикапейские последних серий, чеканенных также в конце IV в. до н. э.⁵

Резкие весовые колебания монет разбираемого типа (рис. 73—4—7) тоже могут указывать на переход к новой системе. К сожалению, уловить, по какой именно системе биты те или иные экземпляры переходных типов, — нельзя: отклонения их веса от норм как эгинской, так и аттической систем настолько значительны, что приближение веса того или иного экземпляра к одной из систем будет бездоказательно.

Становится очевидным, что монеты, приведенные нами, принадлежат к переходным типам, чеканка которых связывала тетрадрахмы с остальным серебром IV в. до н. э. Вряд ли мы ошибемся, если признаем конец IV в. до н. э. за время чеканки тетрадрахм Пантикапея. Подобная датировка, естественно, заставит отодвинуть время чеканенных по эгинской системе некоторых типов монет, датированных А. Н. Зографом концом IV в. до н. э., — вглубь этого века.

Появление в конце IV в. до н. э. серебра, битого по аттической системе, исторически обосновано, так как последняя серия пантикапейского золота (конца IV в. до н. э.) чеканена по этой же системе⁶.

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Монетные новости древних городов Тавриды. Отд. оттиск из ЗООИД, т. XXX, стр. 16 и сл., табл. 11—12; его же. Материалы... стр. 84.

² В этой монете сочетаются изображения лицевой стороны монет двух разных типов.

³ П. Бурачков. Указ. соч., табл. XX, № 59 (серебро), № 60 (медь); А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XL, № 31 (серебро), табл. XLI, № 1 (медь).

⁴ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы... стр. 83.

⁵ П. Бурачков. Указ. соч., табл. XIX, № 47, табл. XX, № 58; А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XL, № 10—12.

⁶ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы... стр. 86.

Чеканка серебра была прервана тяжелым денежным кризисом III в., когда выпускалась только медь. После кризиса чеканка серебра по аттической системе возобновилась, причем все монеты (типологически очень разнообразны), как правило, несут на лицевой стороне изображение головы Аполлона (которая, возможно, служила отличительным признаком новой системы) и чеканены по аттической системе¹.

Таким образом, изменение типологии тетрадрахм легко объясняется переходом к чеканке по новой системе².

---

¹ Во время кризиса III в. до н. э. некоторые новые типы медных монет повышенного веса также имели изображение головы Аполлона. Интересно замечание А. Н. Зографа о том, что изменение типологии в данном случае служило средством завоевания доверия к новой монете (А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 179).

² Необходимо отметить, что изображение головы Аполлона на тетрадрахмах не является первым среди монет Пантикапея. Известны, — правда, лишь в незначительном количестве, — пантикапейские монеты еще V в. до н. э. (например, — Ю. С. Крушкoл. Указ. соч., табл. III, № 6) с подобным сюжетом. Таким образом, изображение головы Аполлона является первым изображением божества (но не его символов) на монетах Пантикапея.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ВУАК — Всеукраїнський археологічний комітет
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ — Материалы по этнографии
НС — Нумизматический сборник
ОАК — Отчет Археологической комиссии
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СГУ — Саратовский государственный университет
СЭ — Советская этнография
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УзФАН — Узбекский филиал Академии наук СССР
ХГУ — Харьковский государственный университет
BSNR — Buletinul Societății Numismatice Române
CNA — Cronică numismatică și arheologică
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
JDAI — Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen archäologischen Instituts
NCh — Numismatic Chronicle
PAU — Polska Akademia Umiejętności
RE — Pauly-Wissowa-Kroll. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
SC — Scythica et Caucasica. В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. 1893—1906
RN — Revue numismatique
SCIV — Studii și cercetări de istorie veche
WPZ — Wiener Prähistorische Zeitschrift
ZfN — Zeitschrift für Numismatik
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Проф. Инь Да (Китай). Достижения китайской археологии за 4 года . . .	3
Л. Р. Кызласов. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии .	14
Л. И. Тарасюк. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи .	22

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Г. Шовкопляс. Раскопки Мезинской палеолитической стоянки. (Предварительное сообщение о раскопках 1954 г.)	31
А. П. Черныш. Палеолитическая стоянка Вороновица 1. (По данным раскопок 1951—1953 гг.)	40
Е. К. Черныш. Многослойное поселение у села Незвиско на Днестре	48
И. К. Свешников. Могильник в селе Звенигород Львовской области (Культура ленточной керамики)	57
А. И. Тереножкин. Раскопки курганов в долине реки Молочной в 1952 г.	70
И. В. Синицын. Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции	76
Б. Э. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. (Предварительное сообщение)	85
Н. Н. Погребова. Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища.	94
П. Д. Либеров. Курганы у села Черемушны	98
Б. А. Шрамко. Курган и городище у села Циркуны	103
В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1953 году	109
А. Н. Карасев. Основные результаты работ на ольвийской агоре в 1953 году .	124
В. М. Скуднова. Комплекс находок из раскопок святилища кабиров в Нимфее.	128
Т. Н. Книпович. Исследования территории римской цитадели в Ольвии	139
Ж. Вожарова (Болгария). Раннеславянская керамика из села Попина	142

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

А. П. Черныш. Новые находки из раскопок стоянки Молодова 5 на Днестре .	150
А. А. Формозов. Доандроновское погребение в Казахстане	153
К. В. Голенко. Херсонесская монета с боспорской надчеканкой	156
К. В. Голенко. К датировке пантикапейских тетрадрахм	158
Список сокращений	162

Краткие сообщения ИИМК, вып. 63

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР*

*

*Редактор издательства М. Г. Воробьева
Технический редактор Т. В. Алексеева*

*

*РИСО АН СССР № 121—33В. Сдано в набор 3/XII
1955 г. Подп. к печати 24/III 1956 г. Формат
бум. 70 × 108/16. Печ. л. 10.25 = 14 + 4 вкл.
Уч.-изд. лист. 14.3. Тираж 1500. Т.-01682.*

Изд. № 367. Тип. зак. № 367.

Цена 8 р. 45 к.

*Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-64, Подсосенский пер., д. 21.*

---

*1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.*

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
66	2 сн.	Zentalkom.,	Zentralkom.,
69	4 сн.	malowanejz	malowanej z
122	1 сн.	доархеаноктидово	доархеанактидово
126	8 св.	(рис. 61—2)	(рис. 61—1, 2)
148	8 сн.	Niedferbûv	Niederlûv
155	11 сн.	Балкаш ¹ .	Балхаш ¹ .